Муза Малиновская
и Леонид Эйтингон

НА ПРЕДЕЛЬНОЙ ВЫСОТЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами книга, которую написали Муза Малиновская и Леонид Эйтингон о жизни своих родителей, которая, без преувеличения, проходила на пределе человеческих возможностей.

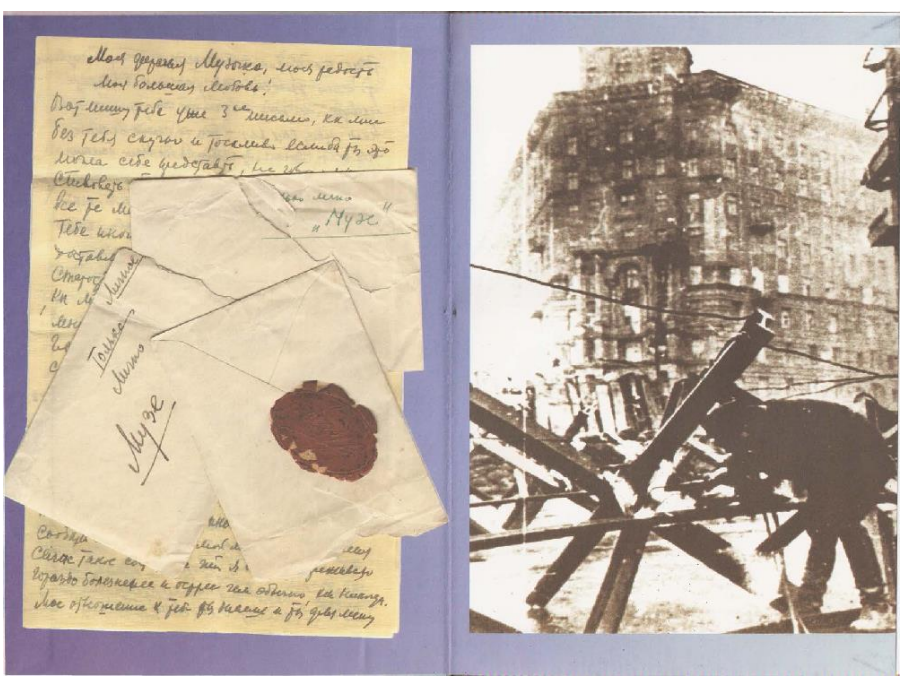
Эта жизнь вместила в себя до сих пор непобитые высотные рекорды и сложнейшие разведывательные операции, и «благодарность» правителей в виде тюремного заключения, и стойкость и веру ждавших, и награды Родины.

- На предельной высоте
  -
  - Вместо предисловия
  - Глава I. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА
  - Глава II. РАЗВЕДЧИК НАУМ ЭЙТИНГОН
  - Глава III. ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ СТАЛИНА
  - Глава IV. ПАРАШЮТИСТКА МУЗА МАЛИНОВСКАЯ
  - Глава V. ОПЕРАЦИЯ НА БОСФОРЕ
  - Глава VI. «МОНАСТЫРЬ», «БЕРЕЗИНО»…
  - Глава VII. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА
  - Глава VIII. ДВАЖДЫ УЗНИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА
  - Глава IX. БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА

На предельной высоте
Муза Малиновская и Леонид Эйтингон
О СВОИХ РОДИТЕЛЯХ ПАРАШЮТИСТКЕ И РАЗВЕДЧИЦЕ МУЗЕ МАЛИНОВСКОЙ и ГЕНЕРАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАУМЕ (ЛЕОНИДЕ) ЭЙТИНГОНЕ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ НАШИХ РОДИТЕЛЕЙ И ИХ БОЕВЫХ СОРАТНИКОВ

Авторы



На первой странице обложки: Н. Эйтингон и М. Малиновская. Фото из семейного альбома.

На 1-м форзаце: письма с «нейтральной полосы» и

фотография дома на Можайском шоссе (Большая Дорогомиловская улица), в котором жила семья Эйтингона. Москва, 1941 год.

На второй странице обложки: Муза Малиновская после совершения рекордного прыжка. 1935 год.

На 2-м форзаце: письма из Владимирского централа. Награды Н.И. Эйтингона, возвращенные детям в 2005 году.

Вместо предисловия

В 2001 г. в Лондоне вышла книга «Агент по кличке «Леон». Мы благодарны Вячеславу Катамидзе, который помог обработать материал, касающийся наших родителей.

За время работы над книгой в угоду западному читателю рукопись несколько изменилась от задуманной первоначально.

За почти десять лет, прошедших после ее написания, мы имели возможность уточнить некоторые подробности деятельности наших родителей от людей, близко их знавших по работе. Мы узнали определённые детали и подробности некоторых операций, прослушали магнитофонные записи, оставленные Павлом Анатольевичем Судоплатовым. Эти записи позволили переосмыслить определенные события мирового масштаба, в которых принимали участие наши родители и правильнее понять их отношение к этим событиям.

Некоторые публицисты, репортёры и просто любители пытаются анализировать деятельность советской разведки и при этом считают свое мнение чуть ли не судом последней инстанции. Преданность присяге и Родине они приравнивают к преступлению. Не имея доступа к архивам и государственным секретам, эти люди делают несуразные, а порой и глупые выводы, сравнивая деятельность советских разведчиков с зарубежными, забывая, что одни служили стране и идее, а другие золотому тельцу. Некоторые из этих горе-исследователей для повышения своей значимости оперируют известными фамилиями и непроверенными данными.

Нам бы очень хотелось, чтобы каждый занимался своим делом, изучал и анализировал свою родословную, а деятельность других людей оценивал, согласуясь с тем временем, в котором они жили. Мы все должны бережно относиться к Истории и заслугам людей, которые сделали свою страну великой.

Эта книга о наших родителях. Уже двадцать лет как нет мамы и тридцать — папы. Каждый год мы теряем друзей и соратников наших родителей и, как это не печально, их детей.

Известно, что нельзя уйти из жизни, не рассказав то, что пережил именно ты.

По сравнению с предыдущей, эта книга о наших родителях более семейная, мы добавили в неё неизвестные ранее фотоматериалы и письма. На протяжении многих лет переписка была единственным способом общения.

Страшное испытание, выпавшее нашей стране в 1941 году, заставило двух совершенно разных людей — неординарных и

самодостаточных во всех отношениях — встретиться и объединиться, встав на защиту своей Родины. Мы, дети Музы Малиновской и Леонида Эйтингона, горды тем, что носим их имена.

Муза Малиновская и Леонид Эйтингон.

Глава I. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой»

22 ИЮНЯ 1941 г. ЭТОТ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ ВЫЗЫВАЕТ УЖАС И ОЦЕПЕНЕНИЕ ДАЖЕ СЕЙЧАС, КОГДА ПРОШЛИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.

На фабриках и заводах

ГРАЖДАНЕ И ГРАЖДАНКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА !

Советское правительство и его глава товарищ СТАЛИН поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города…

…Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении н Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора.

…Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Из выступления по радио Заместителя председателя СНК СССР и

Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. МОЛОТОВА

22 VI 1941 г.

Величественна и грандиозна победа советского народа и его Вооружённых Сил в Отечественной войне, но трудным и долгим был путь к ней. Война, продолжавшаяся почти 4 года, унесла свыше 20 миллионов человеческих жизней, причинила нашей стране колоссальный ущерб.

Победа советского народа и его армии в гигантской схватке с фашизмом была закономерной. Это была победа сил социализма и гуманизма над силами реакции и фашизма. Она избавила человечество от угрозы фашистского порабощения, спасла мировую цивилизацию.

25 июня 1941 по указанию ЦК ВКП(б) была создана Особая Группа НКВД СССР, которая немедленно развернула разведывательную, диверсионную и боевую деятельность в тылу фашистских войск.

По решению ЦК ВЛКСМ «О мобилизации комсомольцев в войска Особой Группы при НКВД СССР» в ряды ОМСБОНа вступило около 800 комсомольцев из разных краёв и областей Советского Союза. Сотни членов спортивных обществ «Динамо», «Спартак» и других, а также студентов и преподавателей Государственного института физкультуры подали заявления с просьбой зачислить их в оперативные отряды и группы, действовавшие в тылу противника. Среди них немало прославленных мастеров спорта.

Вот что об этом периоде писал П.А. Судоплатов: «Еще до того, как создание Особой группы было оформлено приказом, 26 июня 1941 года Эйтингон был назначен заместителем начальника штаба НКВД по борьбе с парашютными десантами противника. Имелось в виду сорвать действия диверсионных подразделений абвера, которые были зафиксированы в прифронтовой полосе и в нашем тылу после неудачных сражений в Белоруссии и Прибалтике.

Парашютно-десантную службу спецназа возглавил видный мастер и организатор парашютного спорта до войны майор А. Фатеев. Позднее он был заместителем начальника службы диверсий и разведки МГБ СССР. С ним в бригаду пришли прославленные парашютистки М. Малиновская, Т. Шишмарёва и другие.»

5 июля 1941 конспиративное существование Особой группы было легализовано приказом наркома внутренних дел СССР.

Руководитель группы — майор государственной безопасности П.А. Судоплатов и его заместители Н.И. Эйтингон и Ш.О. Церетели продолжили работу в условиях жесточайшего лимита времени и кадров.

3 октября 1941 г. Особая группа при наркоме внутренних дел была преобразована в 2-й отдел НКВД СССР. Начальником второго отдела утвердили старшего майора госбезопасности П.А. Судоплатова, его заместителями стали Н.И. Эйтингон, Н.Д. Мельников и В.А. Какучая. Начальниками ведущих направлений в группе стали Я.И. Серебрянский, М.Б. Маклярский, В.А. Дроздов, П.И. Гудемович, М.А. Орлов, Н.С. Киселев, П.И. Масся, В.Е. Лебедев, А.Э. Тимашков, Г.И. Мордвинов.

Пополнение личного состава бригады осуществлялось на протяжении всех лет войны. Её бойцами становились влившиеся в спецотряды партизаны, добровольцы коммунисты и комсомольцы. Общая численность воинов бригады в отдельные периоды войны превосходила 10 000 человек, но при этом её костяком, наиболее активной и мобильной частью, оставались пришедшие первыми в спецназ чекисты, пограничники, добровольцы-спортсмены и зарубежные интернационалисты.

Так, в первые дни войны встретились профессиональный разведчик Наум Эйтингон и парашютистка-рекордсменка Муза Малиновская. Им предстояло совместное выполнение заданий в борьбе с фашизмом.

Глава II. РАЗВЕДЧИК НАУМ ЭЙТИНГОН

Эйтингон — руководитель советской нелегальной разведки в начале 1930-х годов — родился в городе Шклове, в Белоруссии, 6 декабря 1899 года. Его отец Исаак Эйтингон был счастлив рождению своего первенца. Назвал он его Наумом. Исаак служил на бумажной фабрике и, поскольку отличался скрупулёзностью в финансовых делах, был избран членом Шкловского судо-сберегательного товарищества. Уважаемым человеком был и дед Наума — Фавел Эйтингон, присяжный поверенный уездного Шкловского и Могилевского окружных судов.

Фавел Эйтингон очень гордился своей большой личной библиотекой, которую потом он передал в дар городу. Его брат Гершель был купцом второй гильдии, и в сентябре 1894 года получил разрешение на постройку паровой мельницы высотой в целых четыре кирпичных этажа! Но в большинстве своём представител и рода Эйтингонов занимались другим делом — торговлей мехами.

Семья Исаака Эйтингона, однако, была небогата, и к тому же в 12 лет Наум Эйтингон стал главным кормильцем всей семьи. Когда отец умер, мать осталась с четырьмя детьми: ими были Наум, сёстры Софья и Сима, и младший брат Израиль.

В поисках лучшей доли они переехали в Могилёв, так как мать Наума, урождённая Гранат, имела в Могилёве многочисленных родственников. В их числе были такие известные люди как братья Александр и Игнатий Гранаты, издатели популярной Энциклопедии, чью просветительскую деятельность оценили в то время многие общественные политические деятели, включая Керенского и Ленина.

Братья Гранат были энциклопедически образованными людьми и постоянно привлекали к работе над словарём лучшие научные силы России. Художником-оформителем его был известный русский художник Леонид Осипович Пастернак — отец поэта Бориса Пастернака. Издание братьев Гранат, более демократичное по сравнению со словарём Брокгауза и Эфрона, предназначалось для средних слоев населения.

Исаак Эйтингон (справа) и его дети. Наум — во втором ряду

С одним из представителей семьи Гранат — Пинхусом Гранатом — молодой Наум Эйтингон потом недолгое время работал в местном продовольственном комитете.

Трудовая деятельность Наума Эйтингона началась, когда он был еще гимназистом. Чтобы заработать денег для семьи, он давал частные уроки. К взрослой трудовой деятельности он приступил, когда ему было 18 лет — начал работать в городских учреждениях Могилёва: в то время образованных людей в них было не так много. Тогда же он вступил в партию социалистов-революционеров, но вскоре вышел из неё из-за несогласия с политикой поддержки империалистической войны, которую проводила партия эсеров. В 1918 году он работал рабочим на бетонном заводе, а потом устроился в продовольственный комитет; позже служил в губернской рабочей кооперации.

В 1919 году его судьба сделала важный поворот, навсегда связав с секретной службой. В октябре он вступил в РКП(б) и вскоре начал работать в профсоюзных организациях в Гомеле, где тогда находился губернский центр, но местные руководители его уже заметили и рекомендовали в аппарат губчека. Приход Эйтингона в секретную службу совпал с назначением нового председателя губчека — Николая Валенберга, который впоследствии сыграл в судьбе Эйтингона немалую роль.

Здесь же, в Гомеле, впервые пересеклись пути Эйтингона и Троцкого. 10 мая 1920 года Председатель Революционного Военного Совета Республики Троцкий прибыл в Гомель для

реорганизации укрепрайона и усиления борьбы с дезертирством. Надо сказать, что и то, и другое неистовый «Робеспьер» русской революции делал давно проверенным способом: он сотнями расстреливал крестьян, отказывающихся бросать свою землю ради строительства новых укреплений, и дезертиров, которым шестилетняя война надоела хуже горькой редьки. Но если Троцкий в то время не мог и представить себе, что симпатичный гомельский чекист когда-нибудь станет организатором покушения на него, то Эйтингон, познакомившись с Троцким, не почувствовал к нему ничего, кроме антипатии. Возможно, она сохранилась в его душе надолго.

Эйтингон — гимназист

Надо сказать, что Эйтингон с юных лет привык всё делать обстоятельно и подходить к делу с полной ответственностью. Возможно, поэтому его работа в качестве сотрудника секретной службы была уже с первых дней оценена по достоинству. В 1920 году в губчека приехал из центра проверяющий по фамилии Романовский. Его вывод о деятельности местной секретной службы был таким: единственным светлым пятном на общем фоне является работа Эйтингона. Его выдвинули; он стал исполнять обязанности заведующего секретно-оперативным отделом. Когда в Гомеле вспыхнул бунт бывших мелких

собственников и уволенных из армии солдат, Эйтингон принял в его подавлении самое активное участие. Он защищал новую власть с оружием в руках.

Эйтингон — чекист

В начале 1921 года его направили в командировку в Москву. Вернувшись, он временно замещал своего шефа Валенберга. 20 марта 1921 года губком РКП Б утвердил его членом коллегии губчека. По сути дела, он руководил главным отделом местной секретной службы и пользовался полным доверием и поддержкой начальства. Так, в возрасте 21 года Наум Эйтингон стал вторым по значимости чекистом Гомельской губернии. Что он сделал для этого взлёта? Собственно, всё, что тогда делала Чрезвычайная Комиссия. Она утверждала новую власть, обрубая корни прежней системы. Теперь Эйтингон был уже одним из известных центру чекистов.

Вскоре состоялась его встреча с еще одним лидером русской революции — главой ЧКДзержин-ским. Он, отметив волевые

качества 22-летнего Эйтингона, послал его в Башкирию, поручив покончить с бандитизмом. Теперь Эйтингон был зампредом республиканской ЧК. Но ему приходилось и самому принимать участие в полевых операциях. Однажды в стычке с бандитами, совершавшими грабежи и убийства, он получил серьёзное ранение в ногу, и последствия этого ранения сказывались всю его жизнь.

Белорусский историк А. Карасёв утверждает (хотя без особой уверенности), что Эйтингон получил ранение в ногу под Давыдовкой и лечился от этого так долго, что и учиться в академии ему было недосуг… Так вот П.А. Судоплатов в своей книге «Спецоперация» написал всё совершенно верно: ранение в ногу, которое отзывалось болью всю жизнь, Эйтингон получил в Башкирии, а в 1922 он лежал в больнице по поводу прободной язвы двенадцатиперстной кишки, болезни, которая преследовала его постоянно и послужила одной из причин его смерти. Хотя никто не будет отрицать, что под Давыдовкой он был тоже ранен. Его ноги сохранили следы нескольких ранений.

Принимал он также участие и в освобождении большевистского командира Блюхера, который был захвачен китайцами на Дальнем Востоке.

Эйтингон с группой чекистов

В ОГПУ и среди друзей Наума Эйтингона звали Леонид. В своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы» Павел Судоплатов пишет, что в 20-е годы евреи-чекисты брали

себе русские имена, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей национальности как среди осведомителей и информаторов из кругов дворянства и бывшего офицерства, так и коллег, с которыми они работали. Впоследствии эта мода распространилась и за пределы ЧК, главным образом в государственных учреждениях страны. Но мы думаем, что выезд за рубеж под чужим именем был распространён у всех разведчиков, независимо от их национальности.

Эйтингон в Башкирии

В мае 1923 года Эйтингон был вновь вызван в Москву. Он прибыл на улицу Лубянка, прямо к «Железному Феликсу» и получил новое назначение — в соседний кабинет.

В центральном аппарате ОГПУ Эйтингон начал работу под руководством знаменитого Яна Петерса, начальника Восточного Отдела. Одновременно Эйтингон приступил к учебе на восточном отделении Военной Академии Генерального Штаба, которую закончил в середине 1925 года. Его однокурсниками были в те годы Чуйков и Голованов: один впоследствии проела-вился в дни обороны Сталинграда и стал Маршалом Советского Союза, а второй — Главным маршалом авиации.

Летом 1925 года Эйтингон был зачислен в Иностранный отдел (ИНО) ОГПУ и в октябре направлен — под глубоким прикрытием — в Китай. Там он на практике познакомился со сложностями работы в зарубежной разведке. Некоторые из операций, которые Эйтингон проводил тогда в Китае, были

засекречены даже в 2000 году.

Для нас откровением стал рассказ о деятельности отца, который мы услышали из уст Павла Судоплатова в 1995 году. Мы встретились с ним по нашей просьбе, так как хотелось услышать то, чего тогда ещё никто не знал. Мы, по правде сказать, немало удивились, когда услышали, что в 1920-е годы в целом ряде стран уже действовали объединённые разведсети ОГПУ и разведуправления Генштаба Красной Армии, в значительной мере опиравшиеся на структуры Коминтерна.

Имея за плечами реальный боевой опыт, навыки агентурнооперативной работы и хорошее для того времени военное образование, отец смог в Китае отточить своё мастерство конспиратора, аналитика и разработчика сложных оперативных комбинаций.

Он работал в Шанхае, Пекине, а с 1928 года — резидентом в Харбине. Его агенты проникали, благодаря содействию местных ячеек компартии, в круги русской белой эмиграции, в органы местной власти и даже резидентуры иностранных спецслужб. Последние — особенно британская разведка СИС — были и противниками, и в какой-то степени первыми наставниками И НО.

Эйтингон в Китае. Первые годы работы во внешней разведке

Павел Анатольевич Судоплатов рассказывал нам, как отцу удалось, используя свои военные знания, предотвратить попытку чанкайшистов захватить советское консульство в Шанхае, какие

дипломатические способности он проявил, когда до-бился освобождения группы наших военных советников, арестованных в Манчжурии.

П. А. Судоплатов в 1995 году. Последнее фото. Публикуется впервые

Все они потом вспоминали Эйтингона с глубокой признательностью.

В Китае Эйтингон работал в тесном контакте с другими советскими агентами. Например, завербованный им немец Рихард Зорге впоследствии стал широко известен.

Эйтингон и его коллега Иван Винаров, ставший по-еле войны крупным военным и политическим деятелем Болгарии, вступили в контакт с Зорге в Шанхае ещё в конце 20-х и получали от него довольно ценную информацию на протяжении последующих пятнадцати лет. Эта информация тщательно фильтровалась, так как было известно, что и немцы, и японцы подозревали, что Зорге — двойной агент, и нередко подбрасывали ему дезинформацию.

Весной 1929 года, после налёта китайской полиции на

советское консульство в Харбине, Эйтингон был отозван в Центр. Но его приключения за рубежом только начинались. Вскоре он оказался на турецких берегах. В Константинополе он работал под легальной крышей дипломатического сотрудника. Туда его послали на замену бывшему эсеру Якову Блюмкину — тому самому, что убил германского посла Мирбаха. Блюмкин был прощён Дзержинским и даже послан за границу. Позже выяснилось, что Блюмкин продолжает контакты с высланным за границу Троцким. На этот раз ему прощения не было…

В Турции Эйтингон пробыл недолго. Тем не менее он успел восстановить резидентуру в соседней Греции. Дело в том, что в июне 1930 года к англичанам перебежал чекист Агабеков. Из-за этого предательства вся созданная советской разведкой в Греции сеть была уничтожена, и потребовалось особое умение, чтобы её возродить.

Следующая командировка у Эйтингона была в США. Он поехал туда вместе с Яковом Серебрянским, начальником Особой группы, для того, чтобы вербовать рабочих китайского и японского происхождения. Официальная позиция ОГПУ была такая: они, дескать, могли пригодиться в случае войны СССР с Японией, которая уже захватила значительную часть территории Китая и Манчжурию, а также для подготовки диверсионных актов против Японии и её судов в американских портах.

Разведцентр ОГПУ в Китае

Но кроме этой официальной позиции была и другая, в своё время обоснованная Эйтингоном: поскольку китайские и японские рабочие в США представляли собой самую угнетённую и нищую группу, к тому же не испытывавшую особой

привязанности к их новой родине, в их среде можно было легко найти «нужный материал».

Параллельно с вербовкой китайцев и японцев Эйтингон занимался также внедрением агентов, которым предстояло долгое время быть глубоко законсервированными. Он переправил в США нескольких своих агентов, в том числе польских евреев, которые умирали от голода во Франции, и хорошо их законспирировал. Кстати, одним из агентов, которые были завербованы в тот период Эйтингоном, был японский художник Мияги. Вернувшись в Японию, Мияги продолжал работать на СССР и впоследствии стал одним из членов группы Рихарда Зорге. Эйтингон был не очень высокого мнения о последнем: он не мог ему простить того, что Зорге на допросе признал себя советским агентом.

Эйтингон вернулся в СССР в 1932 году. На короткий срок он становится заместителем начальника Особой группы, которой руководил Яков Серебрянский, затем — также ненадолго — возглавляет 8 отделение И НО. Но дальше начинается опять очень сложная и очень опасная работа.

Н. Эйтингон — заместитель начальника ИНО

Два года Наум Эйтингон работает в качестве нелегального резидента во Франции и Бельгии и около трёх лет — начальником Первого отделения И НО — иначе говоря, всей нелегальной разведки ОГПУ. Наиболее малоизвестным периодом работы Эйтингона является именно этот период — с 1933 по 1935 годы, когда он руководил нелегальной разведкой. В те времена работу с нелегалами называли «святая святых» разведки. До середины 30-х годов ему довелось побывать на заданиях в десятке стран, включая США, Китай, Францию, Иран, Германию и Польшу.

В период работы в США

Одним из самых важных достижений Эйтингона было создание нелегальной разведывательной сети в Америке, которая в значительной степени опиралась на еврейских иммигрантов, покинувших Россию накануне революции и сразу после неё.

Среди них были люди из Одессы, Харькова, Винницы, Петрограда и даже Гомеля, в котором он когда-то служил. Со многими из них он легко нашёл общий язык, с другими его свели родственники, давно обосновавшиеся в Нью-Йорке.

Нью-Йорк в конце 1930-х

Далеко не у всех иммигрантских семей в Америке жизнь сложилась удачно, и Эйтингон смог им помочь. Кроме того, период депрессии в США лишил многие еврейские семьи почвы под ногами. Связи Эйтингона были им полезны, и они соглашались оказывать ему услуги.

Так закладывался фундамент разведывательной системы, которая, существуя параллельно с разведцентрами, базирующимися в торговых и дипломатических представительствах разных стран в США, обеспечивала на многие годы проникновение в государственные и научные организации Америки.

Руководству Эйтингон был известен своими успехами в целом ряде операций. Он был осторожным, внимательным ко всем деталям человеком, и именно поэтому ему была поручена работа с нелегалами.

Немало поездивший к тому времени по свету Эйтингон очень хорошо чувствовал, насколько человек в соответствии с его характером и наклонностями сможет вписаться в ту или иную среду, найти общий язык с местными жителями, особенно в буржуазном обществе. Здесь он редко ошибался, и к тому же мог дать новому сотруднику много дельных советов, которые нередко спасали тому жизнь.

После преобразования ОГПУ в НКВД и назначения начальником И НО Слуцкого (вместо Артузова, который позже

был арестован) перед разведкой был поставлен ряд новых задач, в том числе добывание экономической и научно-технической информации. Но тут началась гражданская война в Испании, и лучшие кадры ИНО были направлены туда.

В 1936 году Эйтингон прибыл в Испанию в качестве заместителя резидента, в функции которого входили партизанские операции, включая диверсии на железных дорогах.

Гражданская война в Испании в той или иной форме продолжалась почти целое десятилетие. В 1931 г. была провозглашена республика и был положен конец правлению короля Альфонсо XIII. По одну сторону баррикад оказались «националисты», консервативные силы, а по другую «республиканцы». Антимонархическое движение, однако, было крайне неоднородным: силы республиканцев состояли из социалистов, коммунистов, троцкистов, анархо-синдикалистов, а также баскских и каталонских сепаратистов. Выборы в 1933 году выиграли фалангисты — испанская фашистская партия. Помещики и фабриканты, отпраздноцав победу, начали увольнения рабочих, отмену проведённых социальных реформ и уменьшение заработной платы.

Ответом была всеобщая забастовка 1934 года. В 1936 году, на волне рабочих выступлений, к власти пришли социалисты. Они начали наступление на позиции фабрикантов и церкви, коллективизацию ферм.

В 1936 году движение «националистов» возглавил генерал Франсиско Франко, Он, используя самолёты, присланные Гитлером и Муссолини, начал боевые действия против республиканских сил.

На стороне Франко сражались итальянские и германские части.

В ответ Москва приняла решение направить в Испанию военную помощь и советников-добровольцев. На стороне республиканцев сражались также интернациональные бригады из США и других стран. В числе воинов-интернационалистов были люди, ставшие впоследствии знаменитыми — например, писатели Эрнест Хемингуэй и Джордж Оруэлл. Почти треть бойцов Интернациональной бригады им. А. Линкольна погибла в боях на испанской земле.

В 1937 г. франкисты начали наступление на Мадрид четырьмя колоннами («пятую колонну» составили их союзники внутри осажденного города. Название «пятая колонна» стало нарицательным и обозначает предательство). Около миллиона мужчин и женщин перешли границу Франции, где большинство их было интернировано.

В апреле 1937 г. германский «Легион Кондор» подверг яростной воздушной бомбардировке город Герника, в результате чего погибло более 1500 его жителей и 800 получили ранения.

Бойцы Интербригады из Германии, США и других стран

Германские корабли обстреливали побережье Испании. Западные страны отказались помочь республиканцам. В результате в январе 1939 г. пала Барселона, а вскоре и Каталония. В марте франкистами были взяты Валенсия и Мадрид. Началась вакханалия расправ. Франко посадил в тюрьмы около миллиона человек. Более 100 тыс. республиканцев покинуло Испанию и нашло убежище во Франции.

Долорес Ибаррури (1895–1989), прозванная за свои страстные выступления «Пассионарией»

С первых дней в Испании Эйтингон был в самой гуще событий. Называли его здесь Леон Котов.

Он общался с политиками, с деятелями культуры. Известный писатель Илья Оренбург, побывавший в Испании, вспоминал его как заместителя советника при республиканском правительстве. Эйтингон подружился с писателем Эрнестом Хемингуэем, со многими бойцами Интербригад, которых сплотила ненависть к фашизму.

Премьер-министр Испанской республики Ларго Кабальеро был казнён франкистами

В Испании под его началом работал Морис Коэн, будущий активный участник операции по добыванию «атомных секретов» в США после Второй мировой войны и член группы Гордона Лонсдейла в Великобритании в конце 1950-х.

В 1995 году Морису Коэну посмертно было присвоено звание Героя России.

В своих мемуарах генерал Судоплатов отмечает: «С именем Эйтингона в Испании связан ряд неизвестных эпизодов важнейших внешнеполитических акций советского руководства, осуществлённых в годы гражданской войны. Ему удалось склонить к сотрудничеству одного из основателей фашистской партии-фаланги Фердинандо де Куэста. Ему, единственному лидеру фашистов из оказавшихся в плену у республиканцев, была сохранена жизнь. Через нашего нелегала «Юзика» (Григулеви-ча) с помощью де Куэсты удалось поддерживать тайный канал в переговорах с Франко». В дальнейшем, как пишет Судоплатов, по рекомендациям Куэсты удалось выйти на ряд видных чиновников из окружения Франко и принудить их к сотрудничеству с советской разведкой. Это Эйтингон лично завербовал братьев Руанов, которые были лидерами испанских троцкистов, а также бывших анархистов Оливеро и Амундсени, членов республиканского кабинета министров, провел разведку тылов франкистов на Арагонском фронте, контролировал тайные посреднические переговоры между Хосе Эрнандесом, одним из основателей испанской коммунистической партии, и ее лидерами Долорес Ибаррури и Хосе Диасом, которые находились в Москве, и помогал наиболее важным для советской разведки лицам выехать во Францию.

Под руководством Эйтингона была проведена серия диверсионных операций, которые полностью сорвали поставки горючего для танков и грузовиков итальянского корпуса под Гвадалахарой и в результате этих диверсий он был полностью разгромлен.

Нельзя не отметить, что деятельность резидентуры НКВД в Испании проходила в исключительно сложных условиях не только потому, что была связана с боевыми действиями на фронтах братоубийственной войны. Другим осложняющим эту работу фактором была активная работа германской разведки.

Начальник абвера адмирал Канарис беседует с испанским фалангистом, получившим награду за участие в гражданской войне. Абвер развернул во время гражданской войны в Испании разведсети во всех крупных городах страны и помогал германским летчикам обнаруживать цели, которые просил поразить Франко

Адмирал Канарис, один из крупнейших разведчиков Европы, развернул в Испании густую агентурную сеть абвера — гермайской военной разведки, работавшую более эффективно из-за того, что фашисты имели в среде чиновников и интеллигенции во многих городах и идеологическую, и социальную базу.

Только в одной Барселоне, несмотря на бесконечные проверки, которые проводила контрразведка республиканцев, действовали независимо друг от друга четыре законспирированные группы немецких агентов. Одной из задач этих групп было наблюдение за советскими советниками. Но Котов-Эйтингон умудрялся всё время быть вне зоны их наблюдения.

С именем Эйтингона связан и еще один значительный эпизод гражданской войны в Испании, который можно назвать «Испанское золото».

В 1936 году высшие руководители Испанской республики, посоветовавшись с советским руководством, решили отправить на хранение в Москву почти весь золотой запас страны. По оценкам экспертов, отправляемое золото стоило примерно 517 миллионов долларов по международному курсу.

После того, как премьер-министром Испанской республики Ларго Кабальеро и Народным комиссариатом иностранных дел СССР был подписан соответствующий договор, испанское золото было погружено в Картахене на советский пароход и отправлено на военно-морскую базу в Одессу. Оттуда его перевезли в банковские хранилища. Руководил отправкой золота Эйтингон и впоследствии сбежавший в Америку резидент НКВД в Испании А. Орлов.

Как обычно, не обошлось без внутриведомственной склоки. В начале 1939 года резидент НКВД во Франции Агаянц направил своему руководству сообщение о том, что якобы часть золотого запаса и других ценностей не была отправлена в СССР по той причине, что была израсходована или «разбазарена» республиканскими руководителями при участии руководства резидентуры НКВД в Испании.

Намёк на то, что резидент в Испании что-то утаил и для себя, был очевиден. Когда по этому вопросу обратились к Эйтингону, он пришёл в ярость. Он мог выдержать любое нелепое обвинение в свой адрес, кроме обвинения в воровстве. Эйтингон немедленно отправил гневное послание в Москву, в котором писал, что он не бухгалтер и не клерк, чтобы заниматься тщательной проверкой документации на отправляемые ценности: он исполнял оперативное задание в условиях боевых действий, накануне самого краха республиканских сил. Пора решить вопрос, писал он, о доверии Долорес Ибаррури, Хосе Диасу, мне и другим испанским товарищам, каждый день рискующим жизнью в антифашистской войне во имя общего дела. По словам Судоплатова, его послание произвело большое впечатление на Сталина и Берию. Надо ли говорить, что ревизоры, которые в течение полумесяца проверяли документацию на прибывшие ценности, не обнаружили никакой недостачи. За эту операцию Эйтингон получил Орден Красного Знамени.

Эйтингон и его коллеги в Испании

Правительство Франко, который стал лидером Испании после окончания гражданской войны, множество раз поднимало вопрос о возвращении испанского золота. После разоблачений в начале 1950-х годов одного из перебежчиков НКВД Орлова, о котором говорилось выше, правительство СССР всерьёз занялось этой проблемой.

Эйтингона и Судоплатова, которые находились во Владимирской тюрьме по обвинению в «участии в преступлениях Берии», начали допрашивать офицеры разведки КГБ. Но они сами знали ответы заранее. Испанское золото, как признал Судоплатов, в значительной мере покрыло расходы СССР на военную и материальную помощь республиканцам в их войне с Франко и поддерживавшими его Гитлера и Муссолини. Часть средств пригодилась для финансирования советской разведки в Западной Европе накануне войны.

Тем не менее в 1960-е годы руководством СССР было принято решение компенсировать стоимость вывезенного из Испании золотого запаса поставками нефти.

В 1938 году П.А. Судоплатов по заданию центра ликвидировал главаря украинских националистов Коновальца.

«После операции Эйтингон сопровождал меня до Гавра, — вспоминал Судоплатов, — и посадил на борт советского судна. До сих пор помню, как он выглядел: посмотришь на него и подумаешь, что это обычный французский уличный торговец — без галстука, в неизменном кепи, которое он носил даже в жару».

За годы заграничной работы Эйтингон научился отлично вписываться в местную среду.

Эйтингон хорошо разбирался в людях и многие события предсказывал наперёд, но иногда происходило то, что не мог

предугадать и он. В Испании, во всяком случае, он испытал первый шок, связанный с бегством одного из высокопоставленных работников НКВД.

Эйтингон в 1937году

Главным советником по безопасности у испанских республиканцев тогда был сотрудник И НО Александр Орлов (он был известен также как Никольский, но настоящая фамилия его была Фельдбин). Он являлся резидентом НКВД в Испании и — что было особенно важно для Сталина — руководителем операции по ликвидации испанских троцкистов. Его опыт и ум, а также отличное знание нескольких европейских языков, сделали его ценным агентом.

В оперативной переписке он фигурировал как «Швед»: видимо, потому, что в начале 1930-х годов сумел вывести из Швеции ряд технических новинок, важных для создававшейся советской промышленности. Накануне назначения в Испанию он был резидентом НКВД в Лондоне, где наладил весьма важные связи. Ему даже прочили место начальника И НО. В Испании Орлов узнал, что на Украине арестован его тесть, замнаркома внутренних дел республики Исаак Кацнельсон. Орлов, очевидно,

решил, что теперь очередь неминуемо дойдёт и до него, и предпочёл спасаться бегством.

Долорес Ибаррури в последние годы жизни. Приехав в СССР в 1939 году, она прожила здесь долгие годы. Её сын погиб, защищая Сталинград

Когда в июле 1938 года Орлов сбежал, прихватив с собой солидную кассу резидентуры в Барселоне — более 60 тысяч долларов, — сначала во Францию, а затем в США, Котов-Эйтингон был утверждён главным резидентом, и, как отметил Судопла-тов, с большим искусством «адаптировался к местным условиям». Но в гражданской войне уже наступил перелом. Помощь фашистов Германии и Италии оказалась весьма существенным фактором. Осенью франкисты, поддерживаемые итальянскими частями, а также подразделениями германского легиона «Кондор», заняли Барселону.

Одним из первых в прежнюю цитадель республиканцев прибыл тогда военный корреспондент лондонской газеты «Таймс» Гарольд Филби. Тот самый крупнейший советский агент Ким Филби, которого после бегства Орлова в США Эйтингон принял на связь в Париже в августе 1938 года через Гая Берджеса, ещё одного советского агента на Западе, кодовое имя которого было довольно необычное — «Девушка».

Гай Фрэнсис де Монси Бэрджесс (1911–1963), аристократ, сотрудник британской разведки МИ-6, дипломат и журналист

Гарольд Эдриан Рассел (Ким) Филби (1912–1988), сотрудник британской разведки СИС, организовавший для НКВД самостоятельную агентурную сеть в Великобритании и в США

Контакты с Филби продолжались до марта 1939 года, пока Эйтингон не «передал» Филби сначала Парижской, а потом Лондонской резидентуре И НО.

Надо сказать о том, какую роль сыграл Эйтингон в сохранении «кэмбриджской пятерки» — группы выпускников Кэмбриджского университета, которые были завербованы советской разведкой в начале 1930-х годов и в которую входили Гарольд Филби, Гай Берджес, Дональд Маклин, Энтони Блант и Джон Кэйрнкросс.

Дело в том, что, когда Орлов сбежал, руководство внешней разведки сочло, что все агенты, находившиеся на связи с Орловым, будут им выданы, и поэтому все контакты с ними надо прекратить немедленно.

Орлов сообщил в Москву, что, если его преследовать не будут, то он не провалит советскую агентурную сеть. В случае же его гибели станут достоянием гласности факты, содержащиеся в документах, которые он оставил на хранение своим адвокатам. Но руководство внешней разведки его заверения не убедили. Оно настаивало на прекращении контактов.

Но тут раздался голос Эйтингона. Всё взвесив и проанализировав агентурные донесения, он рекомендовал продолжать работу с агентами, которые ранее были на связи с Орловым. Он полагал, что Орлов не посмеет рассекретить себя по целому ряду причин: во-первых, он проживал в 1934—35 гг. в Англии по фальшивому американскому паспорту, и, если американская контрразведка получила бы данные на «кэмбриджскую пятёрку», то наверняка добралась бы и до Орлова; фальшивый американский паспорт сыграл бы тогда роковую роль для Орлова, так как ему могли отказать в американском гражданстве. Во-вторых, Эйтингон был уверен, что Орлов не посмеет вскрыть факты его сотрудничества с английскими коммунистами и проведения террористических операций против троцкистов и лиц, подозреваемых в предательстве, которых НКВД обрекло на уничтожение в Испании. Словом, Орлов был настолько «замазан», что ему было бы выгоднее и спокойнее и далее проживать в США, не раскрывая своей принадлежности к НКВД.

Сохранение «кэмбриджской пятерки» было чрезвычайно важным делом для будущей работы советской агентуры на Западе. Благодаря своему общественному положению, связям и

образованию, этим людям удалось занять ответственные посты в различных государственных учреждениях, включая британские секретные службы и МИД, и вести работу в интересах Советского Союза до самого начала 1950-х годов.

Эйтингону также удалось войти в контакт с племянником главы испанской фашистской партии Примо де Ривейры, который был приятелем Гитлера и который, по словам СудоПлатова, оставался «важным источником информации о планах Франко и Гитлера» до самого 1942 года.

В 1939 году Эйтингону приказали покинуть Испанию и на время обосноваться во Франции. Одним из важнейших его достижений в последний период испанской драмы было то, что он вывел весь свой агентурно-диверсионный аппарат из-под удара и переправил его за границу, а также помог покинуть Испанию руководителям испанской компартии. Более того, он переправил сначала во Францию, а затем в Мексику ценности, которые помогли бы испанскому коммунистическому правительству жить и работать в эмиграции.

Попав во Францию, Эйтингон несколько месяцев реорганизовывал и восстанавливал всё, что осталось от агентурной сети НКВД. Он продолжал поддерживать связь с Гаем Берджесом, а затем передал его на связь Горскому — резиденту НКВД в Англии.

Покидая Испанию, Эйтингон ещё не знал, что опыт организации и подготовки разведывательно-диверсионных групп пригодятся ему уже через два-три года, когда встанет вопрос о создании особых оперативных групп для войны с германскими фашистами.

Когда последние отряды республиканцев уходили за Пиренеи, во Францию, над Испанией было хмурое небо. Но в те времена многие из них жили будущим, надеждами и верой в своё дело. Кое-кому из них пришлось встретиться спустя довольно недолгое время и вновь работать вместе.

Эйтингон всю жизнь дорожил дружбой людей, с которыми судьба свела его в Испании.

Начнём с семьи Меркадеров. Эйтингон хорошо знал женщину по имени Каридад Меркадер и её детей. Старший сын её погиб в боях с франкистами: он обвязался гранатами и бросился под танк. Младший Луис был тогда ещё подростком, но неизменно пользовался покровительством Эйтингона, который был другом семьи.

Еще одним сыном Каридад был Рамон Меркадер — тот самый человек, который нанёс Троцкому смертельный удар ледорубом. Герой Советского Союза Рамон Меркадер, друг и соратник

Эйтингона, умер на Кубе в 1978 году и был похоронен в Москве на Кунцевском кладбище.

Семья Меркадеров
Дети: Пабло, Хорхе, Монсерат и Рамон (Луис еще не родился)

Когда в начале 1970-х годов отец познакомил детей с Меркадером, он представил его как своего лучшего друга по испанскому сопротивлению. Отец разговаривал с ним по-испански, но часто переходил на французский язык. И на наш вопрос, почему, если он друг по испанскому сопротивлению, с ним надо говорить по-французски, от ответил, что они провели довольно долгое время во Франции, и французский язык для них, дескать, такой же обыденный, как и испанский.

Вся семья Меркадеров — уникальная семья профессиональных революционеров, отдавших себя идее установления мирового коммунизма.

Леонид на могиле Рамона Меркадера

Каридад Меркадер (или Кларидад, как её иногда называют), в девичестве дель Рио, родилась в 1882 году в городе Сантьяго де Куба. Она была дочерью местного губернатора, либерала и вольнодумца. Дед её тоже был губернатором и тоже либералом: ему в Сантьяго установлен памятник за то, что в годы его правления он без разрешения Мадрида освободил негров от рабства. И когда в начале 1940-х годов Каридад приехала из США на Кубу, чернокожий водитель такси, узнав, чья она внучка, возил её по столице бесплатно. Кстати, семейство дель Рио соседствовало в Гаване с семьёй очень богатого человека по фамилии Кастро, у которого было два сына — Фидель и Рауль.

Каридад получила прекрасное образование — она училась в

аристократических учебных заведениях Парижа и Лондона. В 16 лет она считалась одной из лучших амазонок Испании; на одной из конных прогулок она познакомилась с Пабло Мерка-дером, который стал её мужем. Пабло нежно любил свою су-пруту. У него родилось четверо красавцев-сыновей — Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь Монсеррат.

Каридад, увлекшись идеями эмансипации и прав женщин, незаметно пришла в политику.

Всё началось в городе Падалона, по соседству с Барселоной, где её муж владел огромными текстильными фабриками, а нежно любящая жена помогала анархистам закладывать бомбы на предприятиях супруга. В ответ на действия властей и полиции, а также на суровые приговоры за взрывы, анархисты угрожали смертью муниципальным судьям, одним из которых, между прочим, был родной брат Каридад — Хосе дель Рио. Что ж, таким был двадцатый век…

Закончился этот первый революционный этап в жизни Каридад трёхмесячным пребыванием в психиатрической лечебнице, развалом семьи и отъездом Каридад в 1925 году с пятью детьми во Францию.

Вскоре в её жизни начался качественно новый этап. Бурные политические события в Испании в начале 1930-х годов захватили почти всю её семью.

Отец семейства по-своему принял их — он стал каталонским сепаратистом, и его убеждения разделял один из сыновей. Каридад, ставшая членом французской компартии, мечтала об испанской коммунистической республике. Рамон стал руководителем комсомольцев Барселоны. К коммунистам примыкал и его брат Пабло, погибший впоследствии на гражданской войне.

Каридад рвалась на фронт, и не потому только, что на фронте были её дети. Её мятежная душа влекла её на битву, которая, как она была уверена, была битвой за свободу её народа. Она бы-да контужена, изранена осколками снарядов на арагонском фронте, на её теле было 11 пулевых ранений. Три месяца женщина была между жизнью и смертью, но врачам удалось её спасти. Был ранен на фронте и Рамон: пуля попала ему в предплечье.

Его брат Луис вспоминал о том времени так: «Мы жили в штабе батальона, вошедшего в дивизию имени Карла Маркса. А штаб, начальником которого был Рамон, помещается в башне, реквизированной им самим…».

На Рождество 1936 года семья Меркадер снова была на фронте, где шли бои против итальянской дивизии, которая рвалась к Мадриду. С октября 1936 года Каридад находилась в

Мексике, участвуя в кампании по сбору оружия для республиканской Испании. Она посетила президента Карденаса и профсоюзного лидера Ломбардо Каледано, привезла в Испанию оттуда множество винтовок и немало денег. Это был успех.

К этому времени и она, и её сыновья окончательно определились со своими идеологическими взглядами. «Нужно иметь в виду, — писал Луис в своих воспоминаниях, вышедших в 1990 году в Мадриде, — что все, кто меня окружал как в Испании в годы гражданской войны, так и потом в СССР, были коммунистами, и всей душой ненавидели троцкизм.

Рамон Меркадер. 1961 г. Став Героем Советского Союза, безуспешно добивался освобождения Эйтингона из тюрьмы

Полагаю, что главной причиной такого чувства, по крайней мере у моих близких, было барселонское восстание анархистов и троцкистов в мае 1937 года. Я сам был там тогда, и знаю, как всё

происходило. Это было ужасно: мятеж в нашем тылу, в результате чего 500 человек погибло и 5000 были ранены.

Такое нельзя простить. Так родилась наша ненависть к троцкизму. И потому тот, кто в 1940 году убил Троцкого, нам не казался каким-то извергом».

Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, если назвать его имя полностью, второй сын Каридад, родился 7 февраля 1914 года в Барселоне. Родители разошлись, когда Рамону было 5 лет. Подростком Рамон включился в революционное движение, а в июле 1936 года, после начала гражданской войны в Испании, Рамон вместе с братьями Пабло и Хорхе отправились на фронт защищать республику. Старший, Пабло, который стал командиром бригады, вскоре погиб в бою под Мадридом, а Рамон после ранения, которое ему залечивали в госпитале, был назначен комиссаром 17 Объединения Арагонского фронта.

Именно в это время он и попал в поле зрения сотрудников резидентуры НКВД в Испании. Резидент И НО Орлов посчитал, что молодой и свято верящий в торжество коммунизма испанец вполне может стать прекрасным агентом. Заметим, что тогда речь не шла о том, чтобы сделать из Рамона разведчика: в Москве ещё верили в то, что война может закончиться победой республиканцев, и тогда Рамон займёт достойный пост в новом правительстве. Но успехов на фронтах не было. И с февраля 1937 года Рамон стал советским агентом, фактически сотрудником НКВД. С этого началась история Героя Советского Союза Рамона Лопеса — на самом деле Рамона Меркадера.

Иосиф Григулевич.

В своей стране он известен также как Иосиф Лаврецкий, ученый и писатель-историк

Другим соратником по Испании был Иосиф Ромуальдович Григулевич, или Йозас Григулявичус. Людям, интересующимся Латинской Америкой, Григулевич известей как учёный и автор книг о Че Геваре и Сальвадоре Альенде. Его коллеги ценили его за обстоятельность и скрупулёзность в исследованиях. Но в молодости его знавали не таким. Среди многих агентов НКВД этот человек, пожалуй, был одним из самых авантюристичных: он славился своей мятежной душой, был связан с молодыми коммунистами-подпольщиками в разных странах. Со временем Григулявичус вырос в одного из самых крупных разведчиков страны, стал агентом международного класса.

Родился Григулевич в 1913 г. в Вильно. В 1924 году, после отъезда его отца на заработки в Аргентину, он вместе с матерью Надеждой Лаврецкой перебрался в литовский город Тракай, но спустя несколько лет вернулся на родину.

Йозас активно включился в партийную жизнь. В начале октября 1929 г. он добрался до Парижа, сразу же связался там с представителями польской компартии и поступил в высшую школу социальных наук. В Сорбонне он стал членом коммунистической фракции университета.

В августе 1934 года Григулевич отплыл из французского порта в Аргентину. Там с Григулевичем и его товарищами охотно сотрудничали все обиженные и угнетённые.

Несмотря на это, в 1936 году он был арестован по доносу полицейского осведомителя, и, хотя арестованных на следующий день отпустили, он, как опытный конспиратор, понимал, что теперь слежка за ним неминуема. В Аргентине ему оставаться было нельзя. Поэтому, посоветовавшись с руководством Аргентинской компартии, Мигель-Григулевич попросил, чтобы его послали в Испанию. Там началась гражданская война, и он считал, что теперь главные события в Европе разворачиваются именно там. Прибыв пароходом в Антверпен, он направился в Париж, где без труда получил въездную визу. В Барселону он вылетел самолётом. В Мадриде «Мигель» встретился с лидером Аргентинской компартии Викторио Кадарилья, и тот предложил ему начать работать переводчиком в советском посольстве. Этот скромный пост предполагал серьёзную работу по линии НКВД.

С марта 1937 года Григулевич, получивший кодовое имя «Юзик», начал выполнять задания резидента НКВД в Испании.

Резидентом был уже нам знакомый Орлов.

В аппарате НКВД высоко оценили заслуги Григулевича, и когда встал вопрос о том, что надо выполнить определённое задание в Мексике, Григулевич показался Берии работником, достойным такого задания. Его опыт работы в Латинской Америке и Испании был неоценим.

Рассказывая о людях, вместе с которыми Эйтингон прошёл нелёгкими дорогами Гражданской войны в Испании и с которыми судьба вновь и вновь сводила его на путях-дорогах внешней разведки, нельзя не рассказать об одном из самых замена-тельных разведчиков СССР — Льве Петровиче Василевском. На протяжении всей его жизни, всей его работы в разведке он находился в постоянном контакте с Эйтингоном. После Испании Василевский был резидентом советской внешней разведки во Франции; здесь он помогал Эйтингону сделать фальшивые документы, по которым тот выехал в США. Впоследствии судьба свела их снова — в США, после чего они долго работали над одними и теми же проблемами в Москве.

В 1951 г. Василевский, так же как и Эйтингон, был обвинён в «сионистском заговоре». Когда же Судоплатов и Эйтингон были посажены в тюрьму за «преступное сообщничество с Берией», Лев Петрович Василевский, верный дружбе, как и другие ветераны разведки, неоднократно обращался к властям с требованием пересмотреть дела выдающихся разведчиков и реабилитировать их.

Лев Петрович Василевский родился в г. Курске в 1904 г. К сожалению, авторы не знают, настоящая ли это фамилия разведчика или он использовал, как и многие другие его коллеги, псевдоним. В 1927 г. Василевский стал сотрудником ОГПУ — он служил в погранвойсках. Впоследствии он закончил курсы усовершенствования комсостава Военно-Воздушной Академии им. Жуковского: спустя многие годы полученные им знания сделают его одним из ведущих технических специалистов во внешней разведке. С 1936 г. он командовал отдельной авиачастью пограничной внутренней охраны в Казахстане. Как и Эйтингон, он вскоре оказался в Испании и стал руководителем разведывательно-диверсионных операций резидентуры НКВД, старшим советником Мадридского фронта и начальником опергруппы НКВД. Он хорошо говорил по-английски, по-французски и по-испански. Принимал вместе с Эйтингоном участие в вывозе из страны испанского золота.

Л.П. Василевский

С 1939 г. Лев Василевский под фамилией Тарасов был генеральным консулом СССР в Париже — параллельно являясь резидентом внешней разведки.

Ещё одним человеком, с которым Эйтингона судьба свела в Испании, был резидент НКВД в Мехико И. Кумарьян. В известном смысле Кумарьян стал «наследником» Василевского, так как, получив назначение на должность резидента в Мексике, в значительной степени смог использовать те связи и ту агентуру, которые были в своё время обеспечены Эйтингоном и Григулевичем.

Иван Александрович Кумарьян родился в 1909 г. в селе Черуз Карсской губернии. В 1915 году, после резни, устроенной турками, село это, как и сотни других городов и сёл, отошло к Турции. Отец Ивана умер ещё до нашествия турок, и, когда началась резня, мать забрала детей и спаслась бегством. Дороги судьбы привели её в Краснодарский край. Здесь ей было очень сложно одной воспитывать детей и 6-летнего Ивана отдали в детский дом. Мать периодически навещала его, но его образованием и воспитанием теперь занималось государство.

В 15 лет Иван покинул Краснодарский край и отправился в

Москву. Он хотел получить достойное образование и понимал, что самые лучшие ВУЗы — там. В Москве он закончил рабфак и поступил в Институт Востоковедения. То был отличный выбор. Он изучал филиппинский и испанский языки. В 1936 году, когда началась гражданская война в Испании, Кумарьяна послали туда переводчиком в лётный отряд. Очень скоро лётчики из Советского Союза, которые составляли большинство пилотов в отряде, оценили организаторские способности и чёткость своего переводчика. В результате он стал начальником штаба авиаподразделения республиканской армии. Многие из пилотов, с которым и он подружился, впоследствии стали Героями Советского Союза. Кумарьян также сблизился с человеком, о котором мы уже рассказывали — с Григулевичем.

Иван Кумарьян

У Кумарьяна были все данные, чтобы стать разведчиком высокого класса. Внешне он, армянин по происхождению, был похож на испанца. Язык он освоил в совершенстве. Теперь у него был и боевой опыт, и опыт общения с самыми разными людьми — он легко находил пути к их умам и сердцам. Здесь он влюбился в

красавицу-испанку по имени Мария дель Па-тросинья. Она стала его женой и вместе с ним вернулась в Москву. В 1938 году у них родилась дочь, а в 1947 году — сын.

Кумарьян (в центре) с послом СССР Капустиным (слева) и президентом Мексики Авилой Камачо

Советское посольство обосновалось в Мексике только во второй половине 1943 года. Иван Кумарьян до приезда посла Капустина был первым секретарём посольства. Затем Кумарьян стал советским резидентом в Мехико. Хотя в его жилах текла восточная кровь, он был очень осторожным человеком и не давал местной контрразведке ни малейшего повода заподозрить себя. При этом он оставался человеком очень контактным, общительным и весёлым.

Мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос

Узнав друг друга в Испании, многие участники республиканского сопротивления (среди них Григулевич и знаменитый мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос) в 1940 году станут участниками операций «Конь» и «Утка» по ликвидации Троцкого в Мексике.

Глава III. ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ СТАЛИНА

Сама тема ликвидации Троцкого советской разведкой была секретна в Советском Союзе на протяжении почти половины столетия. За рубежом издавалось немало литературы на эту тему, — причём особенно много её стало, когда в начале 1980-х годов были рассекречены архивы Троцкого.

Берия и Судоплатов получили от Сталина задание ликвидировать Троцкого. Выполнять его в Мексике должен был Эйтингон.

Необходимо напомнить, что Л.Д. Троцкий — руководитель и идеолог мелкобуржуазного антикоммунистического течения, враждебного ленинизму, которому характерны резкие колебания от ультра-революционности к капитулянтству перед буржуазией, являлся ярым врагом Советской России.

Достаточно вспомнить деятельность Троцкого, когда он был одним из первых лиц в созданном Лениным государстве задолго до того, как его возглавил Сталин.

Под руководством Троцкого был залит кровью мятеж лишённых хлеба и практически заключённых в казематы моряков-кронштадтцев (военной операцией командовал под началом Троцкого Тухачевский), причём тысячи участников выступления были по указанию Троцкого казнены. Сохранились приказы Троцкого времён Гражданской войны, в которых он приказывал казнить без проволочек больных и раненых белогвардейских офицеров, захваченных в ходе наступательных операций Красной Армии.

По приказу Троцкого взрывались церкви и изымалось продовольствие с местных складов в районах, где и так уже царил голод. По его решению создавались «трудовые части» — на рабский труд собирались жители сёл и уездных городков (отказ грозил расстрелом всей семьи).

Это было время переплетения интересов, разнобоя мнений, противостояния множества сил. Они питались идеями и надеждами на крушение СССР, и для того, чтобы по достоинству оценить всю разрушительную энергию, исходящую от Троцкого, нужно было иметь ум, знания и опыт, которыми обладали немногие — например, Наум Эйтингон.

Плакаты, которые заказывал Троцкий, для пропаганды своего образа «великого коммунистического воителя»

Троцкий в форме красногвардейца, защищающего Советскую Россию

Троцкий в виде Св. Георгия, поражающего «гидру контрреволюции»

С момента покушения на Троцкого на Западе не прекращались нападки на Сталина за то, что он, дескать, «решал политическую проблему террористическим путём».

Разве можно сравнивать ликвидацию главного вдохновителя террора в 30-х годах в СССР с действительным решением политических проблем методами террора Англией и Америкой?

Широко известны, например, атомные бомбардировки США Хиросимы и Нагасаки в конце Второй мировой войны, когда её исход был предрешён и никакой необходимости в убийстве сотен тысяч безвинных людей не было.

Германские офицеры встречают Троцкого в Брест-Литовске, где он подписал крайне выгодный для немцев мирный договор

А как, если не терроризмом, назвать распыление американцами над Северным Вьетнамом **57 000 тонн** «оранжевой смеси» — диоксина — одного из самых сильных и коварных ядов? Даже спустя десятилетия после применения он даёт о себе знать нарушениями генетического аппарата людей, врождёнными пороками у потомства, раковыми и опухолевыми заболеваниями, лейкозами и другими болезнями.

Десятилетия спустя после устранения Троцкого, ЦРУ США готовило убийц для ликвидации 58(!) политических деятелей Гватемалы; заметим — страны, отнюдь не несущей прямую угрозу для безопасности США. В 1960 году два сотрудника ЦРУ получили задание убить конголезского лидера Патриса Лумум-бу; их, правда, обошли в расторопности бельгийцы. В 1961 году США организовали ликвидацию доминиканского диктатора Рафаэля Трухильо. В 1963 году то же ЦРУ организовало переворот в Южном Вьетнаме, в ходе которого был убит президент Нго Динь Дьем. Печально известна американская операция «Мангуста»,

разработанная для покушения на Фиделя Кастро.

В конце тридцатых годов, когда страна готовилась к войне, Троцкий стал проповедником пораженчества и утверждал, что в случае вражеской агрессии Сталин и большевики предадут свой народ, что разгром Советского Союза в войне с фашизмом неминуем. «В одном я убеждён, — писал он, — политический режим не переживёт войну». Слова Троцкого о том, что «кремлёвская клика деморализовала армию страны и её население» с удовольствием читали в Берлине. По существу, Троцкий поощрял немцев на нападение, убеждая их в слабости советского строя, в слабости самого Сталина, в хрупкости российской военной машины.

«Кровавое перо Троцкого» Карикатура Рени

Да и в самом Советском Союзе слова Троцкого сеяли страшные семена: подрывали доверие к руководству страны. Люди недалёкие или не принимающие сталинский режим, обиженные или обездоленные в результате классовой борьбы, утверждались в мысли, что победа фашизма над СССР обеспечена, раз у страны некомпетентное и трусливое руководство, раз общество прогнило, а кремлёвская клика страну предаст. Сотни тысяч пленных, захваченных немцами в первые месяцы войны, — это был не только результат некомпетентности командиров и начальников, но и пропаганды Троцкого, его пораженческих идей.

Более того, Троцкий открыто призывал граждан советской

страны к неповиновению, к свержению Сталина и его окружения — и всё это накануне самой войны, когда столкновение между СССР и фашистской Германией было неизбежным. Все, что писал и делал в этот период Троцкий, было смертельно опасным для страны, причём опыт войны показал это со всей очевидностью. Если бы Троцкий мог продолжать вести свою пропаганду, то ущерб, нанесённый ею, мог быть стократ хуже и намного губительнее.

В Кремле это знали. Докладывая Сталину о деятельности закордонной разведки в 1939 году, Лаврентий Берия сообщил ему, что левое движение в странах Запада находится в состоянии разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе, лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического и рабочего движения.

Сталин, как свидетельствует Судоплатов, сделал следующий вывод: «Троцкий, или как вы его именуете в ваших делах «Старик», должен быть устранён в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.»

Конечно, сегодня, спустя более 60 лет после ликвидации Троцкого, кое-что видится в ином свете, чем до Второй мировой войны, и множество деталей операции в Мексике уже никогда на станут достоянием гласности. Но главное о ней известно и цепь основных событий восстановить нетрудно.

В 1929 году Лев Троцкий был выдворен из СССР и в 1932 году указом ЦИ К лишён советского гражданства за контрреволюционную деятельность.

Оказавшись за пределами страны, он вскоре стал символом противостояния между ним и его сторонниками, с одной стороны, и сталинизма и советского строя, с другой.

Словами деятельность троцкистов не ограничивалась.

Наиболее наглядный и трагический пример — соучастие троцкистов в путче 1937 года в Барселоне, направленный против правительства Народного Фронта. Как же нужно было Троцкому ненавидеть СССР, чтобы натравить своих сторонников на их братьев по оружию — только потому, что Народному Фронту помогали советские советники и военные специалисты! Подавление этого мятежа стоило больших потерь обеим сторонам.

Среди сторонников Троцкого в России были, по его собственному признанию, видные советские деятели. Например, одним из таких был Яков Блюмкин, бывший эсер, убивший в Москве германского посла Мирбаха, но впоследствии прощённый Дзержинским и работавший в системе НКВД до 1929 года, пока не был уличён в связях с Троцким и расстрелян. Размах троцкистского движения, ставшего по сути подрывной антисоветской деятельностью, заставил Кремль сделать работу внутри этого движения одним из участков разведывательной работы.

Судить об этой работе, так же, как и о самой операции в Мексике, сегодня трудно ещё и потому, что, по признанию экспертов, работавших с архивами разведки, значительная часть документов оказалась странным образом уничтожена, причём произошло это много позднее, уже во времена Хрущёва. Найдены только отдельные документы, относящиеся к периоду между августом 1940 г. и концом 1941 г. К тому же выяснилось, что и сохранившиеся документы остались целы только потому, что были включены в разные досье, непосредственно не относящиеся к данной операции.

Полковник А.-М. де лас Эрас Африка

Распоряжение Сталина о ликвидации Троцкого историки датируют сейчас мартом 1939 года. Во исполнение этого приказа, 9 июля 1939 года в разведке был составлен план агентурнооперативных мероприятий по делу «Утка», который был доложен Сталину и который, как теперь известно, был им одобрен не позднее начала августа 1939 года. Однако разведывательные мероприятия, связанные с окружением Троцкого, начались задолго до того, какой обосновался в Мексике.

В своё время, когда он ещё жил в Норвегии, в его секретариат была внедрена Мария де Лас Эрас Африка. Эта женщина была агентом НКВД, её кодовое имя было «Патрия». Эйтингон был знаком с ней также со времён гражданской войны в Испании. Однако она была известна и перебежчику Орлову, и опальному Шпигельглазу, с делом которого так толком и не разобрались. Поэтому использовать «Патрию» было нельзя. Судоплатов и Эйтингон сочли невозможным рисковать и агентом, и всей операцией в целом, и её поэтому вывели из игры.

Отъезд «Патрии» означал, что в окружение Троцкого надо было вводить каких-то новых людей. Причём эти люди должны были быть совершенно неизвестны ни Троцкому, ни кому-либо из его окружения.

Как писал П.А. Судоплатов: «К ликвидации Троцкого наряду с группой «Мать» Эйтингон привлёк проверенные кадры нашей агентуры из Испании, эмигрировавшей в Мексику. Там же в изгнании находилось республиканское правительство. Именно Эйтингон с большим риском для жизни провёл операцию по выводу руководства испанских республиканцев и компартии весной 1939 во Францию. При этом в дополнение к вывезенному в 1936 году испанскому золоту удалось эвакуировать из Барселоны значительные средства в валюте и драгоценностях. Они затем были использованы для поддержки испанской эмиграции и для создания конспиративного аппарата во Франции, Мексике и ряде стран Латинской Америки».

Эйтингон знал большинство агентов НКВД и в США, и в Западной Европе, и поэтому, естественно, мог судить, на кого из них можно было безусловно положиться. Первоначально Судоплатов предложил план, в соответствии с которым должны были быть использоваться троцкисты, завербованные Эйтингоном в Европе, в особенности — в Испании. Немаловажную роль могли сыграть здесь братья Руаны, его давние агенты. Но Эйтингон настаивал на том, чтобы в операции по ликвидации Троцкого участвовали как можно меньше известные Троцкому люди, и к тому же те, кто никогда ранее не участвовал в каких-либо

операциях против его сторонников.

Особое значение он придавал созданию группы «Мать», главную роль в которой должны были сыграть Каридад Мерка-дер и её сын Рамон. Так как Рамон не был известен среди троцкистов, Эйтингон начал операцию с того, что послал Рамона в Париж под видом молодого бизнесмена. Образ, который он ему создал, был таким: искатель приключений, прожигатель жизни, плейбой, который, в силу своей эксцентричности, враждебного отношения к любым властям и показного радикализма время от времени материально поддерживает политических экстремистов.

По свидетельству Судоплатова, Эйтингон считал, что в ходе выполнения данной операции его агенты должны действовать совершенно независимо от местных резидентур в США и Мексике.

Дальше операция развивалась по тщательно разработанному сценарию. Берия распорядился, чтобы вместе с Эйтингоном в Париж для оценки группы, направляемой в Мексику, отправился Павел Судоплатов.

В июне 1939 года Георг Миллер, австрийский эмигрант, занимавший пост начальника отделения «паспортной техники», снабдил их фальшивыми документами.

Рамон Меркадер в Париже

Они отправились в Одессу, а оттуда морем в Афины, где сменили документы и на другом судне отплыли в Марсель. До Парижа добрались поездом. В Париже Судоплатов и Эйтингон встречались с членами каждой из двух групп отдельно: ни те, ни другие не знали о существовании ещё одной группы, готовящей покушение.

Тем временем семена, посеянные Эйтингоном, дали первые всходы. Первые сведения ему дали, судя по всему, те же братья Руаны, которых он завербовал в Испании. Эйтингону стало известно, что летом в Париж приедет из Нью-Йорка на тайное собрание, связанное с троцкистским IV Интернационалом, молодая женщина по имени Сильвия Аджелофф.

Сильвия, гражданка США, психолог по профессии, дружила с семьёй Троцкого. Она была убеждённой сторонницей троцкизма. Её старшая сестра Рут порой исполняла обязанности секретаря

при Троцком, а Сильвия иногда помогала ей в этом. Она также принимала участие в подготовке материалов учредительной конференции создаваемого Троцким 4-го Интернационала, выполняя обязанности переводчика. НКВД удалось устроить так, что Сильвия отправилась в Париж в сопровождении агента по имени Уэйл.

В сентябре 1938 года Рамон познакомился с Сильвией Аджелофф через ещё одного агента НКВД — женщину по имени Гертруда. Меркадера ей представили как Жака Морнара, состоятельного молодого человека, сына бельгийского дипломата, в то время якобы работавшего спортивным фотокорреспондентом одного из бельгийских информационных агентств и учившегося на факультете журналистики в Сорбонне.

В феврале 1939 года Сильвия отправилась домой в Нью-Йорк, оставив возлюбленного в Париже. Меркадер объявил ей, что не может жить без неё, и согласился стать корреспондентом какой-то бельгийской газетёнки в США. Он обещал, что скоро соединится с любимой, но попал в Нью-Йорк только в сентябре. Приехал он под именем Фрэнка Джексона. Он объяснил любимой, что не хотел и не собирался участвовать в европейской войне, и поэтому по сути дела дезертировал — купил за 3 тысячи долларов канадский паспорт и покинул европейский континент.

Спустя месяц он объявил ей, что нашёл выгодную работу в Мексике и станет заниматься британским импортом в эту страну. Компания, о которой шла речь, была, естественно, фирмой Эйтингона. Меркадер дал Сильвии довольно крупную сумму денег, чтобы она бросила работу и ехала с ним в Мехико. Сильвия, которую друзья давно звали в Мексику, согласилась.

В Мехико Рамон прибыл в октябре 1939 года, поселился в туристическом центре и стал ожидать инструкций от начальства. Вскоре ему сообщили, что Каридад Меркадер и Эйтингон в ближайшее время к нему присоединятся. Рамон купил подержанный «бьюик» и чтобы не вызывать подозрений для прикрытия начал заниматься бизнесом.

В то время, как Рамон совещался с Эйтингоном и с матерью, Сильвия начала посещать виллу Троцкого в Койоакане. «Джексона» она с собой не брала, но не потому, что не доверяла ему: по её собственному признанию, она просто не хотела его компрометировать. Он был «вне политики».

Правда, в Мексике у него «стал просыпаться вкус к политической деятельности». Он стал интересоваться троцкизмом, и Сильвию это обрадовало. Она, по сути дела, стала вновь одной из секретарш Троцкого.

Напомним: на этом этапе Эйтингон не планировал

использовать Меркадера в качестве исполнителя покушения, ему важнее была информация о Троцком и о самой вилле.

Эйтингон попал в Америку только в октябре 1939 года. Обстоятельства неожиданно сложились не в его пользу. Дело в том, что, стремясь исключить любую возможность провала, Судоплатов поручил Эйтингону провести в Париже месяц с Кари-дад и Рамоном, обучая их искусству обнаружения слежки, изменению внешности и прочим тонкостям ремесла. Задержка эта, по признанию Павла Судоплатова, привела к тому, что, когда Судоплатов уже вернулся в Москву, а Меркадеры отплыли в США, началось фашистское вторжение в Польшу, а у Эй-тингона был польский паспорт. По закону его должны были ли-60 мобилизовать во французскую армию как польского беженца, либо интернировать. Эйтингону пришлось скрываться, в то время как его начальство прилагало лихорадочные усилия, чтобы исправить положение.

Рамон по-прежнему играл роль баловня судьбы, симпатизирующего Троцкому. Меркадер был способным человеком, и с помощью Эйтингона и его коллег смог достаточно быстро убедить Троцкого, что он не просто поддерживает движение троцкистов материально, но когда-нибудь сможет ему пригодиться как автор политических эссе и начинающий публицист. Заметим, что смертельный удар Рамон нанес Троцкому в тот момент, когда тот просматривал статью Меркадера, предложенную на высокий суд мэтра.

Нам трудно проникнуть в замыслы Эйтингона, когда он ещё только готовил операцию; он не делился ими ни тогда, ни спустя многие годы. Но, оценивая то, что он говорил и делал, почти невозможно избавиться от мысли, что он заставил себя согласиться с планом нападения на виллу в Койакане группой «Конь», предложенным Сикейросом, несмотря на то, что, будучи профессионалом, прекрасно сознавал, что успех такого предприятия чрезвычайно сомнителен. Тем не менее, он сделал всё, что было в его силах, чтобы обеспечить успех операции. Были наняты портные, которые сшили для нападающих полицейскую форму. Все они были оснащены автоматическим оружием, зажигательными бомбами и даже динамитными шашками, а также верёвками с якорем-кошкой и электропилой. Накануне налёта был организован банкет для местного отделения полиции, чтобы число полицейских в патрулях было как можно меньше. Из соображений конспирации Эйтингон в налёте на виллу участия не принимал.

Несмотря на то, что боевиков Сикейроса подстраховывал опытный Григулевич, попытка покушения окончилась полным

провалом. Из 300 пуль, выпущенных нападавшими, 75 попало в кровать, под которой с началом атаки спрятались Троцкий и его жена. Оба они не пострадали. Расстреляв боезапас, Сикейрос и его люди, как мы уже знаем, скрылись, не удостоверившись в исходе атаки.

Такой финал акции был закономерен, если учесть, что нападение осуществляли простые крестьяне и шахтёры, хоть и имевшие какой-то военный опыт, но вовсе не подготовленные для специальной операции такого рода. Группа «Конь» задачу не выполнила.

Шум, который поднялся на Западе после нападения на виллу Троцкого, был оглушительным. Больше всего надрывалась печать нацистской Германии. Ей вторили газеты США и Англии, а также все националистические и эмигрантские круги. Но это было не главное, что вызвало гнев и Сталина, и Берии. Главной причиной была собственно неудача акции Сикейроса и его боевиков. Сталин потребовал отчета у Берии, тот — у своих сотрудников.

Через несколько дней после нападения свой отчёт прислал Эйтингон.

4 июня в Нью-Йорк возвратился курьер с письмом Тома. В июне за подписью Берии направляется спецсообщение в адрес Сталина и Молотова: «24 мая 1940 произведено нападение на дом Троцкого в Мехико. Наиболее полно обстоятельства освещает американская газета «Уорлд телеграф», приводим выдержки (далее следует описание, схожее с приведённым выше). По существу происшедшего нами получено из Америки донесение нашего человека.

Копия донесения прилагается:

«а) О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчёт Вам следует, когда я или «Филипе» выберемся из страны

б) пока все люди целы, и часть уехала из страны

в) если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки, т. к. не все резервы исчерпаны

г) для окончания дела мне нужны ещё 15–20 тысяч (долларов) которые нужно срочно прислать

д) принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания.

30 мая. Том».

И Сталин принял решение. В беседе с Судоплатовым и Берией в Кремле он, выслушав доклад разведчиков, сказал:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн

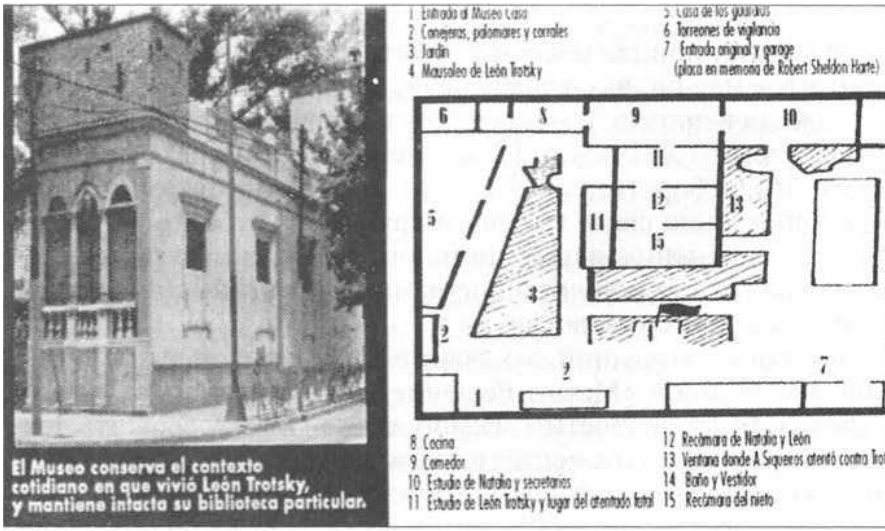
и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия.

Наступил последний, заключительный этап операции, проводимой группой «Мать». Решение, принимаемое Рамоном и Каридад, было непростым. Рамон должен был совершить деяние, за которое почти неизбежно должен был поплатиться долгим тюремным заключением; кроме того, нельзя было исключить и то, что кто-либо из охранников или сподвижников Троцкого, окажись он на вилле, мог убить Рамона на месте.

Эйтингон пытался продумать такой сценарий, при котором Рамону удалось бы уйти, воспользовавшись всеобщим замешательством и паникой вокруг убитого. Но шансов на это, как он сознавал, было на самом деле не так уж много.

Впервые Рамон встретился с Троцким лицом к лицу только в мае, уже после нападения на виллу боевиков Сикейроса. Насмерть напуганные нападением на виллу гости Троцкого супруги Розмеры спешно покинули её 28 мая 1940 года и направились в Вера-Круц, откуда они должны были пароходом отплыть в США. От Койоаканадо Вера-Круц — добрых 450 километров, и «Джексон» (Меркадер), само собой разумеется, предложил их туда доставить на своей машине. Когда он приехал на виллу, Троцкий был на балконе. «Джексон» представился, и не упустил случая передать в подарок внуку Троцкого игрушечный планер.

В благодарность он был приглашён на чай. Наталья Седова, жена Троцкого, решила проводить друзей до парохода, и это дало Рамону возможность о многом с ней побеседовать на обратном пути. Он, кстати, отлично говорил на нескольких языках. Услужливый, обаятельный молодой человек, жених Сильвии, который лишь недавно стал интересоваться политикой, понравился Троцким. С тех пор Меркадер стал регулярно бывать на вилле в Койоакане.



Вилла Троцкого в Койоакане

В августе Рамон во время чаепития на вилле попросил Троцкого об услуге: просмотреть написанную им статью. Троцкий согласился. Найдя ее «примитивной», он вернул её автору, и Рамон обещал её переделать. Встреча была назначена на 20 августа. Развязка приближалась.

Эйтингон все же надеялся выручить и увезти Рамона после покушения. Один из предложенных им вариантов был таким: как только Рамон войдет в комнаты Троцкого, сам Эйтингон, Каридад и еще несколько агентов Эйтингона устроят шумную отвлекающую операцию: они начнут перестрелку с охранниками, симулируя новое нападение на Койоакан, и это даст возможность Меркадеру беспрепятственно совершить задуманное и даже покинуть виллу. Но от этого плана его отговорил сам Рамон. Охранников было так много, что отвлекающая операция могла привести к гибели и Каридад, и Эйтингона, и к тому же они были бы окружены несколькими десятками полицейских.

Библиотека на вилле в Койоакане, в которой был ранен Троцкий. В настоящее время здесь находится музей

Рамон Меркадер решил, что ему самому, без всякой помощи и поддержки, придется привести в исполнение смертный приговор Троцкому. Он должен был идти на виллу один.

Оставалось выбрать орудие убийства. Обсуждение этого вопроса состоялось буквально накануне акции, и в нём, кроме Рамона и Эйтингона, принимала участие и Каридад. Выбор у Рамона был небольшой. На выстрел наверняка сбежались бы охранники, да к тому же пистолет не так уж просто было пронести на виллу. Сошлись на том, что нужно воспользоваться бесшумным оружием, и выбор пал на ледоруб с острием. Рамон был мастером-альпинистом, он не раз пользовался ледорубом. Кроме того, ледоруб был невелик, и его легко было спрятать под одеждой. Рамон должен был пронести его на виллу, спрятав под перекинутым через руку плащом.

Мы говорим здесь об этом так подробно потому, что на Западе в разное время вышло несколько кинофильмов, в которых картина убийства Троцкого — или, как говорил Рамон Мерка-дер, «совершения приговора», — выглядит совершенно иначе. В них показано, что Меркадер в состоянии аффекта (или же временного помешательства) воспользовался первым же попавшимся ему на глаза предметом, а именно — садовой киркой. Это, конечно, вольные импровизации авторов. Но, кроме того, были и фильмы, в которых Рамон предстаёт просто ревнивцем, который убил Троцкого за то, что тот расточал знаки внимания его

возлюбленной.

Эту последнюю трактовку событий нужно пояснить. Готовя Рамона к акции, Эйтингон и его коллеги тщательно разработали легенду, включавшую в себя бытовой мотив убийства: Рамон, баловень судьбы и плейбой, якобы отомстил Троцкому за то, что тот ухаживал за Сильвией Аджелофф, да вдобавок отговаривал от замужества, о котором её давно просил Меркадер. Кроме того, как свидетельствует генерал Судоплатов, в случае ареста Рамон должен был заявить, что и помимо истории с Сильвией, у него накопилось немало злости на Троцкого и его помощников, которые, дескать, транжирили деньги, которые он им давал на нужды движения, готовили теракты и убеждали его самого вступить в террористическую организацию, целью деятельности которой было убийство руководителей СССР.

В день покушения Рамон, одетый по последней моде и тщательно выбритый, направился на виллу в Койоакане. Эйтингон и Каридад, как было условлено, ждали его неподалеку: каждый из них сидел в своей машине с работающим двигателем. Поскольку охрана знала Рамона и беспрепятственно пропускала его, он мог так же спокойно уйти, бесшумно покончив с Троцким.

Троцкий в больнице. Он умер на следующий день после покушения

Этого, однако, не произошло. В тот момент, когда Рамон замахнулся ледорубом, Троцкий повернул голову. В результате сила удара оказалась слабее, чем Рамон ожидал, и Троцкий был только ранен. Он громко завопил, зовя на помощь. Охранники, ворвавшиеся в комнату, сбили Рамона с ног и начали избивать

рукоятками пистолетов и прикладами винтовок. В доме царил переполох, к зданию начали прибывать подразделения полиции.

Поняв, что Рамону уйти не удастся, Эйтингон и Каридад быстро уехали.

Теперь им надлежало спасаться бегством.

Троцкий умер на следующий день. В Москве об этом узнали день спустя. Между тем члены группы Эйтинго-на спешно покидали место действия. Эйтингон и Каридад отплыли на Кубу. Там им пришлось пробыть почти шесть месяцев, и они могли следить за ходом процесса над Рамоном, после чего Эйтингон вместе с Каридад вернулись в Нью-Йорк. Добыв себе новые паспорта, они направились в Калифорнию. Из Сан-Франциско они отплыли в феврале 1941 года в Китай, и вернулись в Москву поездом только в мае, всего за месяц до начала Великой Отечественной войны. На выполнение операции «Утка» у них ушло два года.

В Москве Эйтингон устно доложил начальству о проведённой операции. Никаких отчётов он не писал. Но в них и не было необходимости. Все газеты мира подробно сообщили о происшедшем в Койоакане. Сталин высоко оценил заслуги всех участников операции по ликвидации Троцкого и поддержал Берию, обратившемуся к нему с предложением наградить орденами СССР 6 человек, принимавших участие в «выполнении специального задания». Так как было принято решение наградить их «без публикации», награждение было осуществлено закрытым указом Верховного Совета. Каридад Меркадер и Эйтингон получили Ордена Ленина.

А Рамон Меркадер остался в мексиканской тюрьме и провёл в ней 20 лет. Кремль не жалел средств, чтобы вытащить его из тюрьмы. Адвокаты, нанятые по указанию Берии, пытались убедить мексиканские власти, что убийство — результат внутренней свары в троцкистской среде. Но усилия их были безуспешны. Сам же Рамон продолжал утверждать, что убил Троцкого из-за принципиального несогласия с его практическими шагами. Тем временем особая группа осуществляла поддержку заключённого, снабжала его дополнительным питанием, деньгами, забота-лась о том, чтобы в отношении Рамона в тюрьме не было никаких актов жестокости и насилия со стороны уголовников. И так продолжалось все двадцать лет. При аресте у Рамона было найдено письмо, датированное 20 августа 1940 г. Из письма следовало, что он был бельгийцем по имени Жак Морнар, хорошо знакомым со многими видными троцкистами. В письме подробно излагались мотивы, толкнувшие его на убийство.

Следствие по делу Рамона вел некий полковник Салазар,

который обратился к бельгийскому посланнику и получил от него всемерную помощь. Бельгийские власти, само собой разумеется, открестились от Рамона, заявив, что вся история с Жаком Морнаром — сплошная выдумка. Аналогичным образом поступили и канадцы, сразу же объявив паспорт Фрэнка Джексона фальшивкой. Правды, однако, у Рамона не могли выбить ни побоями, ни карцерами.

Наконец, за Меркадера взялся известный психолог Альфой-со Кироз Куарон. Считая, что дело «Джексона» предоставляет ему уникальную возможность для исследования, он предложил Рамону поучаствовать в «эксперименте». Пол года длился эксперимент, и за это время доктор Кироз Куарон сделал вывод, что перед ним — один из уникальнейших людей на Земле. Ему показывали, например, как собирается японская игрушка-ребус, после чего оставляли ее разобранной в полной темноте. Каждый раз Меркадер собирал ее за несколько минут.

Утверждают, что он мог собрать и разобрать в полной темноте пистолет «маузер» менее чем за 4 минуты. В ходе другого опыта ему показывали кодированные сообщения, и он часто был способен их расшифровать. У него была феноменальная память, редкое чувство координации и ощущение времени. По многим параметрам, как сделал заключение доктор, заключённый обладает «сверхъестественными качествами». Но ни один из экспериментов так и не дал тюремщикам возможности выяснить, на кого работал «Джексон».

Его личность так и оставалась невыясненной, пока Кари-дад, которая во время войны была эвакуирована в Ташкент, не проговорилась знакомому, что Троцкого убил её сын. Она была убеждена, что разговаривает с надёжным человеком, но Кари-дад ошиблась. Её собеседник выдал секрет, которым она с ним поделилась.

Просочившаяся на Запад информация позволила мексиканцам затребовать из Испании личное дело Рамона Меркаде-ра. В полицейском досье были фотографии Рамона, так что отпираться стало бесполезно: личность его была установлена.

«Перед лицом неопровержимых улик Фрэнк Джексон признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи, — писал в своих воспоминаниях генерал Судоплатов. — Но он так и не признался, что убил Троцкого по приказу советской разведки…»

Первая довольно обстоятельная статья об устранении Троцкого появилась только в январе 1989 года в «Литературной газете». В ней было достаточно много домыслов и предположений, хотя в целом цепь событий была прослежена

точно.

Мы убеждены, что после начала перестройки в СССР публикация такого рода не была неожиданностью для нашей матери. Помним, она показала нам статью, занимавшую целую страницу. Мама сразу обратила внимание на несколько пассажей, которые делали почти невозможным их обсуждение с ней.

В статье говорилось, что Каридад Меркадер была любовницей нашего отца, и это он вынудил её привлечь Рамона к убийству Троцкого.

В статье было мало аргументов и ссылок, но написана она была, конечно, эффектно, да и по тем временам должна была быть настоящим откровением для миллионов наших сограждан. Мы не могли не обратить внимание на то, что мать была сильно опечалена, и решили, что такие чувства вызвали именно строки, связанные с отцом и Каридад.

Мы стали успокаивать её: «Послушай, ведь всё это было ещё до войны, задолго до того, как ты познакомилась с отцом».

На наш вопрос, знала ли она обо всём, что описано в статье, мать ответила с улыбкой: «Всё может знать только Господь Бог…»

Надпись на «Литературной газете» рукой Музы Малиновской

Глава IV. ПАРАШЮТИСТКА МУЗА МАЛИНОВСКАЯ

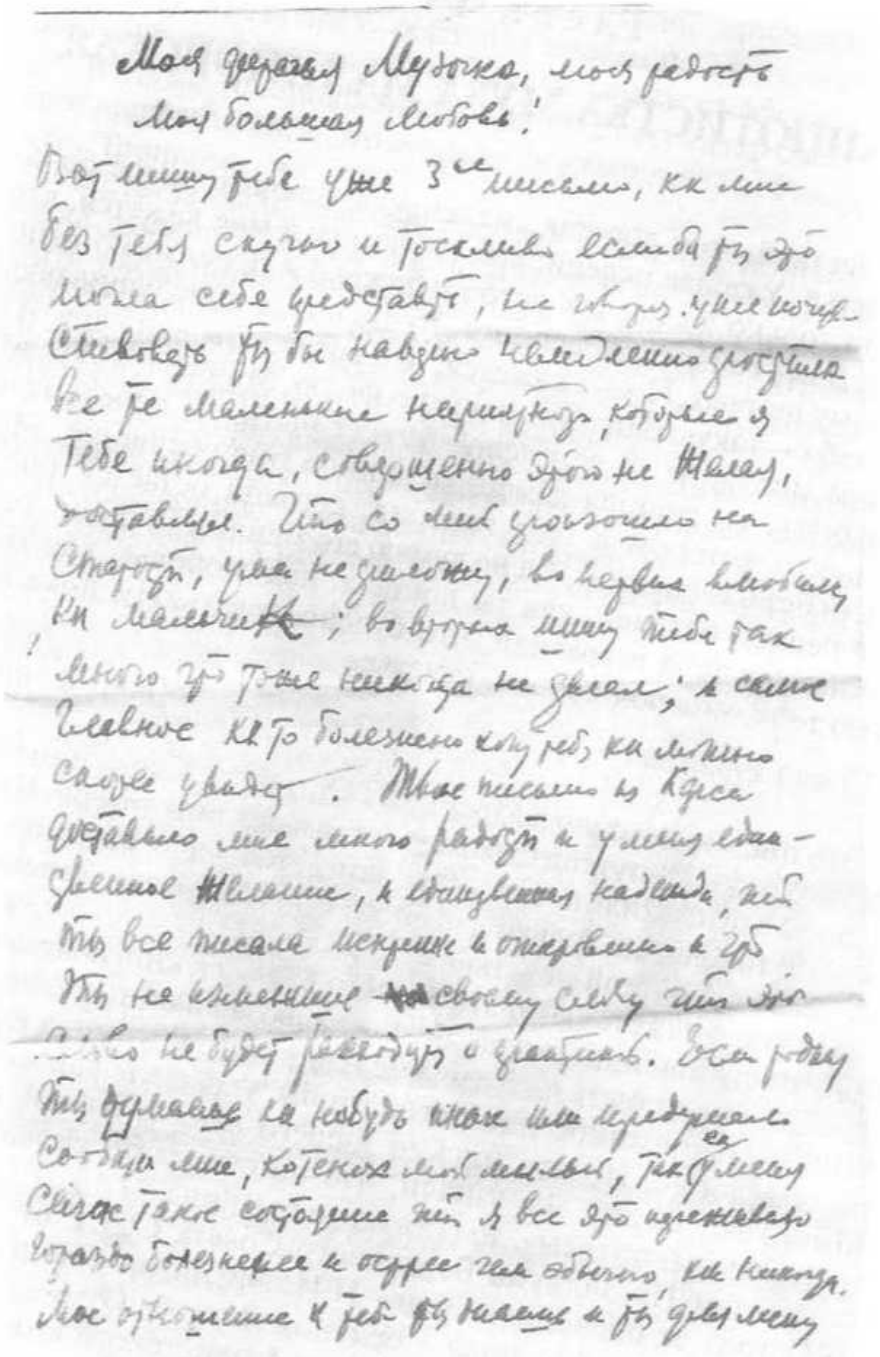
«Здравствуй, моя дорогая, маленькая девочка — моё большое счастье. Уже две недели, как ты уехала, а мне кажется, что это было только вчера: так остро и тяжело я переживаю нашу разлуку. Даже сейчас, когда пишу это письмо, я прислушиваюсь к каждому шороху. И мне кажется, что вот-вот ты войдешь, и я увижу тебя — такую близкую, такую родную. Меня очень тревожит твоё молчание. В чём дело? Может быть, ты передумала, может быть, ты решила изменить данное мне обещание. Моё решение, о котором я тебе говорил, сегодня остается также твердо и без изменений. И я не думаю его менять. Сообщи, родная, с первой оказией, как ты доехала, как здоровье, как твои близкие, как тебя встретили, что будешь делать. Ну, пока всё. Целую тебя, моя родная, моё счастье.

10 мая 1942 года Твой Леонид»

Это письмо пришло в Москву из Стамбула. Сложенное в несколько раз, оно путешествовало в кармане дипкурьера. На нем не было ни фамилии человека, которому надо было вручить письмо, ни адреса: только два слова «Лично Музе». Запечатано оно было сургучной печатью.

Сначала кажется, что это письмо взято из книги какого-нибудь писателя или поэта, человека возвышенных эмоций и идей, а, может быть, это даже не настоящее письмо, а вымышленное, написанное для того, чтобы украсить какое-нибудь произведение. Но это письмо нашего отца к нашей матери. Много лет спустя мы узнали, что оно было переправлено «с нейтральной полосы», то есть из-за границы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1941 года за операцию «Утка» Н.И. Эйтингон был награжден высшей наградой родины — орденом Ленина. Отмечая награждение в этот же день, за 5 дней до фашистского вторжения, в номере гостиницы «Москва», Эйтингон сказал Судоплатову: «То что происходит на границе не провокация, а война». Он знал, что нашествие гитлеровцев неизбежно, и был внутренне готов к нему. Это трагическое событие в жизни страны сделало неизбежной его встречу с женщиной, которая стала «музой разведчика», его вдохновением.



Моя дорогая Музочка, моя радость
Моя большая любовь!

Вот пишу тебе уже 3-е письмо, как мне без тебя скучно и тоскливо. Сначала я это могла себе представить, не говоря уже о том. Стиховедческие я бы навряд ли сделала все те маленькие перипетии, которые я тебе иногда, совершенно зря не жалею, доставляла. Что со мной произошло на старости, уже не знаю, но первая любовь, как мальчик; во время пишу тебе так много, что такое никогда не умела, и самое главное, что-то болезненно-нежное, как любила сейчас. Твое письмо из Крыма доставило мне много радости и умиления, и волнующая надежда, что ты все письма искренне и откровенно. Ты не изменишь своему слову, что это не будет разговор о платье. Все равно ты думаешь не больше меня или предпочитаешь. Сегодня мне, Котенок мой маленький, так грустно сейчас такое состояние, и все это нежность, разлука болезненная и острее, чем обычно, как никогда. Мое отношение к тебе, я знаю, и ты должна

До встречи с ней оставалось всего три недели.

Имя Музы Малиновской прозвучало на всю страну ровно за шесть лет до дня награждения Эйтингона высшим орденом страны. 17 июня 1935 года все газеты Советского Союза сообщили

о том, что в районе Химок был установлен новый мировой рекорд — девушки-парашютистки прыгнули с высоты 7035 метров без кислородных приборов. Кроме того, это был первый в мире групповой прыжок женщин-парашютисток. Его совершили 6 девушек и среди них была Муза Малиновская.

То было время, когда каждый молодой человек в стране бредил самолетами, планерами, гоночными автомобилями. Страна создала мощный промышленный потенциал, позволивший строить огромные воздушные и океанские корабли, тысячи людей учились новым, до этого мало распространённым профессиям, и романтика воздушных и морских приключений заело-няла собой мелочи неустроенного быта, напряжение тяжёлого труда. Спортсмены мечтали побить мировые рекорды, учёные — создать принципиально новые машины, конструкторы — построить межпланетные корабли. Лозунгом дня было «Выше, дальше, быстрее!»

Муза (в центре) и девушки-парашютистки

Муза вышла из этой бурлящей молодёжной среды, но ей повезло больше, чем миллионам её сверстников. На какой-то миг она стала звездой. Все газеты пестрели фотографиями спортсменок. Их принял в Кремле Сталин. Они были награждены грамотами ЦК. ВЛКСМ. Они стали известны, любимы, уважаемы всеми. А Муза к тому же была молода и красива, училась в Институте физкультуры, кроме парашютного спорта занималась планеризмом, училась летать на самолете У-2. Она жила полной жизнью, была счастлива и весела. У нее рос маленький сын. Она была лектором Общества «Знание», с лекциями объехала всю страну. После её рекордных прыжков она побывала в гостях у Горького, подружилась с его семьей, была знакома с известными лётчиками и моряками.

После посещения с лекциями Чувашии Музе подарили национальный костюм, который по прибытии в Москву надо было сдать в музей.

Она решила оставить на память хотя бы фото

В её жизни было много интересных людей, с которыми она общалась, но среди них не было разведчиков, и она, наверное, даже и не предполагала, что когда-нибудь её жизненный путь пересечётся с одним из них. Однако судьба свела её с человеком, труд которого был совершенно неизвестен не только широкому кругу людей, но даже сотрудникам той организации, в которой работал. Его труд был важнее и ценнее для страны, чем труд любой знаменитости из окружения Музы.

Как удивительно, как драматично сложилась жизнь этой женщины! Девичья её фамилия — Вихирева, родилась она в сибирском городе Уфе в 1913 году. Её отец и мать работали в банке.

Муза с матерью. 1913 год.

После революции главу семьи направили в город Иваново, где назначили управляющим местного отделения банка. Благополучие семьи длилось недолго.

Музе было всего 6 лет, когда отца не стало. Кроме нее у матери было еще двое детей, причём они были ещё моложе: одному братику было 4 года, а другому — всего 7 месяцев. Поскольку матери пришлось идти работать, дом и двое маленьких детей оставались на попечении шестилетней Музы.

Долго так продолжаться не могло, и родные уговорили мать Музы, Елизавету, переехать в Москву, где на Воробьёвых горах был небольшой родительский дом, и где за детьми можно было обеспечить хоть какой-то уход. Переезд произошел в 1920 году. Но вскоре родительский дом сгорел, и погорельцам предоставили одну комнату в коммунальной квартире на улице Мархлевского. Муза выросла в этой комнате. После окончания семилетки Муза пошла по стопам родителей и закончила бухгалтерский техникум. Её трудовая жизнь началась в банке в ка- честве бухгалтера-плановика.

Муза готовится к полету

Но скучная и нудная работа была не в характере Музы. Её манили странствия, приключения, общение с интересными людьми. Закончив трудовой день, она бежала в клуб, где можно было заниматься танцами, гимнастикой. Эти занятия тогда ничего не стоили, не нужно было покупать дорогой инвентарь и оборудование: от молодых людей требовалось только желание заниматься спортом или музыкой.

В 1931 году она вышла замуж за Григория Малиновского. Конструктор по профессии, он был к тому же художником и разносторонне одарённым человеком. Григорий привил ей любовь к парашютному спорту и планеризму. Сам он был инструктором и наставником девушек-парашютисток. В 1932 году у Музы и Григория родился сын Станислав, но семья не мешала активным занятиям спортом, которым Муза уделяла много времени. Она занималась прыжками с трамплина, любила ездить на лыжах, прицепившись к мотоциклу. Увлекалась парашютным спортом.

Работа в бухгалтерии больше не привлекала её. Она выучилась на водителя автомобиля, причём, какое-то время даже водила грузовую машину. Вряд ли это можно было назвать

женской специальностью, но Музе нравилось делать всё, что, по всеобщему признанию, было недоступно для женщин. Она была сильной, смелой и очень привлекательной молодой женщиной.

17 июня 1935 года девушки-парашютистки готовились к выполнению особой задачи. Как потом рассказывала Муза, «небо под крылом самолета было синим-синим, мы прыгали как будто в воду: те же упругие, тугие, но только не водяные, а воздушные струи». Это был не простой прыжок. Это был новый мировой рекорд.

В 1935 году этот рекорд должен был доказать, что в Советском Союзе развитие парашютного спорта находится на высоте, которую не может оспаривать никакая другая страна мира. Рекорд показывал, что возможности человека значительно превосходят представления о них. Шесть девушек-парашютисток прыгали с высоты 7035 метров БЕЗ КИСЛОРОДНОГО ПРИБОРА!

Заметим, что этот рекорд не побит и до настоящего времени.

Потом были овации, приёмы в Кремле, знакомство с замечательными людьми, героями того времени, полёты вместе с Чкаловым, и конечно, слава — повсюду, по всей стране!

Откроем газету «Комсомольская правда» за 18 июня 1935 года. На первой странице газеты — Приветствие Товарища Сталина. Братский привет Особой Кавалерийской Краснознамённой имени Сталина дивизии в день её 15-летия. Основную часть первой страницы занимает постановление Одиннадцатого Пленума ЦК ВЛКСМ. А подвал первой страницы занят большой фотографией, на которой — мастер парашютного спорта Шмидт, награждённый орденом Красной Звезды, мастер парашютного спорта Яковлева, парашютистка Малиновская, лётчик Маламуж, парашютистки Блохина, Бабушкина, Барцева и Николаева.

Мастер парашютного спорта Т. Шмидт, испытавший экспериментальный парашют с крыльями, беседует с ребятами в Химках после приземления. Он был другом Музы

И текст под заголовком: Во Славу Нашей Родины.

«Секретарю Центрального Комитета ВЛКСМ товарищу Косареву.

Дорогой Александр Васильевич!

Мы, шесть советских девушек-парашютисток, работницы экспериментального института Народного комиссариата тяжёлой промышленности и студентки инфизкульта, 17 июня сего года в 9 часов 30 минут утра, в районе Химки-Еролово-Нахаби-но совершили групповой прыжок с самолета АНТ-7 под управлением командира корабля, мастера парашютного спорта товарища Шмидта и пилота товарища Маламужа с высоты 7,035 метров без кислородных приборов, чем достигли нового мирового рекорда прыжков женщин-парашютисток, побив мировой рекорд, ранее установленный ленинградской парашютисткой тов. Федоровой с высоты 6,350 метров. Кроме того, нами поставлен мировой рекорд группового прыжка женщин-парашю-тисток без кислородного прибора. Мы счастливы, что смогли выполнить лозунг нашего любимого вождя товарища Сталина об овладении техникой своего дела. Большевистская настойчивость и преданность нашей великой Ленинской партии и Социалистической Родине, любовь к нашему родному товарищу Сталину, обеспечили нам эту большую победу, являющуюся по

сути дела победой всей нашей Родины. Улетая в тропосферу, мы подняли с собой пламенные лозунги любви и привета нашему любимому вождю и учителю товарищу Сталину.

Самолет АНТ-25, на котором экипаж летчика В. Чкалова совершил перелёт в Америку через Северный полюс

Воспитанные партией и комсомолом, мы показали сегодня свою беспредельную преданность рабочему классу, готовность совершать всякий подвиг во славу нашей великой и могущественной Родины, выполнить любое приказание партии и правительства и сделать советское небо крепостью обороны нашей Родины. Мы — это только группа из числа миллионов советских девушек, готовых по первому зову нашей партии стать на защиту неприкосновенности границ Советского Союза.

Да здравствует Центральный Комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и его руководитель товарищ Косарев!

Да здравствует наша великая могущественная Родина!

Да здравствует наша великая Коммунистическая партия и великий любимый Сталин!

Парашютистки Ольга Яковлева, Марина Барцева, Александра Николаева, Муза Малиновская, Надежда Бабушкина, Серафима Блохина.»

Молодые люди не только читали это в те дни, не только писали подобные строки, они, в своём большинстве, искренне верили в идеалы коммунизма. Рекордный прыжок имел значение не только как спортивное достижение. Все советские газеты тех дней пестрели заголовками: Наше небо — крепость обороны!

Фотография Чкалова со Сталиным и Орджоникидзе из альбома Музы Малиновской: на фотографии стоит автограф знаменитого летника

Вот передовица одной из газет. Она озаглавлена романтично: «Девушки наших небес».

«Лучшие представители нашей молодёжи не раз уже поражали мир своим хладнокровием, выдержкой и мужеством. Всякое новое его проявление мы встречаем поэтому, отнюдь, не как неожиданность, сенсацию, а как закономерное явление, которое наполняет наши сердца чувством радости, удовлетворения. Семь тысяч тридцать пять метров, достигнутые нашими парашютистками, — это не только показатель высоты, не просто мировой рекорд. На альтиметре исторического сознания социалистического и буржуазного миров эта цифра показывает, как высоко, свободно и дерзко парит наша страна и её молодёжь, подымаясь всё выше и выше. Шесть девушек, шесть юных дочерей своей Родины поставили рекорд не только потому, что они молоды, физически выносливы, духовно и телесно красивы, но и прежде всего потому, что они дышат воздухом нашей страны, растут в атмосфере всеобщего социалистического подъёма,

воспитываются и закаляются в обстановке наших побед.

Взгляните на любую буржуазную героиню. Как правило, ей не больше двадцати-двадцати пяти лет, но лицо её, безвременно увядшее, уже носит следы растерянности и неумения найти своё место в жизни. Вот Виолетта Назьер, известная героиня французской бульварной печати, убившая и ограбившая своих родителей, чтобы подкармливать своих любовников. Вот суетливая, мещанская наседка, культивируемая германскими фашистами с обкарнёнными жалкими крыльями, которые не дают ей возможности не только летать, но и просто чуть-чуть приподняться над баррикадой кухонных и всяких иных горшков. Вот бессмысленные королевы красоты, назначение которых состоит только в том, чтобы, как выражаются бульварные романисты, «дарить наслаждение», а деловые люди — «торговать собой».

Начиная с 20-х годов, увлечение авиацией и парашютным спортом охватило буквально всю молодёжь. Большинство парашютистов умели пилотировать самолёт или планер. Руководство страны всячески поощряло эти увлечения

Таково собирательное лицо молодой героини буржуазного мира, подымаемой на щит всей капиталистической прессой, сохраняемой домостроем буржуазной морали, поощряемой высшей наградой капиталистического общества — шуршащей пачкой ассигнаций. И над всем этим — волчий закон капитализма, устанавливающий неравенство, дающий мужчине в руки кнут, как скипетр повелителя, и прикрепляющий над

женщиной несмываемое пятно слабого пола. Недаром любимый философ германского фашизма Фридрих Ницше неоднократно рекомендовал: «Когда ты идёшь к женщине, не забудь взять с собой кнут». Мы покончили с тягчайшими традициями угнетения и вековой несправедливости. Капиталистический мир говорит о женственности и имеет в виду трусость как основное биологическое, врождённое качество женской натуры. Пролетарская революция раскрепостила нашу молодёжь от власти этого в высшей степени ядовитого и вредного явления.

Муза с сыном Станиславом

Только в нашей стране шесть девушек не ради денег устремляются ввысь, а от полноты и звонкости чувств, охвативших всё их молодое существо.

Какие это чувства? Чувство беззаветной преданности своей Родине, делу своего класса, чувство бодрости, смелости, чувство уверенности в завтрашнем дне. Этого не дано понять женщине буржуазного мира. Но это всем сердцем, всем сознанием, всем классовым своим чутьём понимают сегодня и тысячи трудящихся женщин Запада, сражающиеся на баррикадах Астурии и подносившие снаряды в пылающие дома Флориидорфа. Девушки нашего класса во всём мире испытывают сегодня законное чувство гордости и удовлетворения. Алексей Максимович Горький как-то сказал: «Человек рождён для счастья, как птица для полёта». Человек нашей эпохи рождён и для счастья, и для полёта, для устремления ввысь, к новым победам, к новым

достижениям. Шесть молодых рекордсменок поднялись на огромную высоту и совершили прыжок без кислородного прибора. Секрет их успеха, залог их победы в том, что они взлелеяны нашей великой матерью — партией Ленина-Сталина».

Муза беседует с Горьким и Роменом Ролланом

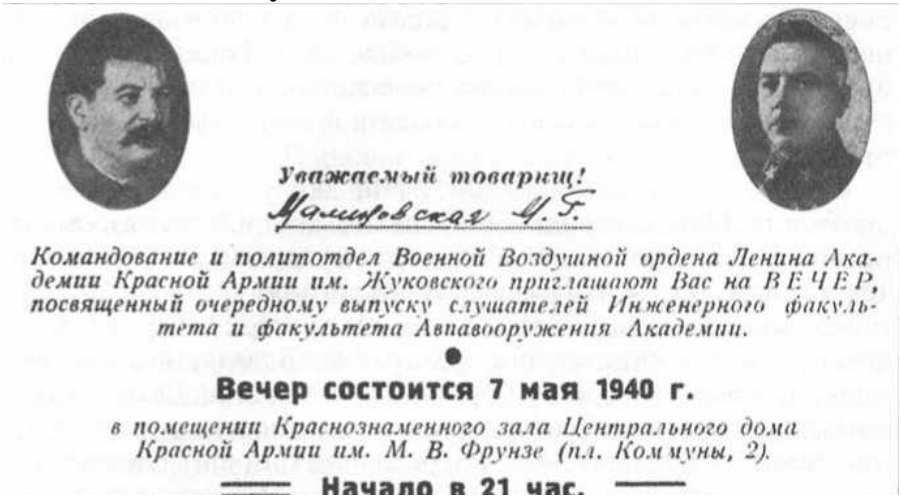
Муза тоже писала статьи в газетах, и одна из них — под названием «Моя мечта» — была напечатана в самой главной газете страны, в печатном органе коммунистической партии, в «Правде».

«Дети любят мечтать о будущем. Спросите десятилетних малышей, кем они хотят быть, когда вырастут. И каждый из них ответит, не задумываясь: хочу быть инженером, конструктором, моряком, шофером, художником, лётчиком. Я с раннего детства мечтала стать лётчицей. Мысль эта запала мне в голову, когда мне было 12 лет, то есть десять лет назад. Окружающие, с которыми я делилась своей затаённой мечтой, добродушно посмеивались надо мной. В 18 лет я вышла замуж. Мой муж — конструктор. Вместе с ним я просиживала ночи за работой, основательно изучая мотор. Муж сконструировал и построил корпус лёгкой гоночной моторной лодки — скутера, двигающейся со скоростью 70 км в час. Я была ближайшей помощницей мужа в работе и первым водителем этой прекрасной лодки.

После приземления. 1935 год

Летом 1931 года мой муж совершил свой первый прыжок с парашютом под руководством летчика Бухгольца. Мне же очень захотелось прыгать. Но, откровенно говоря, я не верила в парашют. Мне казалось, что я могу растеряться, задохнуться, разбиться. В 1932 году у меня родился сын Стасик. Временно пришлось прекратить все занятия. Я с завистью и тревогой следила за прыжками мужа, который увлекался парашютным спортом. Зимой 1932—33 года на спортивном празднике я видела прыжки мастеров Минова, Забелина, Остоякова, Балашова и других парашютистов. Этот день произвёл на меня незабываемое впечатление. С тех пор я наблюдала много парашютных прыжков, но виденная в тот день картина не теряет своей яркости и красоты.

Муза (первая слева) в Румынии с подругами во время показательных выступлений



Уважаемый товарищ!
Мамировская М. Г.

Командование и политотдел Военной Воздушной ордена Ленина Академии Красной Армии им. Жуковского приглашают Вас на ВЕЧЕР, посвященный очередному выпуску слушателей Инженерного факультета и факультета Авиавооружения Академии.

Вечер состоится 7 мая 1940 г.

в помещении Краснознаменного зала Центрального дома Красной Армии им. М. В. Фрунзе (пл. Коммуны, 2).

Начало в 21 час.

Пригласительный билет

От парящего в воздухе самолёта отделились маленькие чёрные точки, и вдруг над ними расцвели огромные цветы — красные, зелёные, голубые, белые. Они спускались всё ниже и ниже и наконец зацвели на белом лугу, на голубом льду реки. Вот и сел самолёт. Я на лыжах поспешила на помощь парашютистам — красивым и мужественным людям. И вот здесь я дала себе слово: прыгнуть хотя бы раз, но всё-таки прыгнуть.

И вот, моя мечта осуществилась. 3 августа 1934 года я совершила свой первый прыжок с самолёта. Высота — 700 м. Самолёт — У-2. Парашют — ПТ. Зимой этого же года я окончила

школу шоферов. В 1935 году я начала работать водителем грузовой машины, стала парашютисткой, комсомолкой. Я хочу овладеть высшей техникой, сделаться мастером парашютного спорта. Мне странно отвечать, когда спрашивают, а не страшно ли прыгать. Страх бывает только тогда, когда делаешь что-либо по принуждению и не уверен в себе. Когда не знаешь, ради чего

рискуешь жизнью. Я не знала страха. Я люблю воздух, мотор, шёлковый купол парашюта. Я люблю свою Родину, людей, и, буду откровенна, очень люблю свою жизнь. Вот поэтому-то я и смело выхожу на плоскость самолеёта и точно выполняю задание.

Сынишка мой уже большой, очень любит самолёты и парашютистов. Муж совершил 60 прыжков, стал инструктором-парашютистом и начальником планерной станции Института физической культуры. Но ничего. Я его догоню.

15 мая мы совершили массовый прыжок в присутствии французского министра иностранных дел Лаваля, на аэродроме присутствовали товарищи Ворошилов и Алкснис. Дамы из дипломатических миссий рассматривали нас в лорнеты и что-то записывали в блокноты. Через переводчиц они спрашивали: неужели эти девушки прыгнули, неужели у них такие здоровые сердца?

Потом к нам подошли товарищи Ворошилов и Алкснис. Нарком сказал товарищу Алкснису, что надо придумать способ быстро отцеплять парашюты при приземлении, чтобы парашютистов не волочило по земле. Климент Ефремович поблагодарил нас, сказал, что мы хорошо выполнили задание. Мы ответили: «Служим трудовому народу!» Он с нами говорил так подружески, словно перед нами был не Нарком, а наш близкий товарищ. Спросил: «Как себя чувствуете?» Мы ответили, что чувствуем себя хорошо.

Что можно сказать о моих последних двух рекордных прыжках? Они были, безусловно, очень интересными, и я рада, что мне удалось их совершить. Утро было солнечное, ясное, на земле была лёгкая дымка. Ещё на высоте 6700 м мы начали готовиться к прыжку. На высоте 7035 м, по сигналу Шмидта, Оля Яковлева первой пошла вниз. Следующей должна была прыгать я. Я села на борт и сразу прыгнула. Землю было видно хорошо.

Ещё в самолете я скинула одну пару меховых перчаток — а температура была минус 25 градусов! У меня в одной паре перчаток замёрзли руки, поэтому при отделении от самолёта я не смогла сразу взять кольцо парашюта. Вспомнив предупрежде-ние начальника о том, чтобы не делать резких движений в воздухе, я на одну десятую долю секунды опустила руку и стала искать кольцо глазами. Найти его было нетрудно, так как оно окрашено

в красный цвет. Найдя кольцо, я спокойно приложила руку и дёрнула его. Парашют раскрылся нормально. Рывок был сильный, что вполне понятно, так как произошла задержка.

Метрах в 500 от земли стала думать о приземлении. Вдруг вижу: меня несёт на фабричную трубу. Я начала «скользить». Примерно в 300 м от земли я убедилась, что ветер не донесёт меня до трубы, перестала скользить, развернулась и приземлилась очень хорошо на пахоту. Сняла парашют. Прибежали ребятишки, рабочие и колхозники. Я им рассказала, как я прыгала, с какой высоты, почему я так тепло одета. Чувствовала себя прекрасно. Донесла парашют до остановившейся на дороге грузовой машины. Шофер предложил довезти меня до Москвы.

25 июня утром мы узнали, что вечером будет прыжок в воду. Я была очень обрадована. Несмотря на то, что почти все мои прыжки были экспериментальными, в воду прыгать мне ещё не приходилось. Мы летели над Сенежским озером, и я видела внизу целую флотилию лодок. По команде Шмидта я вылезла на крыло и пошла вниз. Самое главное в момент приводнения было в том, чтобы освободиться от парашюта. Я отстегнула все карабины, развернулась по ветру и опустилась в воду. Приводнение было настолько приятным, что даже не хотелось вылезать из воды. Довольные и радостные, мы возвращались домой — с тем, чтобы на следующий день с новой энергией взяться за работу. Готовиться к новым прыжкам и новым рекордам…»

Посадка на воду

Муза (первая справа) и её подруги после выполнения первого экспериментального прыжка в воду

Статьи такого рода читали взахлёб. Музе старались подражать, ей писали письма сотни людей. Рекордный прыжок, который выполнила Муза Малиновская, можно считать счастливым для неё хотя бы уже потому, что ей удалось попасть в группу, которая совершала такие прыжки.

В 1936 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга рассказов девушек-парашютисток, поставивших мировой рекорд высотного прыжка. Она называлась так: «Давайте прыгать, девушки!» На титульном листе книги аккуратным почерком надпись: «Маленькой девушке, завоевавшей большие высоты.» Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». И подпись: Главный редактор Стоянов.

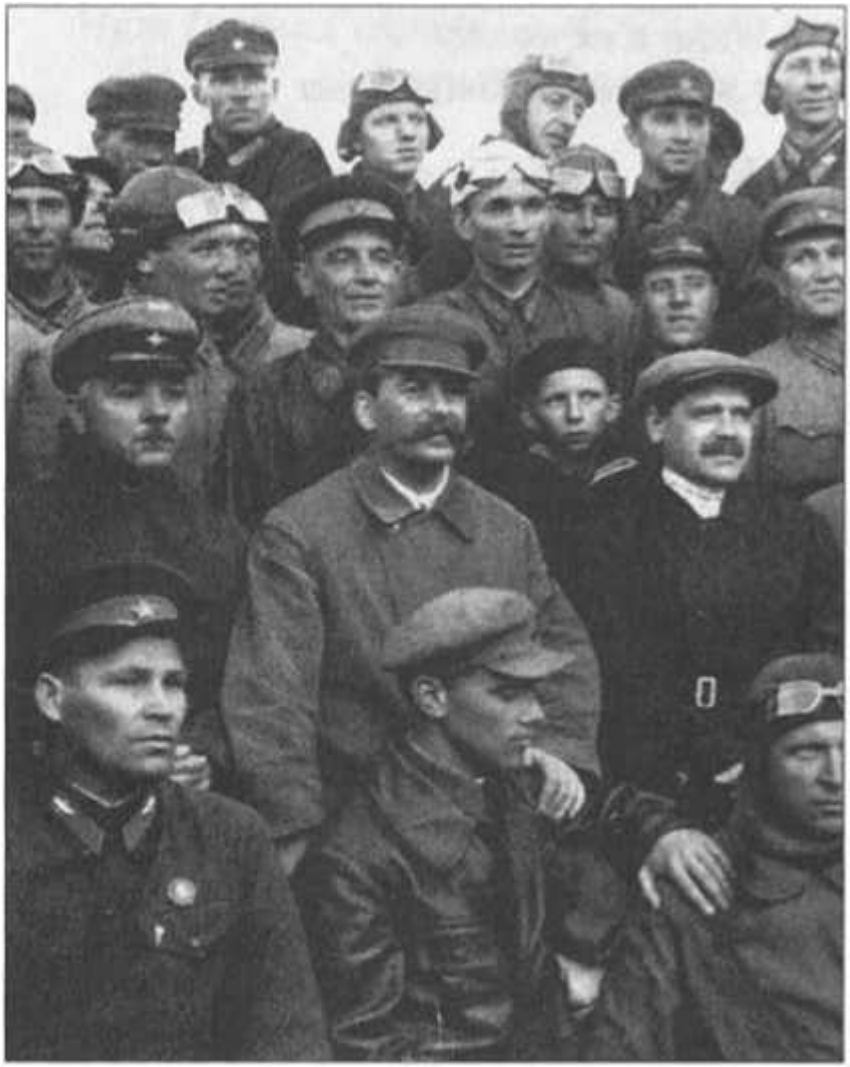
Встреча Музы и её коллег с прославленным лётчиком Коккинаки

В этой книге девушки рассказывали о самых интересных минутах своей жизни, о том, как готовились к прыжкам, как выполняли их, а также о том, как относились к ним и к их подготовке к прыжку по месту их работы или учёбы.

Сталин, великий вождь и учитель, как известно, прекрасно сознавал важность такой пропаганды коммунистических идей среди молодёжи, которая бы опиралась на романтику подвига и приключений.

Статья Музы в этой книге называлась «Этот замечательный 1935-й», и это была, среди других, пожалуй, одной из интереснейших. В ней Муза рассказала о том, как она вместе с другими парашютистками и Косаревым побывала в гостях у Максима Горького, как познакомилась с французским писателем Роменом Ролланом, как ездила в агитационную поездку в Чувашию, как во время праздника совершила прыжок перед Наркомом Климентом Ворошиловым, как проходила встреча парашютисток со Сталиным, а также о том, что интересовало Музу, что заполняло всю её жизнь. Вот некоторые отрывки из дневника Музы 1935 г.:

«15 мая. Сегодня я прыгала перед наркомом обороны товарищем Ворошиловым и французским министром г. Пьером Лавалем. Группой руководил мастер парашютного спорта Забелин. Из нашего люка прыгали восемь девушек под командой Малиновского. Среди них были Яковлева, Шишмарёва, Пясецкая, Бабушкина и я.



Сталин, Ворошилов и авиаконструктор Яковлев среди лётчиков-спортсменов на Тушинском аэродроме (1935 г.)

27 мая. Тренируемся к прыжку с высоты более 7 тысяч метров. Сегодня была на высоте 7 тысяч метров. Чувствовала себя хорошо. Это физически, а морально ещё лучше. Сегодня я не должна бы быть на тренировке, так как нездоровится, но большое желание тренироваться, а главное — не отстать от девчат. Оля Яковлева тоже не совсем здорова, но мы не могли отказаться от тренировки. Думаю, кто узнает наш поступок, не осудит строго.

4 июня. С утра был назначен тренировочный высотный подъём. Из-за облачности подъём состоялся не в десять часов утра, а в восемь часов вечера.

8 июня. Тренировка была с двойной нагрузкой. В три часа

барокамера и в восемь — прыжок с самолета «У-2».

11 июня. Была на высшем пилотаже. Удивительно приятная вещь! Между прочим: как-то странно лететь на самолёте и не прыгнуть. А прыгнуть ужасно хочется.

Близятся дни, завершающие трудную и научно-новую тренировку. Дни стоят ясные, хорошие. Была на высотном подъёме в 6 500 метров, чувствовала себя хорошо, если не считать, что крепко промерзла. Ну и холод на высоте! А на земле обалдеваешь от жары.

Меховые комбинезоны, перчатки, шлемы, парашют, да и самолёт — не танцевальный зал. Всё-таки тесновато там. Придётся ещё немало подумать над высотным обмундированием, чтобы было и тепло, и легко.

16 июня. Уложила свой парашют, запломбировала и убрала в шкаф. Приготовила обмундирование, которое надену завтра утром. Завтра состоится наш высотный прыжок!

17 июня. В шесть часов утра была на аэродроме. Первая тройка девушек уже ушла в воздух. Яковлева, я и Блохина начали приготавливаться к высотному прыжку — одеваться, подгонять парашюты. Вышли на рабочую площадку к самолёту и стали ждать возвращения машины, которая повезла на прыжок первых девушек. Как только спустилась машина, мы узнали, что наши подруги благополучно прыгнули и раскрыли пара-илоты. Это придало нам больше сил и уверенности в удаче.

Пока заправляли самолёт горючим, начальник ещё раз проверил наши парашюты, доктор проверил пульс.

В 8 часов 50 минут пошли в воздух на долгожданный высотный прыжок. Начали набирать высоту. Нам повезло — мы попали в восходящий поток и в 48 минут набрали высоту в 7035 метров. Утро солнечное, ясное. На земле лёгкая дымка. На высоте 6700 метров начали приготовляться к прыжку. Ждали команды лётчика Маламужа. На высоте 7 035 метров Оля Яковлева села на борт самолёта и пошла вниз. Следующей должна была прыгать я. Стараясь не делать лишних движений, я села на борт и по команде Шмидта отделилась от самолёта.

Парашют раскрылся нормально. Рывок был сильный, что вполне понятно, так как получилась задержка. Дальше пошёл плавный и приятный спуск. На трёх тысячах метров меня начало болтать. Затем парашют приобрёл вращательное движение. Но это продолжалось недолго. Ниже 3 тысяч метров стало очень жарко. Солнце яркое и горячее. Я сняла с себя последние перчатки и шлем.

Вот я уже на высоте 1 000 метров. Ищу, где остальные девушки. Они оказались выше меня. Я была очень довольна, что в

воздухе три парашюта, которые плавно идут на снижение.

Около меня всё время кружились два самолёта. Я им махала рукой.

Метрах в пятистах от земли начала думать о приземлении. Было категорически запрещено садиться в воду, на фабричные трубы и на провода высокого напряжения. И вдруг я вижу — меня как нарочно несет на кирпичный завод. Начала «скользить». Примерно в 300 метрах от земли увидела, что ветер не донесёт меня до строений, перестала скользить, развернулась по сносу и приземлилась на пахоту очень хорошо.

Сняла парашют. Прибежали колхозные ребятишки, рабочие с завода, колхозники. Я им рассказала о том, как прыгала, с какой высоты, почему так тепло одета. Чувствовала себя прекрасно. Донесла парашют до проходившей мимо машины. Узнав, что я парашютистка, шофёр взялся довезти меня до Москвы.

Приземлилась я в деревне Снегири, километрах в пятидесяти от Москвы. Весь спуск продолжался 25 минут. Затяжным я летела метров тысячу.

Приехала на аэродром, рассказала, где приземлились мои подруги, и доложила начальнику о выполнении задания. Остальные девушки через некоторое время были доставлены машиной на аэродром.

Вся наша тройка прыгнула очень удачно, и все чувствовали себя прекрасно.

25 июня. Утром мы узнали, что сегодня будем прыгать в воду. Я страшно обрадовалась. Почти все прыжки мои — экспериментальные, а прыжка в воду у меня ещё нет. Плаваю я хорошо, воду люблю, технику освобождения от парашюта в воздухе знаю.

Поднялись на самолете «У-2». Летели над Сенежским озером. Я видела на нём целую флотилию лодок и большое оживление. По команде вылезла на крыло самолёта и пошла вниз. Подо мной была не земля, а бурливое озеро. Открыла второй парашют. Начала расстёгивание. Отстегнула все карабины. Развернулась по ветру и опустилась в воду. «Приводнение» было настолько приятным, что даже не хотелось вылезать из воды. Надутый воздухом парашют долгое время лежал на воде, как парус. Как только я увидела, что лодки начали приближаться и могут взять парашют, я бросила его и поплыла к баркасу, где на-холились спрыгнувшие девушки.

Радостные, мы возвращались домой. Несмотря на то, что это был первый прыжок в воду, он был очень удачен и приятен. Думаю в дальнейшем совершить еще ряд таких прыжков».

В 1937 году Муза Малиновская в составе делегации деву-шек-

парашютисток и лётчиков Советского Союза побывала в нескольких заграничных командировках.

В 1940 году она стала начальником физподготовки в Академии Гражданского флота, которой руководил Герой Советского Союза Маврикий Слепнёв. Она гордилась этой работой. Много лет спустя, когда она была уже в весьма преклонном возрасте, если внуки не слушались её, с улыбкой говорила им: «У меня и не такие высокие чины по струнке ходили. А уж с вами я как-нибудь справлюсь…»

Муза даёт автографы. Румыния

В Европе уже бушевала война и СССР готовился к страшной битве.

Если для Наума Эйтингона, разведчика-профессионала, начало войны было страшным, но уже предсказанным им событием, то для Музы Малиновской оно было в буквальном смысле громом среди ясного неба.

22 июня 1941 года был ясный солнечный день. Муза Малиновская вместе со своим сынишкой Стасиком, которому тогда было 9 лет, пошли в Ботанический сад. Они разглядывали диковинные деревья, лакомились мороженым, но когда возвращались домой, обратили внимание на то, что у громкоговорителей, развешанных на столбах, собрались довольно большие группы людей. Они что-то оживлённо обсуждали. Когда Муза с сыном вернулись домой, то узнали, что началась война.

22 июня 1941 г. Москвичи слушают по радио сообщение о нападении Германии на СССР

В те дни реакция большинства молодых людей в СССР была однозначна: сотни тысяч юношей и девушек осаждали призывные пункты с требованием отправить их на фронт для борьбы с врагом.

Абсолютное большинство людей были убеждены, что война будет очень скоро окончена сокрушительным разгромом фашизма, и торопились внести свою лепту в этот разгром.

Муза тоже боялась опоздать. На следующий же день она пошла в ЦК ВЛКСМ. Характерно, что около здания стояла большая группа людей, в основном — молодежь. Это были добровольцы, желавшие попасть на фронт, но еще не достигшие

призывного возраста. Поскольку Муза выезжала с лекциями по стране в составе делегации ЦК ВЛКСМ, она пришла в здание ЦК и предложила, чтобы её — парашютистку, спортсменку, планеристку и лётчицу — использовали в любом качестве, в каком она может принести пользу стране. В ЦК комсомола её направили в органы государственной безопасности.

Добровольцы осаждают военкоматы с требованием направить их на фронт

Лубянка, июль 1941 года. В здании НКВД царит молчаливое оживление, идёт напряжённая работа. 5 июля подписан приказ о создании Особой группы во главе с заместителем начальника иностранного отдела Павлом Судоплатовым, которая начала подготовку к отражению вражеского нападения диверсионными средствами.

13 октября группа в связи с расширением объёма работы была реорганизована во 2 отдел НКВД СССР, а позже, в 1942 году, в 4 управление НКВД-НКГБ СССР. В начале июля 1941 года вновь созданная группа приступила к формированию парашютно-десантного подразделения. В него принимали комсомольцев и спортсменов. Нет ничего удивительного в том, что в это подразделение попала отличная парашютистка и лётчица Муза Малиновская.

Кабинет комиссара третьего ранга (в 1943 году ему присвоят звание генерал-майора) Эйтингона. За столом сидит моложавый мужчина средних лет с волевыми чертами лица. Вокруг на

стульях и на маленьком диванчике — совсем молодые люди, в основном — мужчины. Среди них только три женщины, одна из них — Муза Малиновская. Речь идёт о подготовке диверсионных групп, которые будут направлены на оккупированную врагом территорию. Одним из главных способов доставки членов этих групп к месту назначения является парашют, и владеть им должны уметь все.

Постоянно звонит телефон. Какой, трудно понять: их на маленьком приставном столике — пять или шесть. Но хозяин кабинета безошибочно берёт нужную трубку. Он снимает трубку с одного телефона и разговаривает по-английски. Снимает трубку с другого и разговаривает по-французски. Как потом говорила Муза Малиновская, она была поражена организаторскими способностями хозяина кабинета, его знаниями иностранных языков, его сосредоточенностью, доброжелательностью, умением добиться желаемого результата. На подготовку отводилось очень мало времени, а её объём был огромен. Поэтому занятия проводились с раннего утра и до позднего вечера. Потом был небольшой перерыв на отдых, и всё начиналось сначала.

В программу подготовки входило радио и фотодело. Ездили в Мытищи на стрельбище и учились стрелять из разных видов оружия, была подготовка, связанная с шифровальным делом. Курсанты, которых планировали использовать на «нейтральной территории», то есть в зарубежье, изучали иностранный язык. Муза занималась французским языком. Он вскоре ей пригодился. Правда, не во Франции, а в другой стране. Муза Малиновская должна была по прихоти судьбы стать агентом внешней разведки СССР.

Тетради и учебники Музы

Вряд ли есть сомнения в том, что Эйтингон, высочайший профессионал своего дела, несмотря на сложность обстановки и большую загруженность делами, сразу обратил внимание на красивую молодую женщину со спортивной фигурой и ясным взглядом, первые же слова которой на собраниях и занятиях показали её ум, спокойствие и уверенность в себе. Он не мог не отметить, что у этой женщины было всё, что нужно было иметь разведчице, отправляющейся за рубеж с опаснейшим заданием.

Выводы, сделанные им, получили дальнейшее развитие. Музе были даны рекомендации для работы «на нейтральной территории», причём в самых опасных и сложных условиях.

Встреча с Наумом Эйтингоном стала, таким образом, началом её профессиональной, хоть и недолгой карьеры разведчицы.

Глава V. ОПЕРАЦИЯ НА БОСФОРЕ

С началом Второй мировой войны Турция была буквально наводнена агентами чуть ли не всех европейских государств. Стамбул, деловой и финансовый центр Турции, был выбран местом множества тайных контактов и переговоров. И это было не случайно. Стамбул испокон веков был космополитическим городом, где, помимо турок, жило множество греков, болгар, румын, итальянцев, евреев, немцев и арабов, где бурлили рынки и совершались невероятные сделки. В этом городе было легко затеряться, спрятаться и готовить любую операцию.

Важность Стамбула оценили в первую очередь агенты британской разведки, гитлеровских спецслужб и, конечно, советские спецслужбы.

С первых дней войны Турция, несмотря на официально провозглашённый нейтралитет, занимала откровенно прогермайскую позицию. 18 июня 1941 года, за 4 дня до нападения фашистской Германии на Советский Союз, турецкое правительство заключило с Берлином пакт о дружбе и ненападении. Это был пакт, явно направленный против СССР. Общая граница с Советским Союзом, выходы к Черному и Средиземному морям, проливы — всё это делало Турцию чрезвычайно важным потенциальным партнёром для Германии.

В 1941—42 гг. лидеры Турции вели с Германией тайные переговоры о возможном участии турецких войск в войне против СССР и, судя по всему, всерьёз готовились к ней. Но турецкое правительство не торопилось. Оно ожидало заключительной фазы сражений между СССР и Германией.

С одной стороны, туркам хотелось, конечно, «срубить упавшее дерево». С другой стороны, они резонно опасались того, что курды, греки и армяне внутри Турции могут начать повстанческие движения в районах компактного проживания, открыв, тем самым, фронт в собственном тылу. Риск был слишком велик.

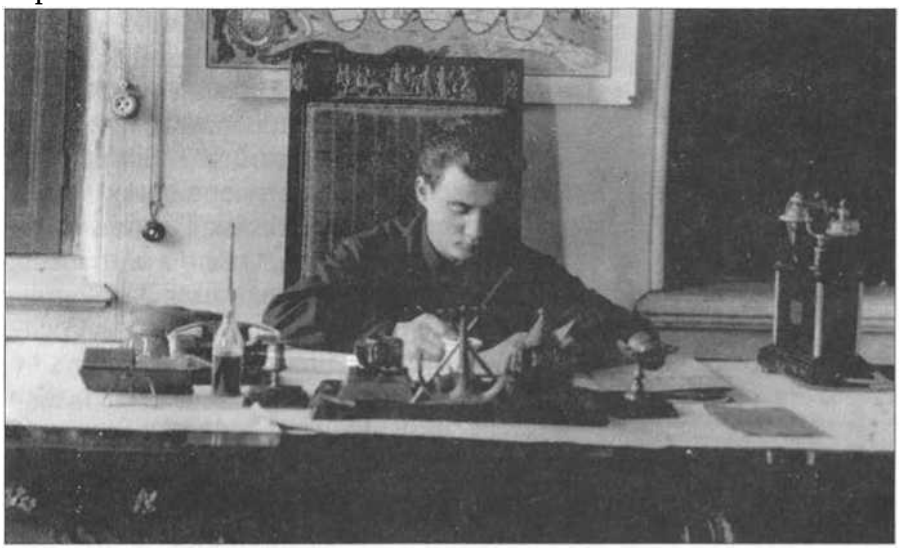
В годы перед Второй мировой войной и в первые её месяцы советской разведкой в Турции была создана неплохая агентурная сеть: она включала в себя резидентуры в Стамбуле и Анкаре, разведпункт в Карсе и небольшие группы информаторов региональной разведки вдоль советско-турецкой границы, которые были созданы в грузинских сёлах еще в 20-е годы. Главным считался стамбульский центр. Москва требовала информации о военных планах и приготовлениях Турции на советской границе; турецкие власти, в свою очередь, делали всё,

чтобы блокировать такую деятельность, так что условия для работы советской агентуры были очень тяжёлыми.

Стамбул до войны. Площадь Баязет

Осенью 1941 года Наум Эйтингон, а также группа, специально подготовленная для выполнения особых заданий, выехали в Стамбул.

Что из себя представляла операция советских агентов в Турции, похоже, было неизвестно даже высшим партийным чиновникам в Москве. Первая информация о ней проскользнула в книге Ивана Винарова «Бойцы «Тихого фронта». Воспоминания разведчика». Выпущенная в сокращённом варианте в переводе с болгарского языка Военным Издательством Министерства обороны СССР в 1971 году, эта книга стала своего рода откровением.



Сотрудник ЧК Аджарии Иван Горлин — организатор первых разведывательных сетей в приграничной зоне на территории Турции. Его настоящее имя до сих пор просят не называть

Свою книгу Иван Винаров подарил Науму Эйтингону.

Надо заметить, что многие бывшие сослуживцы дарили свои литературные произведения, потому что для большинства из них печатание воспоминаний, мемуаров, редактирование или перевод книг стали в последний период их жизни единственным средством существования. Обычно Эйтингон прочитывал все эти книжки и отдавал их младшей дочери. Пусть лежат у тебя, говорил он. У тебя они будут в большей сохранности…

Книга с дарственной надписью была сохранена. Вот что пишет Винаров в главе «Москва непобедима: Бригада особого назначения».

«Вернулся я в Москву в начале октября 1941 года, после двухмесячного отсутствия в Советском Союзе. В одной соседней стране нужно было выполнить вместе с группой из пяти сотрудников (среди них был и мой старый боевой товарищ по Китаю Леонид Эйтингон) очень сложную задачу. Этой страной являлась Турция. И задание было связано с настойчивыми попытками гитлеровцев и дипломатического представителя Германии, старого империалистического волка фон Папена вовлечь южную соседку Советского Союза в свой агрессивный военный блок.

В июле и августе 1941 года Турция, под давлением угроз со стороны Гитлера, подступившего своей военной машиной к самым Дарданеллам, готова уже была пожертвовать своим нейтралитетом. С привлечением Турции к оси Гитлер проектировал нанести удар по Советскому Союзу с юга, со стороны Кавказа, и оттуда добраться до бакинской нефти и донбасского угля.

Советский Союз приложил все усилия, чтобы устранить эту опасность, которая, впрочем, грозила и самой Турции. В случае осуществления гитлеровского плана территория Турции превратилась бы в арену жестоких боёв, в результате которых эта страна подверглась бы ужасающему опустошению. Турция смогла удержаться перед сильным шантажом Гитлера-Папена. Угроза

отсюда границам Советского Союза была устранена…»

Такова эта крайне скупая информация об операции в Турции в 1942 году.

Такие сведения в СССР находились за семью печатями даже спустя тридцать лет.

Участники операции давали перед выездом на «нейтральную полосу» подписку о неразглашении, так что любую публикацию о ней можно было считать событием.

В то время, когда родители были ещё живы, Муза и Лёня часто просили их более детально рассказать об этой операции. Но от них в то время ничего нельзя было добиться. Отец вообще всегда категорически отказывался от обсуждения таких вопросов, а мать рассказывала всё, что угодно, но только не то, что было связано непосредственно с операцией.

Книгу Винарова прочитала и Муза Малиновская. Тогда же у неё удалось узнать кое-что об её пребывании в Турции. Она сочла возможным что-то рассказать о своей деятельности там. Раз уже есть опубликованные данные, можно немножко «вспомнить» и ей.

Чтобы детально разобраться в том, что же происходило в 1941—42 гг. в Стамбуле и в Анкаре, пришлось обращаться, однако, не только к воспоминаниям, но и к печатным изданиям. Но даже такое серьёзное издание, как «Очерки истории Российской Внешней разведки», которое вышло в московском издательстве «Международные отношения» и при подготовке которого были использованы рассекреченные материалы архивов, не смогло точно установить ни исполнителей данной операции, ни её сущность.

Том 4 «Очерков» знакомит читателей с работой легальных и нелегальных резидентур и с биографиями видных разведчиков, действовавших в период войны 1941—45 годов. Деятельность разведки в то время была направлена на раскрытие военных планов гитлеровской Германии и помощь развертыванию партизанского движения на оккупированной территории. В заключительный период войны советская разведка отслеживала планы США и Англии по послевоенному переустройству Европы и мира, помогала положить конец монополии США на ядерное оружие. В приложении к этому тому было опубликовано множество рассекреченных документов из архивов внешней разведки. Но сведения об операции в Турции в этом томе, как и вообще в литературе о советской агентуре времен войны, более чем скудны.

В статье Пещерского, опубликованной в этом томе, повторяется официальная позиция советского правительства времён войны. Вот что в ней говорится: «В феврале 1942 года, по

имеющимся данным, немецкие спецслужбы во взаимодействии с турецкими организовали инсценировку покушения на германского посла фон Папена. Преследовались две цели: подорвать официальный авторитет Турции и подтолкнуть турецкое правительство ко вступлению в войну против СССР, а также скомпрометировать советских представителей, выставив их в качестве террористов».

Автор статьи признаёт, что появляющиеся в последние годы публикации содержат версию о причастности советской разведки к покушению на фон Папена, но в архивах Службы внешней разведки России якобы нет никаких документов, свидетельствующих в пользу этой версии. Далее в этой статье перечисляются сроки тюремного заключения, которые получили в процессе судебного разбирательства советские агенты Павлов и Корнилов. Судом они были признаны организаторами покушения на фон Папена и приговорены к 20-ти годам тюремного заключения каждый (в ходе повторного разбирательства срок был сокращен до 16 лет 8 месяцев — довольно несущественная для обвиняемых поправка, так как в турецкой тюрьме в те годы вряд ли кому удалось бы прожить так долго).

Автор замечает, что некий Мордвинов получил наказание в виде 6-ти лет лишения свободы. Но, если учесть, что советский резидент Мордвинов находился в Турции под фамилией Павлов и был осуждён вместе с Корниловым на 20 лет, складывается впечатление, что автор статьи имеет довольно слабое представление об этой операции и о людях, в ней задействованных. Тот факт, что в статье не упоминается имя Эйтингона, доводь-но характерен: ведь поездка Эйтингона и Малиновской в Турцию также служит косвенным опровержением версии о гер-майской провокации.

Прежде всего, необходимо сказать о людях, которые участвовали в турецкой операции по приказу Сталина. Как мы уже заметили выше, единственная публикация о ней, вышедшая при жизни Наума Эйтингона, — это книга Ивана Винарова. Но в 1994 году в США вышла в свет книга Павла Судоплатова «SPECIAL TASKS», в которой бывший начальник внешней разведки тоже затронул вопрос операции в Турции.

Незадолго до смерти Павла Анатольевича Судоплатова мы обратились к нему с просьбой рассказать о том, что он мог бы вспомнить и что могло бы как-то пролить свет на деятельность родителей за рубежом в период войны. Его рассказ дополнил картину очень важными штрихами.

Сегодня уже не осталось в живых ни одного человека из тех, кто был задействован в этой операции. Кое-какие

дополнительные сведения удалось получить от их детей. Так, биографические данные Георгия Мордвинова были любезно предоставлены его сыном Баррикадо.

Георгий Мордвинов.

На пенсии он начал писать воспоминания о своей работе в НКВД и о совместных операциях с Наумом Эйтингоном

Георгий Мордвинов родился 5 мая 1896 года в Бурятии, в семье крестьянина-батрака. Мать его умерла, когда Георгию не было трёх лет. Отец оставил мальчика и других детей, ещё моложе, на попечение своих родителей, а сам подался на заработки. Георгию было 8 лет, когда умер и отец. Мальчика, как самого старшего, отдали «в люди» — в услужение: деду было тяжело прокормить всех. Так Георгию пришлось с малых лет самому зарабатывать себе на кусок хлеба. Он чистил печи ухозяина, работал посыльным, помогал в слесарной мастерской. В августе 1915 года, в 19 лет, Георгий оказался в учебном полку, а еще через три месяца прибыл на Юго-Западный фронт, где был определён в команду конных разведчиков 75-го Сибирского стрелкового полка.

Он впервые услышал здесь такие имена как Савинков и Мартов, Троцкий и Ленин. Идеи революции привлекли его, и в 1918 году он уже был одним из работников Забайкальской

Чрезвычайной Комиссии. В 1926 году он был одним из видных чекистов Крыма. Отсюда его перевели на работу во Внешнюю Разведку, и спустя недолгое время он был послан в Монголию, а затем в Китай — в Харбин. Если в Монголии он был советником Государственной внутренней охраны, что, очевидно, было аналогом НКВД, то в Китае ему предстояла уже чисто разведывательная работа. В Харбин он приехал под именем Карлова Геннадия Николаевича и работать должен был на КВЖД — Китайской Восточной Железной Дороге — «начальником первой части общих дел», то есть начальником отдела кадров. В ноябре 1935 года Мордвинову представилась возможность поступить в Институт Красной профессуры. Отделение было, конечно же, восточное; специальность — Китай.

Но прошло два года, и Мордвинов был уволен из разведки. Причиной было то, что он протестовал против ареста одного из своих коллег, за которого он поручился. По тем временам это был поступок, который требовал большого гражданского мужества. К 1938 году он, продолжая учебу в Институте Красной профессуры, работал в Исполкоме Коминтерна — сначала референтом в Восточном секторе, а потом, чтобы иметь побольше свободного времени, сделался лектором. Он ездил по стране и рассказывал о международной обстановке.

Свободное время ему нужно было для диссертации: его приняли в заочную аспирантуру исторического факультета МГУ. Тема диссертации была злободневной: «Единый национальный фронт Китая». Похоже, его ждала новая интересная работа и научная карьера. Боль от того, что его вышвырнули из органов безопасности, уже улеглась, и он даже находил в этом теперь и положительную сторону. Но история всё решила за него.

Сын Мордвинова — Баррикаде и дочь Эйтингона — Муза. 2005 год

Через неделю после гитлеровского нападения на СССР Георгий Мордвинов был призван из запаса и получил направление в создаваемую особую группу — руководителем направления. Его начальниками были Судоплатов и Эйтингон. Прежде он о них ничего не знал, никогда не слышал этих имен. Он узнал теперь, что они руководили разведывательно-диверсионной работой против Германии. Мордвинов, как профессиональный агент, не мог не чувствовать, что у его начальников весьма солидный опыт и большие знания в своём деле. В Турцию он, как уже говорилось, выехал под псевдонимом Павлов. Друзья и коллеги называли его «Папаша». В 60-е годы, незадолго до своей смерти, Г. Мордвинов задумал писать мемуары. Сделал некоторые наброски и начал работу. Закончил эту деятельность муж его младшей дочери Веры — Анатолий Курчаткин.

Другим членом направляемой в Турцию боевой группы был Александр Эрастович Тимашков — его называли тогда Женей.

Спустя годы после войны мы очень часто видели Тимашко-ва в своём доме, называли его «дядей Женей». А когда через много лет мы узнали, что настоящее его имя — Александр, то долго не могли привыкнуть к этому имени. Видимо, имена, полученные в качестве псевдонимов, настолько приживались, что отказаться от них потом уже в мирной жизни агентам было очень тяжело.

В одной из публикаций последнего времени проскользнула

такая характеристика Тимашкова: «Этакий невзрачный русский Левша». Мы не думаем, что он был невзрачным. Скорее, он был неброский человек. Нам он запомнился как очень внимательный, ласковый и заботливый. Долгое время мы считали, что «дядя Женя» является ординарцем отца, потому что мы всегда могли на него положиться — он помогал во всех ситуациях. Спустя много лет мы познакомилась с настоящим ординарцем отца, который, кстати, оказался тоже любезным и внимательным человеком. Тимашков же был просто соратником отца, его надёжным помощником…

«Дядя Женя», конечно, не просто так получил прозвище «Левша», которое говорило о его умелых руках. О том, чем занимался «внимательный и заботливый» Тимашков, стало известно после выхода книги Судоплатова «Разведка и Кремль» в главе, посвящённой ликвидации украинского националистического лидера Коновальца. Вот что пишет бывший начальник советской внешней разведки:

«Мне было приказано ликвидировать Коновальца. После моей встречи со Сталиным Слуцкий и Шпигельглаз разработали несколько вариантов операции. Первый из них предполагал, что я застрелю Коновальца в упор. Правда, его всегда сопровождал помощник Барановский, кодовая кличка которого «Пан Инженер». Найти момент, когда я останусь с Коноваль-цем один на один, почти не представлялось возможным. Второй вариант заключался в том, чтобы передать ему ценный подарок с вмонтированным взрывным устройством. Этот вариант казался наиболее приемлемым, если часовой механизм сработает как положено, и я успею уйти.

Сотрудник отдела оперативно-технических средств Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее как коробка шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле. Вся проблема заключалась в

том, что мне предстояло незаметно нажать на переключатель, дабы запустить часовой механизм. Мне этот вариант не слитком нравился, так как яркая коробка сразу привлекла бы внимание Коновальца. Кроме того, он мог передать эту коробку постоянно сопровождавшему его Барановскому…»

Ифигения Асимова и Александр Тимашков (фото 1950-х годов)

…В конце концов взрывное устройство в виде коробки конфет было изготовлено, причем часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем. Взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения положения коробки из вертикального в горизонтальное. Мне надлежало держать коробку в первом положении — в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что я передам этот подарок Коновальцу и покину помещение до того, как мина сработает…»

Тимашков, изготовитель взрывного устройства, сопровождал Судоплатова в той поездке, и за 10 минут до того, как Судоплатов спустился на берег с корабля для встречи с Коновальцем, зарядил взрывное устройство. Покушение удалось. Впоследствии Тимашков стал руководителем оперативно-технического отдела.

Именно он сконструировал магнитные мины, с помощью которых был в 1943 году убит гитлеровский гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе. После окончания Второй мировой войны, когда в Греции разразилась гражданская война, Тимашков служил советником у греческих партизан.

Для выполнения особо серьёзных заданий, как правило, посылались супружеские пары. Не настоящие, разумеется. Потому что ходить на встречи, посещать кафе, маленькие магазинчики, в которых были «почтовые ящики» или явки агентов, вдвоём — мужчине и женщине — было намного легче, чем одному мужчине.

Женщине всегда было проще представить дело так, что она собирается приобрести какие-то вещи или домашнюю утварь. Кроме того, сидя в кафе друг против друга, они могли более эффективно наблюдать за обстановкой вокруг и за знаками, которые им могли подавать другие агенты.

В соответствии с легендой в качестве жены Тимашкова выехала молодая, красивая гречанка по имени Ирина. Настоящее ее имя было Ифигения Асимова. Отец её был генеральным секретарём ЦК Турецкой компартии. В 30-е годы он был осуждён в Турции за коммунистическую деятельность, пробыл в тюрьме 4 года и был обменен на человека, представлявшего ценность для турецкого правительства. Спустя год к нему в СССР присоединилась его семья: жена и трое детей. До войны его дочь Ифигения работала в турецком секторе в Коминтерне: она, естественно, в совершенстве владела турецким и греческим языками, а также прекрасно изъяснялась по-французски.

Ифигения и дети —
Ахил, Николай и Александр

Ифигения знала, что для неё поездка в Турцию намного опаснее, чем для любого другого агента: ведь она с детства жила в этой стране, и её там могли опознать. Тем не менее она добровольно согласилась участвовать в операции. Помощь, которую она могла оказать группе, было невозможно переоценить. Знание языков было только одним фактором. Другим, еще более важным, было то, что с помощью Ифигении группа надеялась восстановить связи с нужными людьми, которые некогда были дружны с её отцом, и это было быстро сделано. Турецкие коммунисты-подпольщики были готовы оказывать советским агентам всевозможную помощь.

И ещё одна любопытная деталь. Ифигения получила образование и воспитание в монастыре и была очень строгих нравов. Она выехала на работу в Турцию в качестве жены Тимашкова будучи девственницей. Поэтому первые месяцы, проведённые этой парой в Турции, были довольно сложными для Тимашкова: они жили в одной комнате, но Ифигения спала на кровати, а Тимашков — на полу.

О других участниках операции известно очень мало. Одним из них был Михаил Мачханели (члены группы, направленной в Турцию, называли его Давид). Его в живых нет, и архивные документы, которые могли бы пролить свет на его биографию, не сохранились. Известно только, что он был сотрудником органов государственной безопасности. В начале 1950-х годов он был уволен в запас.

К счастью, сохранились сведения о женщине с необычной судьбой: ее звали Елена Родригес-Данилевская. Её дедом был известный русский писатель Григорий Данилевский, автор прекрасного исторического романа «Княжна Тараканова». Образ красавицы-княжны, погибшей во время наводнения в тюремной камере, был создан также знаменитым художником К.Д. Флавицким. И писатель, и художник удостоились за свои произведения высоких наград.

Романтический дух писателя Данилевского передался его дочери Александре. О том, как сложилась её судьба, рассказал в своих очерках об Испании журналист и писатель Михаил Кольцов. После революции Александра оказалась за границей, странствовала по Европе, а когда оказалась за Пиренеями, в неё, харьковскую красавицу, влюбился испанский офицер. Она вышла замуж и осталась с ним. Но Александра дала себе обет — воспитать детей хоть наполовину русскими. С огромным терпением и любовью занималась она двумя своими девочками, обучила их чтению, письму, создала в доме маленькую русскую библиотеку и с удовольствием декламировала с дочерьми хором

русские стихи — на удивление и добродушный восторг добряка Родригеса. Он был человеком левых убеждений, обожал семью, но умер после долгой болезни за несколько лет до начала гражданской войны в Испании.

Когда на фронты Испании начали прибывать добровольцы из СССР, «Генеральша Родригес», красивая седая женщина, и её дочери Юлия и Елена, совсем испанки на вид, предложили всеми силами и знаниями помочь дружбе Советского Союза с их родиной. Момент, как пишет Кольцов, был самый критический, враг подходил к Мадриду. Их усадили в машину с корреспондентами «Комсомольской правды», эвакуировали в город Аликанте, затем они начали работать переводчицами при торгпредстве. Библиотека с «Княжной Тараканової», с русскими былинами и с Тютчевым оказалась тогда более чем кстати для советских добровольцев под Мадридом, единственным досугом которым стало чтение.

«Генеральша Родригес», о которой писал Кольцов, действительно работала в торгпредстве. А вот её дочери, Юлия и Елена, которым тогда было 31 и 25 лет, выбрали себе более опасную и сложную работу. Они стали помогать советским военным советникам, не знавшим испанского языка. В результате они стали тесно связаны с «герильерос», диверсионно-разведывательными отрядами. Вот так сложилась судьба внучек известного русского писателя Данилевского.

Когда в 1938 году стало ясно, что Испанская Республика не выстоит, Юлия получила через Эрнеста Хемингуэя, с которым её семья была хорошо знакома, приглашение занять место на кафедре одного из университетов США. Она могла поехать туда вместе с матерью и сестрой. Данилевские-Родригес отказались от приглашения. Они оставались в сражающейся Испании до последнего часа. Вырваться оттуда стоило им немалых трудов — ситуация в республиканском лагере стала критической после очередного наступления войск Франко.

Об этом напоминает карандашная записка Елены, отправленная матери, которая тогда находилась в Валенсии: «Учитывая не совсем благополучное состояние наших общих дел, я тебе сообщаю, что завтра приедет машина за тобой, она заедет к тебе, и вы условитесь, когда выезжать. Самое лучшее, после обеда, чтобы не попасть под бомбёжку. Не медли, не задерживай машину. Лена»

Покинув Испанию, Данилевские переехали в СССР. В Москве они вновь встретились с Кольцовым. Юлия перевела на испанский язык много литературных произведений. Среди них — роман Толстого «Хлеб». В годы войны она вышла замуж за французского

журналиста, коммуниста Жоржа Сорреа, также находившегося тогда в эмиграции в Советском Союзе (познакомились они ещё в Испании, где Жорж был корреспондентом газеты коммунистов «Юманите»).

После победы над Германией Юлия вместе с мужем уехала во Францию. Долгие годы она работала в ЮНЕСКО, где была директором департамента переводов, вырастила сына и дочь, а потом растила внуков. Её мать во время войны находилась в эвакуации в Ташкенте. В самый разгар битвы под Сталинградом дочь писателя Данилевского сделала крупные пожертвования в фонд обороны от себя и от дочерей. На эти средства был построен танк.

Вернёмся к младшей дочери — Елене. После окончания университета в Гренаде с отличием (как и её сестра Юлия), Елена покинула Мадрид, где жила вся семья, и отправилась в Эскуриал, где начала внедрять в созданной по новому образцу школе новую, демократическую систему просвещения, за которую ратовали республиканские власти. Здесь и застало её начало франкистского мятежа. Вместо того, чтобы продолжать преподавать в школе, ей пришлось работать с «герильерос» вместе с советниками из СССР. За участие в Великой Отечественной войне Елена Родригес-Данилевская была удостоена многих правительственных наград.

Когда Муза-младшая как-то вздумала изучать испанский язык, отец подарил ей «Учебник испанского языка». Авторами учебника были Великопольская и Родригес-Данилевская. На первой странице было написано по-испански: «Леониду от чистого сердца с надеждой, что эта книга поможет в изучении испанского языка. Елена». А внизу — приписка: «В память о нашей Испании». Учебник вышел в Москве в 1963 году. Елена нашла себя впоследствии в филологической науке. На протяжении многих лет у нас были сомнения в том, что Елена Родригес-Данилевская принимала участие в стамбульской операции — ведь у неё было совсем другое языковое направление. И только относительно недавно, перебирая старый материнский архив, мы наткнулись на газету «Комсомольская правда» от 14 июня 1979 года. На первой странице газеты маминой рукой было написано: «Статья о Лене Ивановой (Родригес-Данилевской). Стамбул, 1941—42 гг.». Теперь все сомнения были сняты.

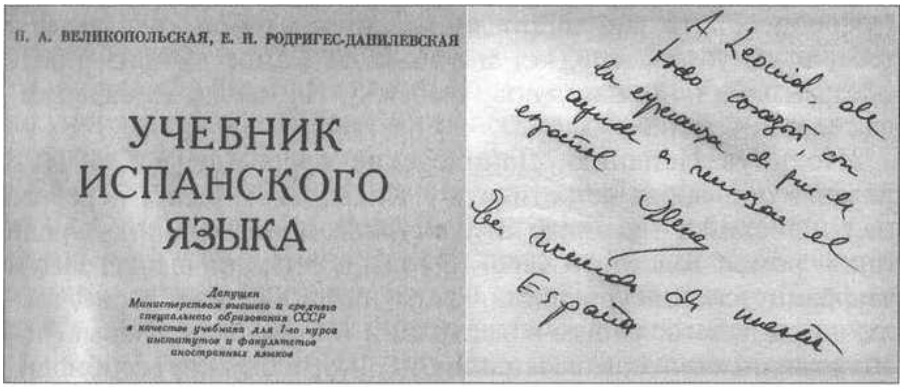

Н. А. ВЕЛИКОПОЛЬСКАЯ, Е. Н. РОДРИГЕС-ДАНИЛЕВСКАЯ
УЧЕБНИК ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
Допущен Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для 1-го курса институтов и факультетов иностранных языков

Фото дарственной надписи

Она умерла в 1979 году, причём в тот день, когда прилетела в Испанию, которую давно мечтала увидеть снова.

Руководителем операции в Турции был Наум Эйтингон. Под именем «мадмуазель Люси» в Турцию с ним выезжала Муза Малиновская.

Стоит задаться вопросом, какая была необходимость послать в Турцию группу опытнейших оперативных работников, в нейтральную страну, где, в общем, текла мирная, спокойная жизнь, вто время как в Советском Союзе осенью 1941 года шли кровопролитнейшие бои с наступавшими германскими дивизиями. Трудно не сделать вывод, что задача была у Эйтингона и его товарищей очень сложная и к тому же, скорее всего, государственной важности.

Муза Малиновская — член группы Эйтингона в Турции

Количество турецких войск в приграничных с Советским Союзом районах увеличивалось. Для многих не было секретом, что главной задачей, которую поставил перед фон Папеном Гитлер, было склонить Турцию к войне против СССР. И с первого дня своего пребывания в Анкаре германский посол развил бурную деятельность в этом направлении.

И усилия его, похоже, не были безрезультатны. Агенты органов безопасности доносили, со ссылкой на жителей приграничных сел на турецкой стороне, что турецкие армейские командиры ведут всё более широкую визуальную разведку в полосе возможного вторжения, пытаются выяснить, какие силы им противостоят на грузинской стороне. Это был опасный сигнал.

Кто же такой фон Папен и почему его фигура внушала такую обеспокоенность Кремля?

Фон Папен — один из германских политиков, которые были ответственны за приход Гитлера к власти.

Когда касса нацистской партии опустела, именно фон Па-пен организовал встречу Гитлера с крупнейшими промышленниками Рейна и Рура, и получил за это пост вице-канцлера в первом кабинете Гитлера. В 1934 г. фон Папен занял пост специального посланника в Вене и подготовил «аншлюс» — присоединение Австрии к Рейху. В 1939 году в качестве посла Германии он был направлен в Анкару.

Оказавшись в Турции, фон Папен сделал всё, чтобы показать Берлину, что он не остается в стороне от большой политики. Заметим, что германский посол в Москве граф фон Шулленбург, когда был выслан из Москвы после начала германского вторжения, уже в июле 1941 года, прежде чем вернуться в Берлин, сделал изрядный крюк, чтобы заехать в Турцию и провести консультации с фон Папеном.

Лаврентий Берия предполагал, что фон Папен был ответственным лицом за всю восточную политику Германии, главным координатором всех военных и политических мероприятий от Балкан до Индии. В пользу этой версии говорит организованная немцами утечка информации, в соответствии с которой одним из планов фон Папена было прекращение фашистского вторжения в Советский Союз, и неким компромиссом между Гитлером и Сталиным, за счёт определённых территориальных уступок СССР. Позже появились слухи, что Гитлер не верил в осуществимость такого плана; на самом же деле речь скорее всего шла о зондаже военно-политической позиции Кремля.

Франц фон Папен (слева в первом ряду) — политик и дипломат, глава правительства Германии в 1932 г. и заместитель Гитлера после его прихода к власти

В действительности Москву волновала другая сторона деятельности фон Папена: возможность заключения с его помощью сепаратного мира между Германией, с одной стороны, и Великобританией и США, с другой. Фон Папен всё чаще выдвигал эту идею после провала «блицкрига» и поражения вермахта под Москвой. За рубежами Германии циркулировали слухи о том, что противники Гитлера в самом рейхе хотели бы избавиться от фюрера и заменить его военной диктатурой, которая, пусть пока чисто теоретически, но смогла бы достичь соглашения с Лондоном: ведь сумел же Риббентроп договориться с Чемберленом!

Аналогичные слухи пришли и из Ватикана, где действовал уполномоченный фон Папена — барон Курт фон Лезнер. Еще в

1940 году последний передал Папе Римскому послание фон Папена по поводу положения Англии, а в 1941 году фон Папен установил тесную связь с апостолическим представителем Ватикана в Турции. Весной 1942 года Лезнер стал эмиссаром фон Папена в Ватикане.

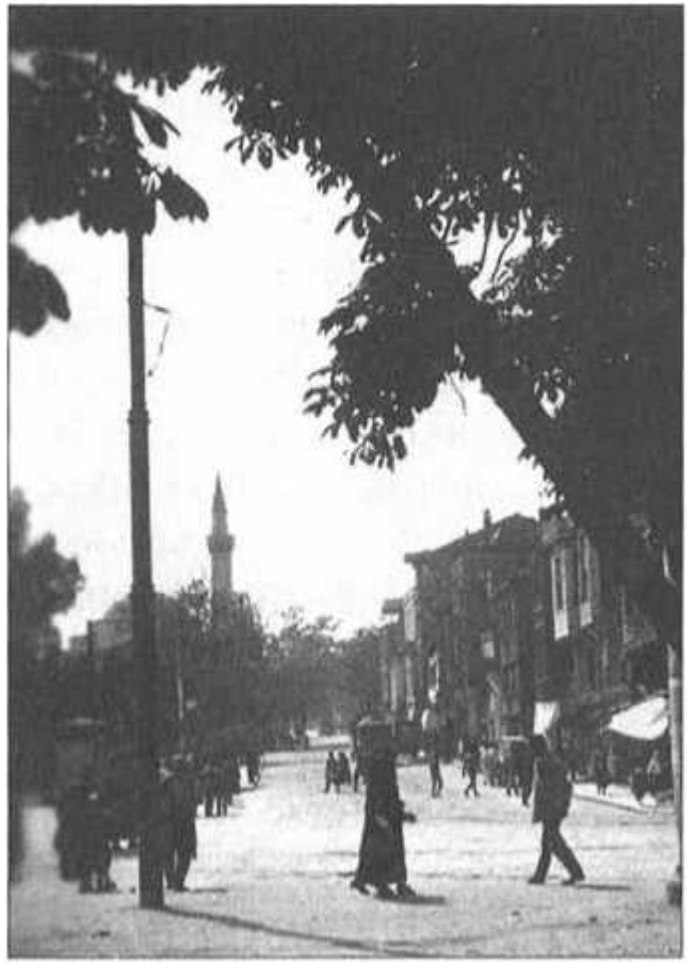
В апреле там даже начались переговоры — пусть предварительные и туманные, но для западных стран имевшие в известном смысле символическое значение: они доказывали, что окружение Гитлера далеко не так монолитно, как он пытался это представить. От имени фон Папена и стоявших за ним высших чинов вермахта Лезнер ратовал за мир между Германией и Англией, причём посредническую миссию должен был взять на себя Ватикан.

В мае 1942 года в Москву пришли сведения, причём сразу из нескольких источников, о том, что фон Папен ищет связи с западными союзниками. План мира, предлагавшийся им, якобы имел такой вид: Британская империя сохраняется в её прежних границах, Германия уходит из Чехословакии и Польши, но оставляет за собой «польский коридор», связывающий ее с Восточной Пруссией, государства Восточной Европы и Прибалта-ки восстанавливаются в довоенных границах, а Англия и Германия, придя к согласию на этих условиях, совместно договариваются о мире с Советским Союзом.

Англичане тогда на эти переговоры не пошли. Но Кремлю стало ясно, что до тех пор, пока во главе Германии стоит Гитлер, западные союзники не пойдут ни на какие сепаратные сделки с рейхом, но если к власти в Германии придёт другой человек — скажем, тот же фон Папен или Герман Геринг, то ситуация может быстро измениться. Всё это, по всей вероятности, и определило позицию Москвы.

И всё же цель покушения — это единственная тайна, которая никогда не будет разгадана. Действительно ли группа должна была убить германского «империалистического волка» или ей ставили другую цель: скомпрометировать германские секретные службы, которым была бы приписана роль в очевидной провокации? Знать это могли только два человека из участвовавших в операции: Эйтингон и Тимашков. Первый — потому что был её руководителем, а второй — специалистом по изготовлению взрывного устройства.

Дело в том, что взрывное устройство было изготовлено без оболочки, чтобы не было осколков, причём взрывная волна должна была пойти вверх. В двух десятках метров от взрыва бомба уже никому не могла принести вреда.



Уголок Стамбула.

Встречи с исполнителем покушения проходили на конспиративных квартирах

По свидетельству Мордвинова, исполнитель покушения, который был, судя по всему, курдом-коммунистом, но, возможно, болгарином, настаивал на том, чтобы воспользоваться пистолетом. Но Мордвинов сделал по-своему: он настоял на том, чтобы использовать бомбу.

Хотя непосредственным исполнителем должен был быть один человек, к операции готовилась вся группа. Задачи были тщательно распределены.

Спустя годы после Второй мировой войны, дети часто расспрашивали мать о том, как ей и отцу работалось в Турции. Детей интересовало, конечно, не столько профессиональная сторона дела, сколько то, как родители проводили свободное время. Муза отвечала, что свободного времени почти не было, все

были очень загружены работой, но если выдавалась свободная минута, то женщины вязали для солдат, воюющих на фронте, носки и варежки, готовили посылки для госпиталей. Бывали редкие случаи, когда все собирались в одной комнате, чтобы попить чаю, и мужчины играли в карты. Отец играл в карты хорошо: у него была отличная память и аналитический ум. Поэтому он часто выигрывал, что заставляло других мужчин ворчать по этому поводу: «Ну, вот, Леонид, тебе и в картах везёт, и в любви! Так ведь быть не должно…» Матери, конечно, импонировало, что её избранник был умён и удачлив не только в работе…

Между тем ответственный момент приближался. 19 января Тимашков прислал из Анкары сообщение, что у него всё в полной готовности. А на следующий день одним поездом — но в разных вагонах — Мордвинов с исполнителем покушения выехали из Стамбула. Бомба была изготовлена Тимашковым из пластида, который он привёз из Москвы. Она уже находилась в Анкаре. Пистолет, который на всякий случай должен был иметь с собой исполнитель покушения, Георгий Мордвинов вёз с собой. В Анкаре они поселились в гостинице «Торос», причём исполнитель покушения поселился по документам македонского беженца, студента стамбульского университета по имени Амер Такат. У Георгия документы были какого-то поляка, перебравшегося в Турцию из оккупированной немцами Югославии. Документы были подлинные, их на несколько дней одолжили у настоящих владельцев: Амера Таката и поляка Степана Поточника.

24 февраля 1942 года в 10 часов утра на главной улице Анкары — бульваре Ататюрка — прогремел взрыв, в результате которого был буквально разорван на куски человек, который нёс в руках устройство, приготовленное Тимашковым. Германский посол и его жена, которые шли по противоположной стороне бульвара, находились на расстоянии 18–20 метров от места, где произошёл взрыв. Ни он, ни его жена не пострадали.

Вот как фон Папен описал эту сцену в своей книге «На подступах к Рузвельту»: которая вышла в издательстве Андре Дойча в Лондоне:

«Зима в Анкаре 1941—42 годов была поистине сибирской. Хотя столица лежит примерно на той же широте, что и Неаполь и поэтому ждешь жаркого лета и умеренно мягкой зимы, климат обусловлен высоким анатолийским плато. В то время как мы собирали одежду для немецких войск на восточном фронте, волки забегали в пригороды Анкары. Несмотря на холода, я нашёл более приятным для себя отказаться от бриджа и ходить охотиться на волков в ярком лунном свете.

Среди этих незначительных удовольствий, в которых мы искали возможность забыться на несколько часов от изводящих тревог дневной работы, одно событие взорвалось подобно бомбе — в буквальном смысле слова. 24 февраля около 10 часов утра я, как обычно, шёл пешком с моей женой из нашего дома в посольство. Бульвар Ататюрка был почти пустынным. Неожиданно мы оба были брошены на землю сильным взрывом. Я мгновенно вскочил, затем помог встать на ноги жене, которая была основательно потрясена, отметив с удовлетворением, что, кажется, никакие кости не повреждены. «Не делай ни шага дальше!» — закричал я.

Я мог только предположить, что мы наступили на мину — это было первой моей реакцией, так как, когда я огляделся, вокруг не оказалось ни души. Или она была взорвана из соседнего дома, и мог последовать другой взрыв. В этот момент около нас остановилось такси. Я закричал водителю, чтобы он ехал в посольство и позвонил в полицию. Это, однако, уже не требовалось, так как взрыв выбил все окна на две сотни ярдов вокруг, и начала быстро собираться толпа.

Представители превосходной турецкой службы (sic!) вскоре были на месте и приступили к скрупулёзному расследованию. Связь с внешним миром в это время временно была прервана — с тем результатом, что Стамбул наводнился слухами о происшедшем, которые затем распространились по всему миру.

Жена и я благополучно добрались до посольства. Кроме царапины на колене и порванной штанины я не имел никаких повреждений, хотя мои барабанные перепонки пострадали от грохота и силы взрыва.

В течение 24 часов турецкая полиция разрешила загадку. На месте взрыва были обнаружены человеческие останки, включая висевший на дереве ботинок. Этот ключ вывел полицию на студента стамбульского университета, который снял номер в маленьком отеле в Анкаре. Оттуда след привел в русское генеральное консульство в Стамбуле, немедленно окруженное полицией. Несмотря на оскорблённый протест русского посла, оно оставалось оцепленным, пока русские не отреагировали на ультиматум выдать другого студента, подозреваемого в соучастии и нашедшего в консульстве убежище.

Турецкий премьер-министр объявил, что инцидент должен быть полностью расследован, какими бы ни могли быть политические последствия. Он не хотел бы позволить, чтобы Турция стала ареной политических убийств. Следствие и судебное разбирательство длилось несколько месяцев. И сообщнику за его участие в деле был в конце концов вынесен

приговор. Было доказано, что в течение нескольких недель предполагаемый убийца и его сообщник практиковались в стрельбе из пистолета в русском генеральном консульстве в Стамбуле. Они выяснили, что я имел обыкновение ходить на работу пешком, в определённый час каждое утро. И что в это время дня пустынная улица даёт превосходную возможность для покушения. В случае, если бы студент обнаружил, что не в состоянии унести ноги по-еле произведённых выстрелов, он должен был выдернуть чеку бомбы, которой его снабдили. Бомба, было сказано ему, выпустит дымовую завесу, под прикрытием которой он и сможет скрыться.

Молодой человек, должно быть, оказался слишком осторожен и, вероятно, решил одной рукой стрелять, а другой привести в действие бомбу. Возможно, он взорвал её долей секунды раньше, чем произвёл выстрел. Во всяком случае, я не помню звука выстрела. Однако дымовая бомба проявила себя более эффективно, чем он ожидал, и его разорвало на куски. Чудо, что моя жена и я остались невредимы.

Следствие также показало, что главный организатор покушения покинул российское генеральное консульство в Стамбуле столь стремительно, что пограничную охрану в Эрзеруме не успели предупредить, дабы она задержала его. До тех пор, пока следствие не напало на след, Анкара полнилась слухами относительно причин покушения. Сначала даже не представлялось достаточно ясным, было оно направлено против меня или маршала Какмака, который проехал в своей машине по бульвару Ататюрка несколькими минутами раньше. Русские, британская служба, гестапо — все подозревались в причастности к организации взрыва.

То, что убийца был несомненно хорошо информирован о моей утренней прогулке, заставило сначала подумать о Бритиш Интеллидженс, которая устроила свой штаб в доме напротив моей личной резиденции, и та держалась под непрерывным наблюдением с помощью полевых биноклей. Этот слух достиг и британского посла, который немедленно попросил наших нейтральных коллег заверить меня, что его люди не имели никакого отношения к происшедшему.

Вероятность причастности гестапо казалась весьма высокой. И это предположение подкреплялось таинственными телефонными звонками. Различные звонившие сообщали, что слышали о подготовке взрыва гестапо. Однако все эти спекуляции очень скоро закончились, как только турки возложили вину на русских.

У меня самого было очень мало сомнений относительно того,

кто истинный виновник. Мои турецкие друзья засыпали меня поздравлениями, а президент и его супруга преподнесли моей жене великолепный букет цветов и выразили своё сожаление по поводу этого кровожадного покушения на наши жизни.

Около середины марта, когда воспаление моего внутреннего уха, полученное результатом взрыва, было вылечено, я снова вылетел в Берлин. Я хотел получить от Гитлера дополнительные гарантии по турецкой позиции…»

Таков рассказ фон Папена. Хотя он довольно точно передал обстановку в Турции, которая сложилась после покушения, кое-что в этом рассказе сразу же обращает на себя внимание. Во-первых, настораживает информированность фон Папена о расположении британской резидентуры и наблюдении, которое вели английские разведчики: информация такого рода могла попасть к нему только от германской разведки. В свете этого факта его дружбы и сотрудничества с нею, рассуждения о возможном участии гестапо в покушении на него воспринимаются как запоздалое кокетство: после войны фон Папену очень уж хотелось отгородиться от нацистского прошлого.

Показательной была реакция Берлина на сообщение о покушении. Рейхсминистр Геббельс писал в своем дневнике 26 февраля 1942 года: «Истоки покушения абсолютно ясны. Оно, без сомнения, было подготовлено британской секретной службой в сотрудничестве с ГПУ…». А спустя два дня Геббельс записал: «Покушавшиеся на фон Папена люди обнаружены. Они, говорят, являются поляками. Тем не менее участие англичан отвергать тут нельзя. Англичане, конечно же, не послали бы одного из своих убивать фон Папена». Берлин в тот момент оказался не способен распознать игру советских секретных служб.

Что же касается заявления самого фон Папена о его уверенности в том, что покушение было совершено советскими спецслужбами, то оно документально так и не было доказано. Турецкие власти, действительно, сразу объявили, что за спиной террористов стояли советские спецслужбы. Турецкая полиция нашла на месте взрыва каблук от обуви исполнителя с клеймом гостиницы, где он провел последние дни. Но в результате были арестованы сначала некий студент Абдурахман, которого заклеймили как руководителя исполнителя, а затем и его помощник — парикмахер Сулейман. Эйтингон и Мордвинов знали, что люди эти не имели никакого отношения к покушению, были подставными лицами, и, естественно, в показаниях своих путались, хотя на основании этих показаний и были произведены аресты. Эйтингон полагал, что это были известные туркам курды-подпольщики, которых под угрозой расправы заставили

лжесвидетельствовать.

На следующий день после покушения генеральное консульство с самого утра было оцеплено сотрудниками турецкой секретной полиции в штатском. Ни выходить, ни входить в консульство никому не возбранялось, но стоявшие у входа агенты совершенно беспардонно вглядывались в лица входящих и выходящих, словно старались кого-то опознать. Советский посол в Анкаре отправился к министру иностранных дел Сараджоглу и заявил категорический протест по поводу происходящего. Сараджоглу изобразил на лице полное изумление, сказал, что ему ничего не известно, и тут же пообещал, что оцепление будет немедленно снято.

Но оцепление снимать и не думали. А 2 марта сотрудник консульства Иван Беззуб был арестован, как только вышел за ворота консульства; он вырывался, протестовал, но это ему не помогло. На первый взгляд его арест выглядел очень странно: Беззуб никак не был связан со спецслужбами, был, так сказать, «чистым дипломатом», и поэтому сначала было непонятно, за что же его арестовали. Беззуб вернулся в консульство во второй половине дня, и все сразу разъяснилось. В отделении полиции, куда он был доставлен, его личность сверяли с фотографией Павлова — то есть Георгия Мордвинова. Из того допроса, который был ему устроен, также явствовало, что полиции требовался Георгий Мордвинов. Беззуба просто с ним спутали: оба были высокого роста, широкоплечие, а главное, с выдающимися монгольскими скулами.

4 марта был арестован при выходе из своей квартиры в европейской части еще один советский гражданин — Корнилов. Он весьма удивился этому. Правда, Корнилов был профессиональным агентом. Но от дела о покушении к нему не тянулось ни одной нити. Стало ясно, что турки ищут козла отпущения, и что какая-то спецслужба — скорее всего германская разведка — надоумила их арестовать двух попавших когда-то в её поле зрения офицеров советской разведки. Кто же конкретно был организатором покушения, турки, разумеется, не знали.

Обстановка вокруг консульства сложилась крайне напряжённая. Офицеры разведки, работа которых в значительной степени зависела от нормальных условий работы консульства, пришли к выводу, что Мордвинову нужно сдаться турецкой полиции. Особенно хорошо это понимал Эйтингон: каждый день такой осады делал работу агентов в Стамбуле всё более сложной.

Два дня ушло на то, чтобы объясниться с Москвой и получить у неё разрешение на добровольную сдачу Мордвинова турецким властям. Эйтингон пришел его проводить.

В своих воспоминаниях Мордвинов замечает, что перед тем, как выйти из консульства, они присели «на дорожку», помолчали, как положено. А когда уже были у двери, Эйтингон, положив ему руку на плечо, спросил:

— Знаешь, зачем этого Папена на самом деле надо было убрать? У него, если вдруг «Гитлер капут», самые высокие шансы заменить фюрера. И он не шизофреник. Он живо с Англией и с Америкой заключит мир. И мы с Германией — один на один…

— И что это меняет? — угрюмо спросил Мордвинов.

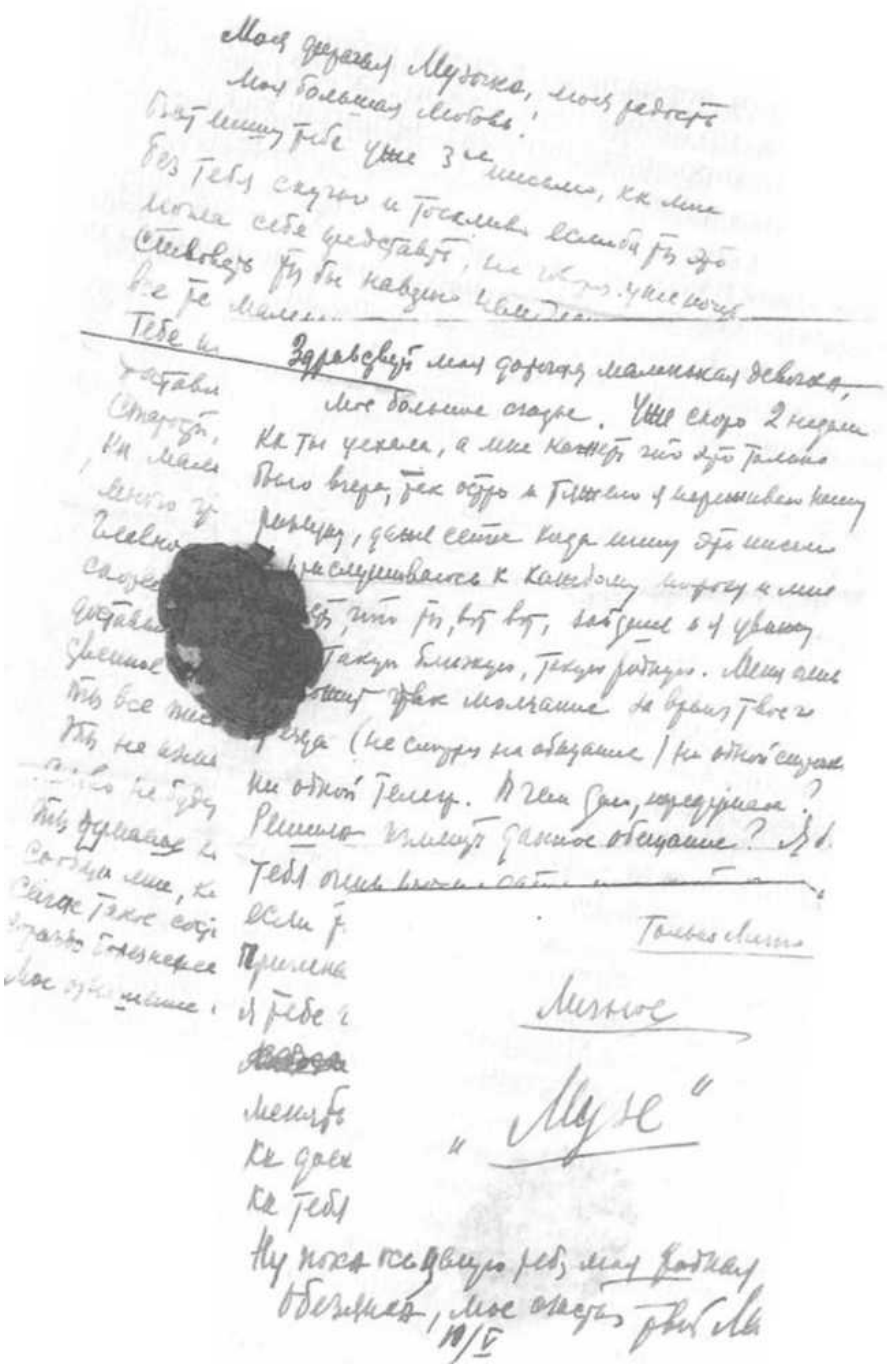
— С точки зрения того, что сделано, — ничего. Но ты должен знать: нам нужно, чтобы взрыв выглядел делом рук немецких спецслужб. И для немецкого генералитета, и для турок. Вроде поджога рейхстага. Официально пусть звучит что угодно. А про себя чтобы думали — фон Папен участвовал в спектакле, цель которого — втянуть Турцию в войну. Чтобы немцы так думали и турки.

— Понятно, — кивнул Георгий. — Красивая задача. Стоит того, чтобы её решить.

Перед выходом Мордвинова на улицу они обнялись. Мордвинов держал в руке красный чайник, с которым не расставался никогда.

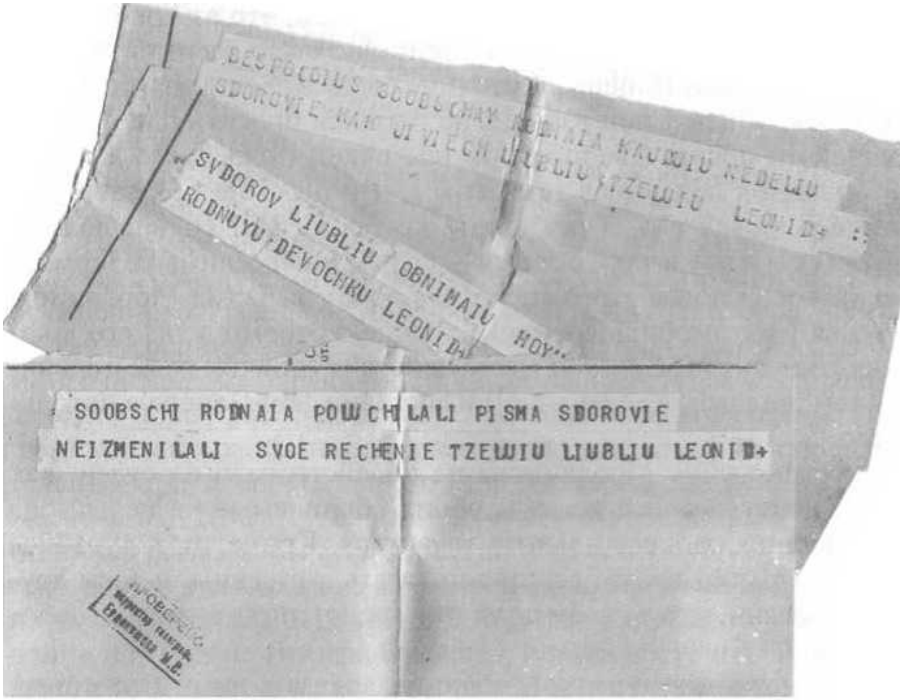
Сказать, что Георгий не испытывал ни малейшего волнения, было бы неправдой. Хотя он и уверял себя, что у турок ничего нет против него, он мог и ошибаться. А кроме того, не обязательно им было что-то иметь. Вопрос с советскими агентами, судя по всему, был для них уже решён.

После задержания без предъявления ордера на арест Мордвинов был переправлен в Анкару, помещён в одиночную камеру, и начались допросы. То, о чём его спрашивали, сразу показало Георгию, что у турок и в самом деле нет против него никаких реальных улик. Распознали ли они в нём и Корнилове агентов или их кто-то на них навёл, не имело в данном случае особого значения: доказать причастность первого и тем более — второго к состоявшемуся покушению они просто не могли. Но выслужиться перед немцами, видимо, хотелось. Поэтому турки сделали ставку на лжесвидетелей, пошли проторённой дорожкой фабрикации дела.



Постепенно участники операции разными путями покидали Турцию. Во второй группе выехала Муза Малиновская. Лишь через полгода они с Эйтингоном увиделись вновь.

Процесс продолжался весь апрель, май и половину июня. Права подсудимых Мордвинова и Корнилова нарушались судом постоянно.



Телеграммы из Турции. 1942 год

Папен на Нюрнбергском процессе. Ему удалось выйти сухим из воды

Мордвинов не знал турецкого языка; ему отказывали в переводе документов на русский. Не вызывали свидетелей, которых он просил допросить. Вместо судебных допросов Абдурахмана и Сулеймана судьи ограничились зачитыванием следственных протоколов. Просьба пригласить к защите советских адвокатов была отклонена. Оба подсудимых защищали себя сами. Но представить им для изучения все материалы суд также отказался.

Мордвинов строил свою защиту на том, что взрыв был рассчитан таким образом, что его действие было всего на два-три метра, а до фон Папена расстояние было в десять раз большей человек, убитый при взрыве, не пытался бросить пакет в германского посла. Наоборот, он нёс пакет, прижав его к груди. Мордвинов доказывал тем самым, что было не покушение, а инсценировка его, в результате которого фон Папен должен был остаться — и таки остался — целым и невредимым. Германский посол после этого спектакля, как утверждал Мордвинов, уселся в автомобиль военного атташе, который ждал его в каких-нибудь ста метрах от места действия (причём тоже появился там, видимо, не случайно!) и доставил фон Папена в посольство.

Красноречие Мордвинова не подействовало на судей, как не подействовали и жалобы обоих обвиняемых на целый ряд нарушений процессуального характера. Кроме того, турецкое правительство твёрдо решило показать и русским, и всем другим соседям, что в своём доме они не потерпят терактов любого рода.

Но неумение турецкой полиции доказать вину двух советских агентов, да к тому же довольно отрицательное отношение народа к органам власти и правосудия в Турции вообще, привели к тому, что версия о германской инсценировке стала популярной. Очень скоро она уже путешествовала по страницам мировой печати.

На решении суда, к сожалению, это не сказалось. Мордвинов и Корнилов получили по двадцать лет строгого тюремного заключения, турки Абдурахман и Сулейман — по десять лет. А через несколько дней после вынесения приговора турецкая полиция, увы, получила новую информацию о неудавшемся покушении. Дело в том, что 3 мая 1942 года перебежал к туркам сотрудник резидентуры ГРУ в Анкаре Исмаил Ахмедов: он попросил у турецкого правительства политического убежища.

Пытаясь заслужить благосклонность новых хозяев, он рассказал им все, что знал о работе резидентур ГРУ и ИНО НКВД в Анкаре и Стамбуле, выдал двух нелегалов, с которыми работал в Турции, и даже дал подробные показания о деле фон Па-пена. Как бы мало он об этом ни знал, тем не менее сумел сообщить туркам имена главных организаторов покушения и причину, по

которой оно не удалось.

Версия Ахмедова была такая. Уровень подготовки исполнителя взрыва был очень низок. Он, якобы, слишком рано снял мину с предохранителя, в результате чего взорвался сам. Но самое страшное, что произошло в результате предательства Ахмедова, — это то, что турки узнали подлинное имя осужденного Павлова: Мордвинов. И хотя некоторое время спустя турецкий кассационный суд отменил приговор из-за многочисленных нарушений процессуальных норм и направил дело на новое расследование, советским агентам, теперь уже окончательно раскрытым, нечего было надеяться на оправдательный приговор. Им просто незначительно сократили сроки заключения. После суда над Павловым (Мордвиновым) и Корниловым резидентом в Турции стал Михаил Батурин.

Прошло два года, и на фронтах Второй мировой войны произошли серьёзные перемены. Теперь сама мысль об участии в войне на стороне Гитлера была для Турции абсурдна. Турецкие власти пересмотрели своё отношение к делу о взрыве на бульваре Ататюрка.

Президент Турции Исмет И неню своим указом амнистировал Павлова и Корнилова и к ним в придачу 100 (!) захваченных турецкими спецслужбами агентов ГРУ и НКВД, а также фронтовых и армейских разведорганов (главным образом, работавших в районах проживания грузин и армян в Турции). В августе 1944 года Мордвинов и Корнилов были освобождены из тюрьмы в Анкаре и вернулись в Москву.

М. Батурин

Сейчас некоторые историки говорят: «операция по покушению на фон Папена была провальная». В одной из последних бесед с Павлом Анатольевичем Судоплатовым он откровенно признался, что точного результата операции он не знал. Должен ли был фон Папен погибнуть или достаточно было только скомпрометировать спецслужбы Германии или Великобритании. В любом случае версия гестаповской провокации была воспринята немецким генералитетом вполне всерьёз. Путь к власти в случае отстранения Гитлера для фон Папена был отрезан.

Правительственные награды получили все участники этой операции. Точнее, почти все. Не была представлена к награде Муза Малиновская. Когда она выразила по этому поводу свою обиду Эйтингону, он заметил: «Ну, во-первых, мне неудобно представлять тебя к награде, потому что теперь ты моя жена. Во-вторых, самая большая награда, которую ты можешь получить за эту операцию, — это, если все забудут, что ты имела какое-то отношение к государственной безопасности и к этому заданию». В душе у Музы, тем не менее, осталась горечь обиды. Тогда она ещё

не могла предположить, что отец, как более опытный человек и профессиональный разведчик, прошедший огонь, воду и медные трубы и знающий, как спецслужба может порой «отблагодарить» за участие в любой операции, был прав во всём, что он делал.

ПРАВДА
Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)
«Любой боец Красной армии может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную, войну за свободу и независимость своего отечества. У Красной армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги. Этим собственно и об'ясняется, что отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей родины.
В этом сила Красной армии».
(Из приказа товарища Сталина).
Условия победы Красной Армии
В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС
Наши войска окружили 16-ую немецкую армию. Наши трофеи.
ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
23 февраля 1942 г.
ПРИКАЗ
Народного Комиссара Обороны
Да здравствует 24 годовщина Красной
защищающей честь, свободу и независимость
от немецко-фашистских захватчиков!
Под знаменем Ленина—Сталина вперед, на
фашистских захватчиков!
ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Газеты за 23 и 25 февраля 1942 г.

Кроме того, он сознавал, что шла война. Он знал, как сильны немцы. Сколько будет жертв…

Если у Музы и был повод для огорчения, то был и другой —

для радости. Сама жизнь наградила её: большой любовью человека, который за время операции стал ей родным.

Разбирая недавно папины вещи по просьбе одного из музеев спецслужб, мы обнаружили на дне чемодана газеты от 23 и 25 февраля 1942 г. Операция в Анкаре проходила 24 февраля. Эти газеты были приобретены в консульстве СССР в Турции, привезены в Москву и сохранены нашими родителями.

Дочь Эйтингона Муза Малиновская с П.А. Судоплатовым и его сыном Анатолием. Май 1995 года.

Фото сына Эйтингона Леонида (публикуется впервые)

Глава VI. «МОНАСТЫРЬ», «БЕРЕЗИНО»…

Когда Муза вернулась из Стамбула в Москву, ей предстояли новые задания — ведь она была членом ОМСБОНа.

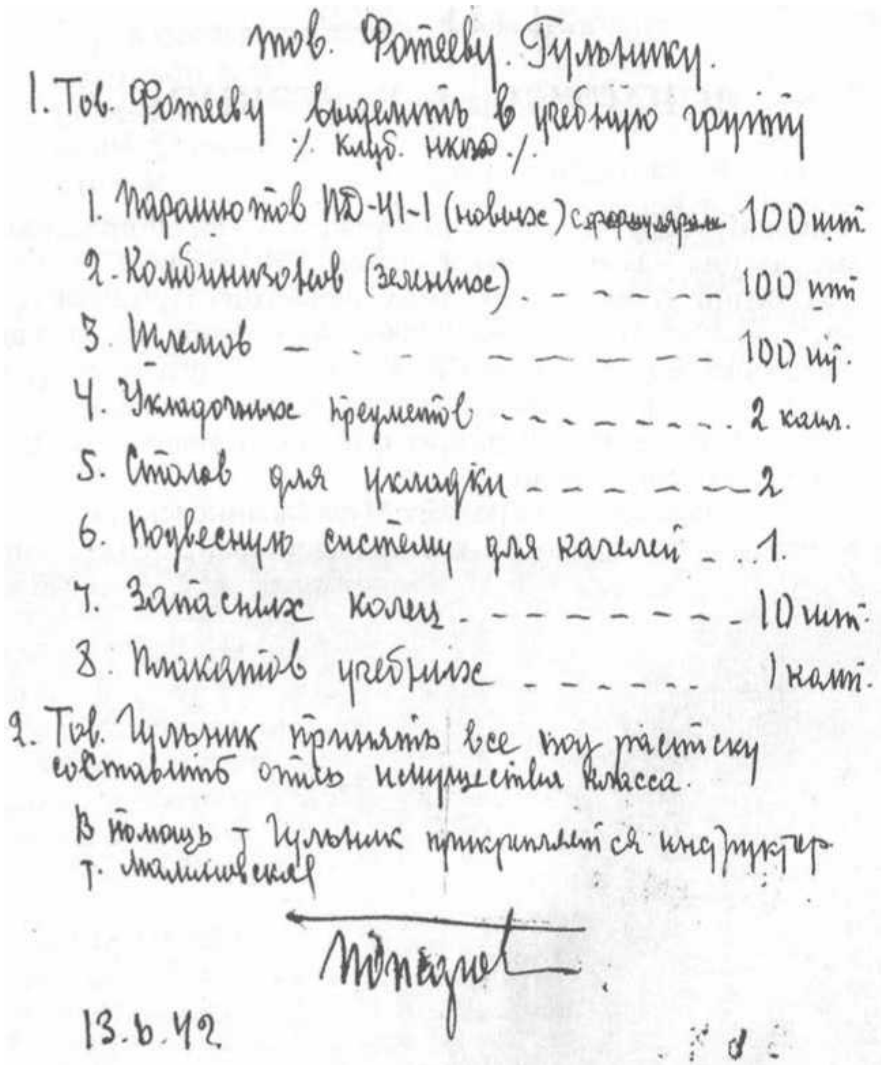
Но Эйтингон просил её в своих письмах из Турции не принимать никаких предложений, связанных с работой, которые бы потребовали выезда из Москвы, умолял Музу дождаться его приезда. Он вполне справедливо опасался того, что фронтовые пути-дороги разведут их в разные стороны, и найти друг друга потом будет очень сложно.

После возвращения на родину Муза Малиновская была направлена инструктором по парашютной подготовке бойцов ОМСБОН — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения.

ОМСБОНовцы перед боевым заданием

В Москве и в Московской области готовились большие группы парашютистов, которых засылали в партизанские отряды на захваченной гитлеровцами территории.

ОМСБОН был во всем необычной бригадой. В одном батальоне, предназначенном для диверсионных заданий, было немало спортсменов-лыжников, парашютистов, снайперов, причём лучших из тех, кого мог рекомендовать комсомол.



тов. Фотееву. Гульнику.

1. Тов. Фотееву выделить в учебную группу (клуб. школ.)

1. Парашютов НД-41-1 (новые) с сумками — 100 шт.
2. Комбинезонов (зеленое) — 100 шт.
3. Шлемов — 100 шт.
4. Укладочных предметов — 2 комп.
5. Столов для укладки — 2
6. Подвесную систему для качелей — 1.
7. Запасных колец — 10 шт.
8. Плакатов учебных — 1 комп.

2. Тов. Гульник принять все мероприятия составить отчет использования класса.

В помощь т. Гульник прикрепляется инструктор т. Малишевская

Председатель

13.6.42

Всеволод — брат Музы, прошёл Финскую и Отечественную войны с первого до последнего дня

Муза работала не с иностранцами, а с теми бойцами ОМСБОН, которых направляли в партизанские отряды. Нередко в тыл к немцам посылали специалиста, которому по состоянию здоровья был разрешён только один парашютный прыжок. Это значило, что специалиста в этом случае надо было подготовить так, чтобы он всё изучил теоретически, чтобы все движения у него были доведены до автоматизма, а на практике у него был бы тот самый единственный прыжок на захваченную врагом территорию.

НКВД СССР

ВОИНСКОЕ СОЕДИНЕН
Почт. ящ. № 1043

25 сентября 1942 г.
№ 2342
гор. Москва

СПРАВКА

Дана сия инструктору парашютного дела МАЛИНОВСКОЙ М.Г. в том, что она действительно состояла на службе в воинском соединении № 1043 с 8.УП.1941 г. по 23.1Х-1942 г. и уволена в связи с реорганизацией части.

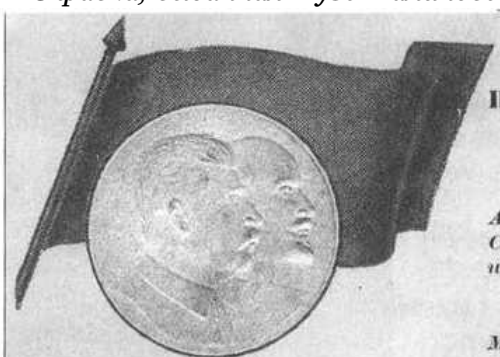
За время службы в части аварий и несчастных случаев у тов. МАЛИНОВСКОЙ не было.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СОЕДИНЕНИЯ
ПОДПОЛКОВНИК (СЕДЛОВСКИЙ)

НАЧАЛЬНИК 4 ОТДЕЛЕНИЯ
БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР (КАРОСЕЛЕВ)

ДЛЯ СПРАВОК

Справка, выданная Музе Малиновской



Смерть немецким оккупантам!

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

тов. Малиновская М.Г.

Антифашистский Комитет Советской молодежи приглашает Вас на антифашистский митинг советских спортсменов.

Митинг состоится 2 августа в 14 час. в Колонном зале Дома Союзов.

1942 г.

Председатель Антифашистского Комитета Советской молодежи Е. ФЕДОРОВ.

Л75162. Зак. 1195. Тир. 3000. Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Ул. Фр. Энгельса, 46.

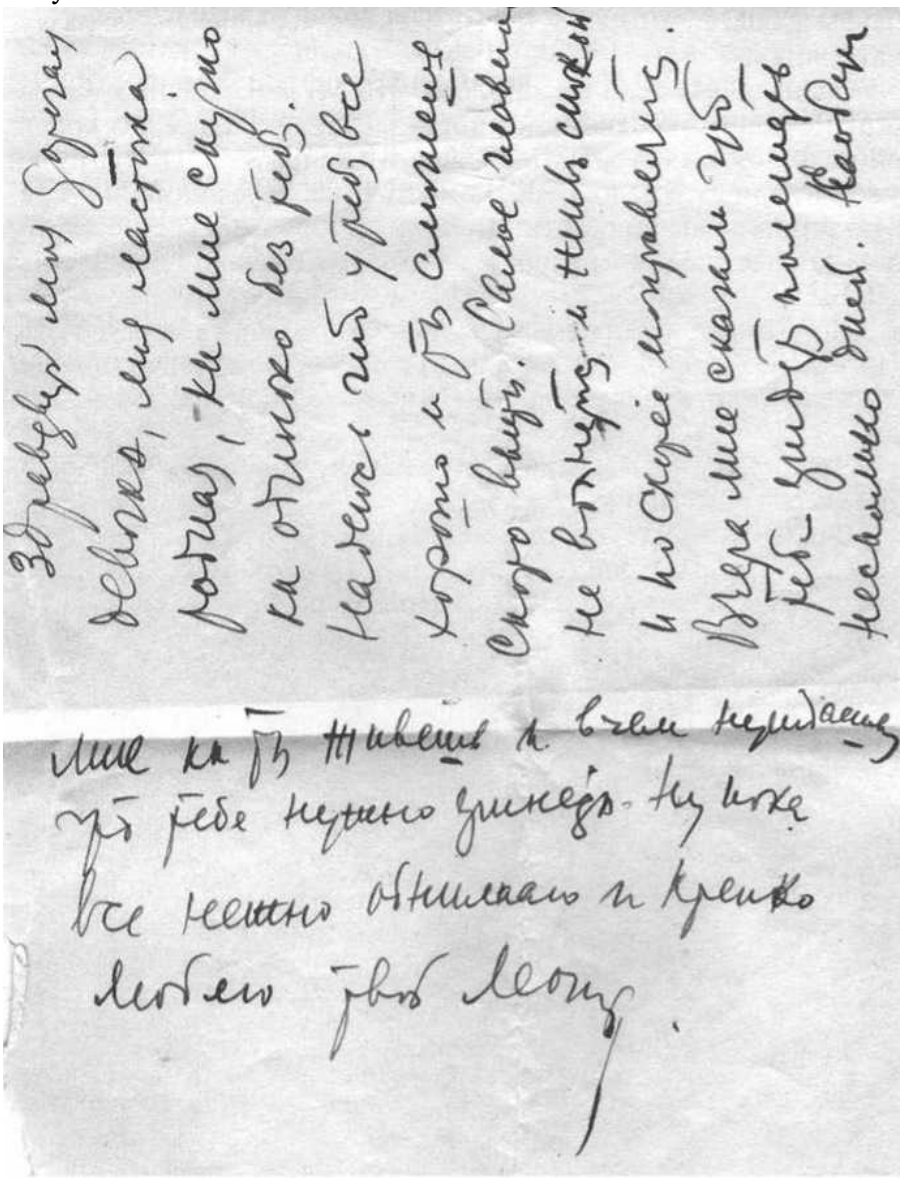
Пригласительный билет

Но истинная сложность работы Музы была не в этом. Дело в том, что она часто сама сопровождала группу парашютистов до места высадки, командовала ею, а потом на этом же самолёте возвращалась назад на базу. Порой эти высадки были настолько засекречены, что силы противовоздушной обороны не были предупреждены о пересечении линии фронта советским самолётом, и когда он возвращался, то неминуемо попадал под ураганный обстрел зениток. Это были самые неприятные моменты, потому что было бы, конечно, горько и обидно погибнуть от снаряда, выпущенного своими же войсками.

В Стамбуле в это время заканчивался судебный процесс над

Павловым (Мордвиновым) и Корниловым, и Эйтингон в Турции контролировал его исход.

На душе было тревожно: немцы быстро продвигались к Сталинграду, и он переживал и за страну, и за родных. Ему было тяжело и одиноко без Музы. «Единственное может быть хорошее в нашей с тобой разлуке, — писал он ей, — это то, что мы убедились, как тяжело жить врозь, и это послужит нам уроком, чтобы быть более умными, и принимать все меры, чтобы не разлучаться…»



1942 год. Письмо в больницу

Осенью 1942 года выяснилось, что Муза беременна. Её работе по подготовке парашютистов-десантников пришёл конец: ей нельзя было совершать парашютные прыжки. Но нагрузки уже сделали своё дело. Беременность была неудачной: Муза ребёнка потеряла. Для Эйтингона эта история стала ещё одним доказательством его правоты в том, что ей надо расстаться с НКВД. И — навсегда.

Но Муза ещё продолжала выполнять поручения НКВД. Подтверждением этому служит чудом сохранившийся паспорт Музы с её фотографией на имя Февралевой Елизаветы Ивановны.

Этот паспорт мы с удивлением обнаружили уже после смерти мамы в 1989 году.

Для чего он был изготовлен — тайна.

ПАСПОРТ

Действителен до 23 мая 1945 года

1. Имя, отчество, фамилия Елизавета Ивановна Февралева

2. Время и место рождения 1915 г. г. Ейск

3. Национальность русская

III-СУ № 702555

7. Социальное положение служащая

8. Отношение к военной службе

9. Кем выдан паспорт 43 отделением РК милиции г. Москвы

10. На основании какого документа выдан настоящий паспорт паспорт МС № 504061

Начальник

М. П.

Паспортист

Мутина

23 мая 1940 г.

III-СУ № 702555

Паспорт Музы

Ещё большей загадкой является (случайное или нет?) совпадение времени выдачи и срока действия такого же документа на имя Рудольфа Вильгельмовича Шмидта с фотографией разведчика Николая Ивановича Кузнецова. Как известно, Н.И. Кузнецов в войну в форме и с документами немецкого офицера воевал в отряде Медведева в тылу врага…

ПАСПОРТ

Действителен по 10 января 1945 г.

1. Имя, отчество, фамилия Шмидт Рудольф Вильгельмович

2. Время и место рождения 1912 г. урлут Магнитогорского, Челябинской

3. Национальность Немец

X-РТ № 652385

5. Социальное положение служащий

6. Отношение к военной службе военнообязанный

7. Кем выдан паспорт 19 отделен. Ф.К. Милиции г. Москвы.

8. На основании каких документов выдан паспорт Паспорт 2.III № 733105 выд 10/I-38 Кудым-Карсинф.О. Ф.К.М.

10 января 1940 г.

X-РТ № 652385

Паспорт Н. Кузнецова

На память о том времени у Музы осталась справка из части за номером 2342, в которой говорится, что она действительно состояла на службе в воинском соединении с восьмого июля 1941 года по 23 сентября 1942 года и уволена в связи с реорганизацией части, и что «за время службы в части аварий и несчастных случаев у неё не было»…

Эйтингону предстояли серьёзнейшие операции. Разведчик с опытом, знающий какими искусными противниками являются спецслужбы фашистской Германии, был готов к сложностям работы.

Адмирал Вильгельм Франц Канарис (1887–1945), шеф абвера в годы Второй мировой войны. Был сменён Вальтером Шелленбергом в 1944 г. и казнён Гитлером в конце войны

На территории Европы уже действовали разведывательные группы, сети и подразделения, снабжавшие Москву ценной информацией, но множество задач надо было решать и в ближайшем тылу врага. Это значило, что надо было быть умнее и хитрее, чем люди Гиммлера — агенты гестапо, а также СД — службы безопасности. Но еще важнее, что надо было переиграть разведку фашистского вермахта — абвер. Предстояла схватка с Канарисом и Скор-цени.

С их людьми Эйтингон уже сталкивался в Испании. Он знал, что военной разведке Германии до войны равных не было. Сейчас скрестить мечи предстояло с разведчиками, получившими опыт на всей территории покорённой Европы.

У Канариса была разветвлённая сеть агентов, которые осели в

разных странах Европы задолго до войны. Он рассчитывал на неё и во многом не ошибся. Но вряд ли он и шеф гестапо Гиммлер догадывались, что на территории Европы до войны были созданы и законсервированы сети НКВД, которые предназначались, главным образом, для ведения разведки и осуществления диверсий против немецких войск. Уже с середины 1930-х годов советская агентура в центральной и западной Европе была сориентирована на подготовку к ведению тайной войны против нацистской Германии, если та начнёт захват соседних государств. Эти сети создавал Эйтингон.

Эйтингон в первые годы войны

В 1978 г. в Израиле скончался человек по имени Леопольд Треппер. В Советском Союзе тогда об этом не написали ни строчки.

Треппер был одним из организаторов и руководителей той самой знаменитой «Красной капеллы», разведывательной сети, созданной на базе подпольных коммунистических ячеек в разных странах центральной и западной Европы.

Леонард Треппер родился в 1904 г. в польском городке Нови Таг, в еврейской семье, которая вскоре переехала в Вену. Там он вступил в коммунистическую партию. Работая на шахте в Галиции в 1925 г., принял участие в организации забастовки и был посажен в тюрьму. В 1926 г. эмигрировал в Палестину, где, оставаясь членом компартии, боролся против англичан. Переехав во Францию, Треппер вступил в запрещённую подпольную организацию, а когда она была раскрыта, скрылся в СССР. Здесь он был завербован НКВД и на протяжении 6-ти лет являлся агентом в Западной Европе; в 1939 г. по заданию Москвы создал «Красную капеллу» для подпольных операций в Германии, Франции, Голландии и Швейцарии. Когда «Красная капелла» была разгромлена, Треппер скрывался во Франции.

На протяжении первых лет Второй мировой войны агенты «Красной капеллы» сообщали в Москву сведения, которые были важны для руководства страны. В 1942 году «Красная капелла» была раскрыта немцами, многих её членов пытали и казнили.

После начала войны в Европе далеко не все они были вовлечены в подпольную работу. Незадолго до смерти Треппер признался, что база агентурной сети, в которой он находился, была создана ещё в конце 1934 г., а её «отцом» был советский агент «Пьер» — Эйтингон.

Позже, перед самой Второй мировой войной, к работе в «Красной капелле» кроме агентов НКВД были подключены сотрудники советской военной разведки. Тем более, что внутри сети, как выяснилось, не обошлось без предательства.

Отношения военной разведки и НКВД всегда были непростыми: соперничество спецслужб известно во все времена и в любой стране. В НКВД полагали, что если бы Эйтингон продолжал курировать некогда созданную им сеть, провалов было бы меньше. Но тогда было не до соперничества: нужно было думать прежде всего о том, чтобы отстоять страну, разгромить немцев на русской земле. На фронтах шли кровопролитные бои. Поэтому, забыв о соперничестве, секретные службы активно сотрудничали. Особенно успешно они работали в ближайшем тылу противника и при организации «радиоигр».

Группа сотрудников 4 управления НКГБ.Крайний слева в первом ряду — начальник управления Судоплатов

Поскольку уже с первых дней войны стала ощущаться нехватка квалифицированных кадров, Судоплатов и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и контрразведки, брошенные туда в конце 1930-х годов. Когда их предложение было доложено Берии, он распорядился вернуть бывших сотрудников спецслужбы в строй. Некоторые из них, увы, были уже расстреляны. Но возвращение в строй таких асов разведки как Яков Серебрянский, безусловно, сыграло свою роль: их опыт и знания пригодились в жестокой войне, которую вела страна за своё выживание.

В значительной степени этот приговор был результатом признаний, которые сделал Яков Серебрянский, когда его доставили на Лубянку. Но впоследствии выяснилось, что эти признания были получены в результате побоев и пыток, которым его подвергали на Лубянке. Исполнение смертного приговора было отсрочено по приказу Лаврентия Берии, а с началом Великой Отечественной войны Серебрянский был освобождён и занимался вербовкой советской агентуры, которая должна была надолго осесть в странах Запада, главным образом во Франции, США и Италии. Когда в 1946 году Абакумов был назначен министром госбезопасности, Серебрянский был вынужден уйти в отставку. Берия после смерти Сталина вернул Серебрянского на

службу, но вскоре самого Берия арестовали и расстреляли, и очередь снова дошла до несчастного Серебрянского. Его обвинили в заговоре Лаврентия Берии, ставившем целью «физическое уничтожение членов Президиума Центрального Комитета партии». На этот раз, при Хрущёве, его пытали так, что в 1956 году во время очередного допроса он скончался.

Яков Серебрянский, выдающийся разведчик, и его жена Полина, с которой он вместе выезжал на многие операции

Что же касается самого 4-го управления, то оно стало главным центром разведывательно-диверсионной деятельности органов госбезопасности на оккупированной врагом земле.

«В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек, — писал в своих воспоминаниях генерал Судоплатов. — Двадцать три наших офицера получили высшую правительственную награду — им присвоили звание Героя Советского Союза. Более восьми тысяч человек наградили орденами и медалями. Маршалы Жуков и Рокоссовский специально обращались в НКВД с просьбой о выделении им отрядов из состава 4-го управления НКВД для уничтожения вражеских коммуникаций и поддержки наступательных операций Красной Армии в Белоруссии, Польше и на Кавказе. Подразделения 4-го управления и отдельной мотострелковой бригады особого назначения уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника. Руководить

всеми этими операциями поручено было мне и Эйтингону. В истории НКВД это, пожалуй, единственная глава, которой продолжают гордиться его преемники…»

Настоящий руководитель — это человек, постоянно помнящий о том, что его подчинённые — не фигуры на шахматной доске, которые нужно передвигать для того, чтобы успешно закончить партию, а живые люди. Эйтингон никогда не забывал этого. Когда его люди действовали на оккупированной территории, в партизанских отрядах, он организовывал сбор писем их родных, которые вместе с продуктами и оружием доставлялись к ним специальным самолётом. Разве шоколад и пряники могли заменить листочек бумаги, на котором было несколько строк, начертанных рукой любимого человека?

Рассказ о жизни и деятельности каждого из сотрудников 4-го управления — это отдельная книга.

В нашем повествовании о генерале Эйтингоне нельзя не упомянуть о легендарном разведчике, Николае Кузнецове.

Его подготовке к заброске в немецкий тыл Судоплатов и Эйтингон уделили особое внимание. Они не ошиблись: сведения, переданные им в Москву, оказались крайне ценными для Ставки.

ОМСБОН атакует. 1941 г.

Николай Кузнецов родился в 1911 г. в Сибири, в селе, где жили, главным образом, немцы-переселенцы; с детства в совершенстве владел немецким языком. С 1939 г. — сотрудник НКВД. Прошел индивидуальную подготовку в школе НКВД для работы с германскими дипломатами и торговыми представителями. Вращаясь в московском «бомонде», Кузнецов участвовал в операциях по тайной пересъёмке почты германских дипкурьеров, получении информации о передвижениях германских дипломатов в Москве от их знакомых и любовниц. Заброшенный во время войны в тыл противника, он с

документами в форме немецкого офицера вёл разведывательную работу и лично ликвидировал несколько высокопоставленных чиновников немецкой администрации. Погиб, судя по обнаруженным после войны документам, под Львовом в 1944 году, нарвавшись на засаду украинских националистов — бандеровцев.

Человек редкой храбрости, Кузнецов в форме офицера вермахта подходил к руководителям немецкой администрации на улицах Ровно и Львова, объявлял о смертном приговоре и стрелял в упор. На жителей этих городов такие акции возмездия производили огромное впечатление: они показывали, что с борьбой народа против оккупантов немцы не могут поделать ничего.

ОМСБОН — встреча в 1976 г.

Ещё важнее были полученные Кузнецовым сведения. Они открывали тайны, секретность которых была наивысшей.

Скорцени

Так, в 1943 году партизанам, действовавшим в районе Винницы, удалось выяснить, что руководитель спецопераций службы безопасности рейха Отто Скорцени готовит своих людей в предгорьях Карпат для важной операции. Познакомившись с немецким офицером Остером, который был прикомандирован к команде Скорцени, Кузнецов быстро с ним сдружился. Он легко давал приятелю деньги в долг. Благодарный Остер пообещал, что обязательно расплатится с новым другом иранскими коврами, которые собирается привезти из предстоящей командировки. Слова Остера насторожили разведчика. Его сообщение дополнило агентурные сведения других источников, и стало ясно, что немцы готовят нападение на участников конференции в Тегеране — глав СССР, США и Великобритании.

Меры, принятые НКВД, сделали покушение невозможным.

Во время приёма у гитлеровского наместника и палача Коха, гауляйтера Польши и Галиции,

Кузнецов намеревался убить его.

Он сознавал, что на этот раз ему самому избежать гибели, скорее всего, не удастся. Во время встречи Эрих Кох посоветовал молодому офицеру немедленно возвратиться в часть, так как в районе Курска в ближайшие дни должно начаться крупное наступление отборных дивизий вермахта и СС. Услышав эти слова, Кузнецов отказался от намерения совершить покушение,

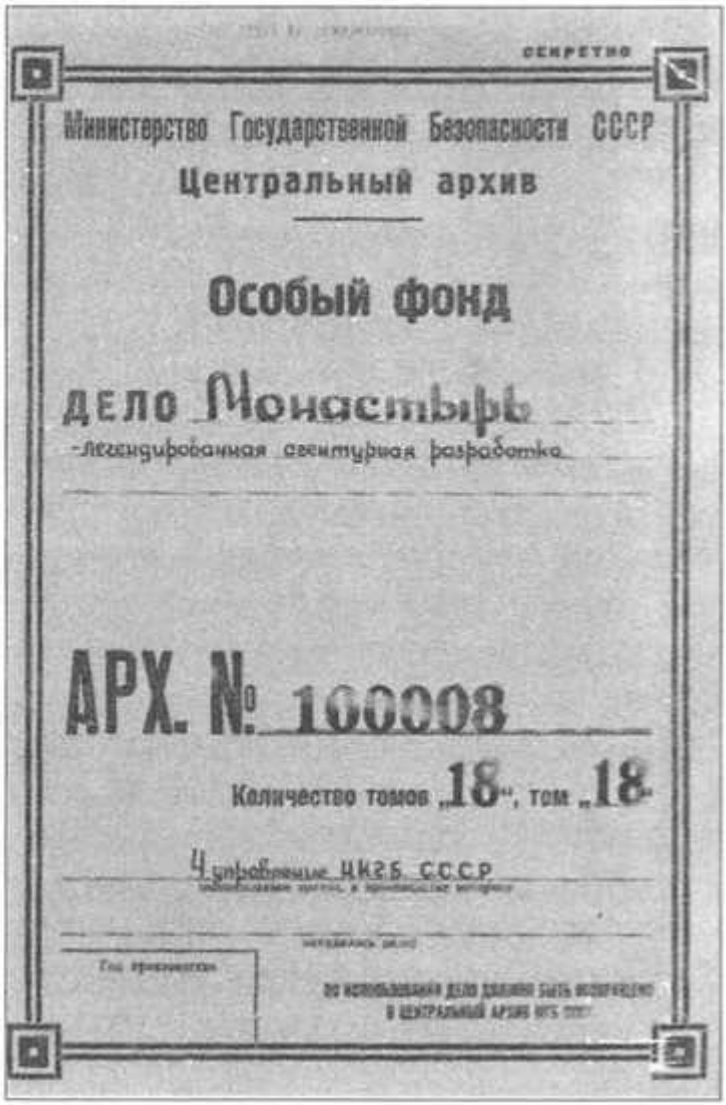
ему надо было срочно вернуться к партизанам, чтобы сообщить в Москву важную новость…

Н.И. Кузнецов был посмертно удостоен звания Герой Советского Союза.

Наиболее напряжённый период в работе разведчиков и контрразведчиков настал в 1941 году с приближением немцев к Москве.

Специальные подразделения минировали подступы к Москве, велась подготовка к диверсионной деятельности в городе на случай, если немцы прорвут оборону. Были назначены офицеры, которым предстояло в случае занятия города врагом остаться в Москве и вести подпольную работу. Одним из них, кстати говоря, был А.Я. Мешик, расстрелянный спустя 12 лет, в 1953 году, вместе с Берией.

Наиболее важные объекты были заминированы. Одним из руководителей этой операции был Игорь Щорс.



Том дела «Монастырь»

Кузнецов в форме офицера германских ВВС.Его бесстрашие не знало границ

Что же касается ОМСБОНа, то этой бригаде была поставлена задача до последней капли крови оборонять Кремль. И только разгром немцев под Москвой позволил вернуться ей к выполнению всего широкого спектра задач, которые стояли перед четвертым управлением.

В это самое тяжёлое время, как писал Судоплатов, и он сам, и Эйтингон жили верой в победу. Они видели и знали, что этой же верой жило и руководство страны, и вся страна в целом.

Операции, которые были проведены под руководством Судоплатова и Эйтингона на советско-германском фронте и в немецком тылу, широко освещены и в мемуарной, и в военно-исторической литературе.

В общей сложности они руководили десятками сложных операций, провели около восьмидесяти стратегических и тактических радиоигр с абвером и гестапо. Немецким

разведслужбам сообщались сведения, которые были либо уже не секретными, либо просто дезинформировали противника. Некоторые операции, ставшие хрестоматийными, — стратегические радиоигры — и сегодня являются предметом изучения в разведывательных школах. По всей совокупности компонентов, необходимых для успеха операции, они считаются проведенными безупречно. Уже в силу этого не упомянуть их, рассказывая о генерале Эйтингоне, нельзя.

И. Щорс и Муза. 8 мая 2003 г.

В первую очередь — это операции «Монастырь» и «Березино».

Операция «Монастырь», является, пожалуй, одной из самых интересных для читателя классических разведывательно-контрразведывательных операций. Её главный герой А. Демьянов получил от немцев за заслуги «Железный крест с мечами», а от советской разведки — Орден Красной Звезды.

В сводках абвера он числился как агент «Макс»; в донесениях НКВД он значился как «Гейне». Причем абвер до самого конца войны считал «Макса» одним из важнейших своих агентов в СССР, а информаторы английской и американской разведок доносили об этом в Лондон и Вашингтон.

Александр Демьянов умер в безвестности в 1975 году. Его имя было рассекречено только в 1993 году.

Если говорить о сущности операции «Монастырь», то она была не нова и базировалась на операциях ОГПУ 20-х годов, например, на операции «Трест».

Идея заключалась в том, чтобы убедить абвер в существовании в России антисоветской организации

монархистов, бывших дворян и царской интеллигенции, которая готова сотрудничать с фашистами для свержения большевистского строя.

Мифическая организация именовалась очень красиво: «Престол».

Целью операции «Монастырь» было вызвать интерес к «Престолу», внедрить в абвер своих агентов и обеспечить прибытие агентов абвера так, чтобы об этом знали в контрразведке.

План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Монастырь» содержал два главных пункта:

1. Вызвать в Берлине интерес к «Монастырю».

2. Добиться согласия немецкой разведки на посылку в Германию постоянного представителя «Монастыря».

Операция началась накануне войны с того, что Демьянов установил контакты с оставшимися в живых аристократами в Москве для того, чтобы обеспечить себе надёжное прикрытие. Аристократ по рождению, обладавший к тому же подлинно аристократической внешностью, к тому времени Демьянов числился в списках внештатных сотрудников НКВД уже добрый десяток лет.

А. Демьянов и карта зоны операций

Он дружил с артистами и режиссёрами, вел светский образ

жизни, бывал на приёмах у знаменитостей и иностранцев, даже имел свою лошадь в манеже. Перед самой войной Демьянова уже серьёзно изучали как объект вербовки и посольство Германии в Москве, и агенты абвера.

С началом войны Демьянова готовили в Москве для заброски в структуру абвера. Перейдя в декабре 1941 г. линию фронта как эмиссар несуществующей антисоветской подпольной организации «Престол», он оказался во фронтовом подразделении абвера. Судоплатов считал, что первый этап операции прошёл успешно.

О том, что 4-е управление НКВД СССР перебросило в тыл противника агента «Гейне» под видом участника антисоветской группы, существующей среди московской интеллигенции, было доложено Сталину. Документ был подписан Судоплатовым, Эйтингоном и Маклярским.

«Гейне» удалось убедить даже скептиков в немецкой воен-ной разведке, что организация «Престол» существует и способна оказать помощь фашистам. Так как о связях Демьянова с НКВД у абвера никаких данных не было, его офицеры склонны были Демьянову поверить. Это не помешало им, однако, имитировать расстрел пришельца, чтобы, допросив его в последний раз перед отделением солдат с винтовками, попытаться ещё раз выбить у него признание в том, что он выполняет задание советской разведки.

Он это испытание выдержал. Теперь все пошло как по маслу. Демьянов-«Макс» прошёл курс в разведшколе абвера, и в начале 1942 г. его отправили назад, в русский тыл. Возвращение его вовсе не было запланированным: он должен был оставаться в структуре абвера и работать там. Но дело было сделано: Демьянов приземлился с парашютом в районе Ярославля, где его довольно долго «обрабатывали» в местном отделении НКВД: тамошнему начальству уж очень хотелось иметь на своём счету пойманного шпиона, а у Демьянова на все вопросы был один ответ: «Звоните в Москву Судоплатову».

Возвращение «Гейне» означало, что план операции надо было менять на ходу. Теперь было решено, что «Гейне» станет источником дезинформации для германского командования. С этого момента и почти до самого конца войны «Гейне» был ключевой фигурой в операции, главным элементом которой была радиоигра: он сообщал абверу по рации данные, подготовленные в Москве руководством разведки и Генеральным штабом, и получал информацию в виде шифровок о прибытии немецких агентов.

Ни Судоплатов, ни Эйтингон ни на мгновение не сомневались, что у абвера уже есть в Москве агентура, которая с

первого же дня начнёт слежку за Демьяновым. Поэтому все контакты с ним были сведены до минимума, а конспиративные встречи проводились с предварительной разведкой места встречи.

В 1942 г. на квартиру Демьянова начали прибывать по одиночке и небольшими группами крепкие парни в солдатской форме с вещмешками; документы у них были в полном порядке, а в вещмешках были, кроме продуктов, средства для тайнописи и яды.

Однажды четыре агента прибыли без предупреждения; их встретили так же, как и всех остальных. Жена Демьянова, женщина любящая и преданная, чтобы сохранить мужу жизнь, принимала вражеских диверсантов, угощала их чаем со снотворным, а когда они засыпали, вызывала на помощь оперативных работников, которые вместе с ней подменивали патроны на холостые, изымали яды, связывали гостей.

Руководители операции «Монастырь» Судоплатов (справа) и Эйтингон. После автомобильной аварии Эйтингон был вынужден на некоторое время отпустить бороду

Можно себе представить, что ей пришлось пережить, когда один из диверсантов, мужчина редкой физической силы, начал приходить в себя намного раньше, чем она рассчитывала…

Более пятидесяти курьеров и диверсантов прибыло для связи и взаимодействия с «Максом»; часть их была арестована и расстреляна, некоторые стали двойными агентами и участвовали в радиоигре, и лишь некоторым позволили уйти назад, чтобы они подтвердили, что система действует и «Максу» можно доверять.

Было ясно, что большое число прошедших школу абвера

военнопленных использовали возможность переброски через линию фронта, чтобы спасти себе жизнь: они с готовностью включались в работу против абвера. Лишь несколько человек из заброшенных в советский тыл абвером были непримиримыми врагами.

Демьянов оставался в центре радиоигры и операций против абвера до последних дней войны, так как с помощью руководства разведки он был устроен на должность офицера связи в советский Генштаб. Поступавшие от него сведения считались в абвере достоверными. Неудивительно, что он получил от Объединённого Командования вермахта «Железный крест с мечами».

Со временем большая часть операций и радиоигр, начатая управлением Судоплатова и Эйтингона, была передана воен-ной контрразведке СМЕРШ: на этом настоял её начальник Абакумов. Успех разведчиков вновь обострил застарелое соперничество между спецслужбами и их руководителями; интриги в высших сферах, хоть они часто и мешали делу, были, к сожалению, неизбежны даже в военное время. Но работы у разведчиков хватало, особенно в 1943-м — самом важном для исхода войны году.

К середине 1943 г. Судоплатов и Эйтингон смогли подвести черту под первым этапом невидимого сражения с абвером и ге-стало. Результатом можно было гордиться. Совместными усилиями 4-го управления, разведуправления Генштаба и СМЕРШ было сделано важное дело: в несколько разведшкол абвера были внедрены советские агенты.

Получая от завербованного советскими агентами начальника паспортного стола в Катыни подробную информацию о более чем 200 агентах, забрасываемых в советские прифронтовые города, спецслужбы либо арестовывали их, либо принуждали сотрудничать.

На восточном фронте абвер, несмотря на огромное количество русских военнопленных в фашистских лагерях и сотрудничество с немецкими разведслужбами разношёрстных предателей, не смог организовать ни систематических крупных диверсий на неоккупированных территориях СССР, ни масштабной разведки в прифронтовой полосе.

Художник Павел Георгиевич Громушкин. Сотрудник НПО НКВД, ответственный за качество документов советских агентов

Портрет Н.И. Эйтингона, выполненный П. Громушкиным. Акварель

А ведь во главе германской разведки, основные силы которой были брошены после 1942 г. на восточный фронт, были такие асы как Канарис и Шелленберг! Известно, что они оба сваливали вину за провалы на нижних чинов, но, наверное, в глубине души и тот, и другой сознавали, что им по другую сторону фронта противостоят достойные противники.

25 октября 1943 года Муза родила генералу Эйтингону сына. Мать назвала мальчика так, как всегда звала его отца: Леонидом. Лёнечка не был первенцем генерала Эйтингона: у него уже было двое детей — Владимир и Света, причем дочка родилась в Китае.

С рождением Лёни 44-летний профессиональный разведчик, учитывая военное время и сложности, связанные с ним,

переживал как никогда прежде. Он просил Музу «беречь сына и беречь себя»: потрясения тяжёлого военного периода не могли не сказаться на здоровье роженицы.

Поздравить родителей с рождением ребёнка и поднять 60-кал вина в его честь пришли друзья и знакомые Эйтингона. Подарки в те времена приносили весьма своеобразные: главным образом самодельные. В военное время ребёнка не во что было одеть, и Ифигения, с которой Муза выполняла задание в Турции, принесла связанные ею кофточку и ботиночки. Тимашков принёс самодельную игрушку-погремушку. А одеяло для ребёнка принёс Михаил Маклярский, друг Эйтингона, до войны «курировавший» в НКВД артистические и кинематографические круги.

Михаил Борисович Маклярский оставил заметный след в киноискусстве. Выйдя после войны в отставку, он написал (или принимал участие в написании) 14 сценариев художественных фильмов. Самыми известными, вышедшими из-под его пера, являются сценарии фильмов «Подвиг разведчика» и «Секретная миссия». В наши дни они кажутся наивными и предназначенными для простаков, но в те годы ребята смотрели их десятки раз. Незатейливые двусмысленности — например, когда советский разведчик во вражеском тылу поднимает за немецким столом, в окружении гитлеровских офицеров тост «За победу — за нашу победу!» — вызывали у зрителей восторг и восхищение.

То, что кинодраматург Маклярский был когда-то связан с НКВД и разведкой, было известно. Но только совсем недавно стали достоянием гласности факты, что полковник Маклярский был во время войны разработчиком оперативных данных для разведывательной работы. Именно Маклярский принимал участие в подготовке агента «Гейне» и разработке детальной схемы операции. Знания в этой области у него были огромные, и, конечно, если бы ему позволили, учитывая высочайший профессиональный уровень, которого Маклярский достиг в пик своей разведывательной карьеры, он бы сделал сценарии совершенно иные.

В 1943 году произошло ещё одно событие, оставившее заметный след, причём в самом буквальном смысле: шрам на лице генерала Эйтингона. Поздним вечером он уехал по заснеженным улицам Москвы в старом «роллс-ройсе». Эйтингон сидел на заднем сиденье, которое было отгорожено от водительского кресла стеклом. Стекло было полуопущено.

М. Маклярский и афиша фильма «Подвиг разведчика», сценарий для которого он написал после войны

Внезапно улицу стал перебегать мальчик, и водитель, чтобы не задавить ребёнка, резко свернул в сугроб. В нём оказался противотанковый «ёж», сваренный из стальных рельс.

Удар был страшным. Эйтингона бросило вперед, на стекло, в результате чего у него оказались рассечены щека и подбородок.

Водитель доставил его в ближайшую больницу, где генералу была наспех сделана операция. Она оказалась неудачной; раны плохо заживали, гноились, и когда, наконец, швы сняли, выяснилось, что на лице остался грубый шрам.

Разведчик-профессионал, Эйтингон не мог не переживать из-за этого случая. В шутку он говорил, что в мире уже известен один разведчик со шрамом — Отто Скорцени, и второй будет уже ни к чему. Он понимал, что шрам не просто портит лицо, а будет очень мешать в заграничной работе.

Некоторое время спустя Эйтингон даже задумал сделать пластическую операцию, чтобы сделать шрам менее заметным, но Муза отговорила его.

Вальтер Шелленберг.
В последний период войны руководил германской военной разведкой

Учась в Институте физкультуры, она проходила анатомию, и имела представление о расположении нервов на лице. Изучив шрам, она высказала опасения, что в ходе пластической операции может быть повреждён тройничный нерв, что будет не только очень болезненно: это может привести к необратимым последствиям. С годами шрам стал менее заметен, и Эйтингон с ним смирился. Он даже придавал ему больше мужественности. Кроме того, Эйтингон понимал, что теперь, когда он стал одним из основных руководителей советской разведки, о продолжительной подпольной работе за границей ему помышлять уже не придётся.

П.А. Судоплатов

Упоминание о Скорцени было пророческим.

Спустя некоторое время Эйтингону пришлось скрестить с ним мечи — правда, заочно. Это произошло в 1944 г., когда Эйтингон был одним из главных действующих лиц операции «Березино», ставшей классической разведывательно-контрразведывательной операцией, как по нотам разыгранной 4-м управлением НКВД.

Развязка Второй мировой войны приближалась, и теперь, когда крах Германии был не за горами, Сталин хотел, чтобы разгром фашистов на восточном фронте обеспечил стремительное продвижение советских войск на Запад. Для этого надо было использовать все возможности помощи армии. Дело было за разведкой.

Накануне летнего наступления советских войск в Белоруссии Сталин поставил задачу разведке разработать операции, которые должны были информировать германское командование о якобы оставшихся после наступления в советском тылу крупных немецких подразделениях, ведущих активные боевые действия.

Замысел Сталина был в том, чтобы заставить немцев оказывать помощь этим мифическим подразделениям, для

отвлечения значительных сил и средств противника.

Это был смелый план, в реализацию которого 4-е управление включилось немедленно.

Сразу после начала наступления советских войск «Гейне» был послан в освобождённую Белоруссию.

Вскоре абвер получил от него сообщение, что в белорусских лесах бродят разрозненные группы немецких солдат, из которых офицеры вермахта пытаются сколотить боеспособные подразделения с намерением вырваться из окружения и соединиться со своими войсками.

Эта информация была с энтузиазмом принята германским командованием, резервы которого были давно исчерпаны. Наличие воинских частей в тылу русских могло сыграть существенную роль в срыве их дальнейшего наступления: немцы полагали, что им удастся с помощью этих частей совершать крупные диверсии и нарушить коммуникации советских войск.

Настала очередь 4-го управления. Оно должно было «легендировать» наличие той самой крупной воинской части, которая, по мере выхода к своим, будет совершать диверсии.

Местом дислокации этой мифической части выбрали район в 100 км к западу от Могилёва в районе Березино. Операция готовилась и в Москве, и в Белоруссии.

Эйтингон, знавший Белоруссию как свои пять пальцев, возглавил операцию «в полевых условиях».

В Белоруссию с Эйтингоном выехала одна из самых блестящих групп разведчиков, которую могла бы пожелать себе любая страна: разработчик операции полковник Маклярский, Вильям Фишер, которого мир узнает позже как советского нелегала в США Рудольфа Абеля, корифей разведывательных операций Яков Серебрянский и уже знакомый нам по операции в Турции Георгий Мордвинов.

Кроме них в операции принимали участие и другие офицеры разведки, которым после войны придётся, как и Вильяму Фишеру, заниматься разведывательной деятельностью в США. Так, начальник отделения Масся, которому также принадлежит немалая заслуга в проведении операций «Монастырь» и «Березино», с 1945 по 1950 гг. вместе с женой активно участвовал в операциях, связанных с получением атомных секретов в США.

Формируя «немецкую часть», Эйтингон включил в неё около двух десятков оперативных работников и офицеров бригады особого назначения, около полусотни немцев-коминтерновцев из интернационального батальона бригады особого назначения, военнопленных, вступивших в антифашистский комитет, а также несколько бывших немецких агентов, которые согласились

сотрудничать с НКГБ.

На роль командира части-призрака, которой предстояло стать серьёзным боевым подразделением, разведчиками был выбран подполковник вермахта Генрих Шерхорн, член нацистской партии с 1933 года. Его часть численностью в полторы тысячи человек, обороняя переправу на реке Березина, была разгромлена. Шерхорн сдался в плен и приказал сдаться своим солдатам.

Шерхорн и его радисты были завербованы командой Эйтингона при активном содействии Демьянова. Теперь привлечь к Шерхорну внимание гитлеровского командования было делом техники.

Когда всё было готово, Демьянов-«Гейне» передал абверу шифровку, в которой сообщал о наличии боеспособной воинской части в советском тылу.

И немцы поверили! Поверили, во-первых, потому, что информация пришла от «Макса», а во-вторых, конечно, потому, что уж очень хотелось в это верить.

Для поддержки части Шерхорна они отправляли оружие, медикаменты, а также листовки и другие пропагандистские материалы.

Для проверки Шерхорна абвер посылал своих агентов. Когда немецкие парашютисты приземлились и были схвачены, выяснилось, что прибывшие — сотрудники абверкоманды «103», элитного подразделения вермахта. Каждый из них должен был выходить в эфир самостоятельно, передавая перед началом сеанса радиосвязи условленный сигнал. Их убедили включиться в радиоигру. На фоне катастрофы, которая постигла вермахт, это было сделать значительно проще, чем год назад.

Планируя операцию в Белоруссии, Эйтингон и Маклярский, прежде всего, преследовали цель — создать у германского командования видимость того, что существующая боеспособная часть действительно прорывается к своим.

Подполковник Шерхорн

По первому плану при приближении выходящей из окружения части Шерхорна немцы должны были открыть участок фронта. Однако вместо группы Шерхорна в прорыв вступали войска Красной Армии, которые, действуя в тылу у немцев, вносили бы панику и нарушали коммуникации противника.

Второй план состоял в том, чтобы принять в Белоруссии основной поток агентов абвера и обезвредить их как можно быстрее и проще.

Пришлось действовать по второму варианту — наступление советских войск было настолько мощным и стремительным, что ждать от немцев открытия участка фронта для Шерхорна было бессмысленным.

Поэтому главной задачей операции стал захват возможно большего количества вражеских агентов, особенно диверсантов-специалистов.

Все еще надеясь нарушить тыловые коммуникации советских войск, в воинскую часть Шерхорна немцы стали направлять диверсантов высокого класса, оснащенных сложной техникой.

Однажды прибыли даже рослые парни из спецподразделения СС, подготовленные самим Скорцени. Их встречал на взлетной полосе под видом немецкого офицера не кто иной как том самый Вильям Фишер (родители дали ему такое имя в честь Шекспира).

Сам Скорцени тоже хотел прилететь со своей отборной командой и помочь Шерхорну, но ситуация на фронтах была такой, что уже было не до эффектных операций.

С конца октября 1944 г. Верховное Командование германской армии стало настойчиво требовать от Шерхорна подготовки посадочной площадки для посадки транспортных самолётов с целью эвакуации «раненых». Понимая, что посадка самолётов противника может привести к срыву операции.

В. Меркулов — руководитель органов государственной безопасности в последний период войны

Москва сначала затягивала игру, а потом стала сообщать, что части Красной Армии преследуют подразделения Шерхорна. Немцы долго раздумывали, стоит ли продолжать оказывать помощь обречённым подразделениям, но всё же сбросили оружие, деньги, а также листовки с прославлением Гитлера и предателя — генерала Власова. Последнее Эйтингон и его люди восприняли уже как глупую шутку.

Чтобы немцы не сомневались в существовании своих подразделений, оказавшихся в окружении в советском тылу, было сформировано ещё два полка-призрака под командованием пленных немецких полковников, согласившихся сотрудничать с

советской разведкой.

Война уже шла на территории Германии, а немцы все считали, что воинская часть Шерхорна по-прежнему воюет в русском тылу. За храбрость, отвагу и выдержку подполковник даже получил от Гитлера «Рыцарский крест», а 25 марта 1945 г. на имя Шерхорна пришла телеграмма за подписью генерала-фельдмаршала Гудериана, в которой говорилось, что Шерхорн произведён в полковники. Гудериан выразил в послании «сердечные поздравления и пожелания дальнейших успехов» в трудной задаче, которую выполнял новоиспечённый полковник. Как ни лестно то было для Шерхорна, он знал, что погоны полковника он носить не будет никогда.

Последняя телеграмма на имя Шерхорна пришла, как это ни поразительно, 5 мая 1945 года! В ней командование вермахта советовало Шерхорну действовать по обстоятельствам. На простом армейском языке это значило: сдавайтесь, и как можно скорее. Но совет был запоздалым: это уже давно было сделано.

Пришла инструкция и «Максу» — Демьянову. В ней говорилось, что он должен как можно скорее распрощаться с воинскими частями немцев, которые находились в окружении и которым грозил неминуемый и долгий плен, и вернуться в Москву. Там «Макс» должен был что-нибудь придумать, чтобы сохранить себе жизнь и свободу, в крайнем случае — уйти в подполье. Намёк был достаточно ясен: ты ещё пригодишься, не всё кончено.

Любопытно, что когда ставший главой германской разведки Герхард Гелен передал разведывательные сети рейха со всеми его бывшими агентами американцам и англичанам, те дали индульгенцию даже тем, кто совершил преступления против их собственных стран, и использовали германскую агентуру, главным образом против России, ещё добрых два десятка лет. Но вот «Макса», которого им настойчиво предлагал Гелен, они включить в свою игру отказались. Они не поверили, что в СССР, — при филигранной работе НКВД, — могла существовать прогерманская монархическая организация, в которую Судоплатов и Эйтингон не внедрили бы своих людей. Поэтому от услуг бывшего аса абвера они отказались, и «Максу» не довелось работать ни с Сикрет Интеллидженс Сервис, ни с ЦРУ.

Орден Суворова

Судоплатов и Эйтингон за операцию «Березино» были награждены Орденами Суворова. Это был первый и единственный случай в истории, когда разведчики получили орден, которым награждали исключительно полководцев.

Награждение таким орденом означало, что они принесли стране столько же пользы, сколько полководцы с сотнями пушек и многими тысячами солдат.

Глава VII. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Существовало мнение, что работники аппарата государственной безопасности, как и их начальники — «коммунистические бонзы», купались в роскоши, могли себе позволить всё, что было недостижимо для простого человека в СССР.

Во времена Сталина такие действия руководящих работников карались довольно жёстко: чиновник, позволявший себе подобное, почти неизбежно лишался места, а порой и партийного билета.

Позднее появились «спецраспределители»: магазины, в которых можно было приобрести дефицитные продукты. Это, в сочетании с обслуживанием в закрытых поликлиниках, было самой важной привилегией высших государственных чиновников. Хрущёв превратил бюрократов в высшую касту, жившую по своим собственным, а не по государственным законам, и жировавшую независимо от состояния экономики страны.

Генерал Эйтингон и его семья жили во время войны более чем скромно. Муза не работала, так как сын Леонид был еще маленьким, а генерал редко находился дома: не успев приехать из одной командировки, он тут же отправлялся в следующую. Как следствие этого, с семейным бюджетом дела обстояли не лучшим образом.

И вот как-то раз Муза обратила внимание, что у маленького Леонида, когда он просыпается утром, гноятся глаза. Чтобы он смог их открыть, глаза приходилось промывать, и, поскольку это не могло её не тревожить, она отправилась с сыном в ведомственную поликлинику. Когда врач, осмотрев ребёнка, вышел к Музе, он был явно смущён.

— Этот мальчик сын генерала Эйтингона? — спросил доктор.

— Да, — ответила Муза.

— Мне очень неудобно вам это говорить, но у вашего мальчика сильный авитаминоз, — сказал врач. — Глаза у него гноятся из-за этого. Если не принять срочных мер, у него может наступить резкое ухудшение зрения.

Лёне 2 года

Напомним, что генерал Эйтингон в то время был заместителем начальника управления внешней разведки Министерства государственной безопасности СССР — главной секретной службы страны.

Вот что писал в своих воспоминаниях генерал Судоплатов: «Красивое лицо Эйтингона и его живые карие глаза так и светились умом. Взгляд пронзительный, волосы густые и черные, как смоль, шрам на подбородке, оставшийся после автомобильной аварии (большинство людей принимало его за след боевого ранения), — всё это придавало ему вид бывалого человека. Он буквально очаровывал людей, наизусть цитируя стихи Пушкина, но главным его оружием были ирония и юмор. Пил он мало — рюмки коньяка хватало ему на целый вечер. Я сразу же обратил внимание на то, что этот человек нисколько не похож на высокопоставленного спесивого бюрократа. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту в быту у Эйтингона было просто поразительным. У него никогда не было никаких сбережений, и даже скромная обстановка в квартире была казённой».

Когда Эйтингон был арестован, к нам домой пришли с обыском. Маму спросили:

— Дача есть?

— Нет, — ответила она.

— А машина?

— Тоже нет, — прозвучал ответ.

Пришельцы осмотрели комнату и с удивлением обнаружили на некоторых вещах инвентарные номера. «Вот так генерал…» Они пожали плечами, забрали охотничье ружьё отца, ещё какие-то мелочи и ушли, довольно пренебрежительно взглянув на детей.

Это произошло в 1951 году, шесть лет спустя после войны.

Но эти шесть лет были крайне важными в биографии разведчика. Всей своей прежней жизнью подготовленный к организации филигранной разведывательной работы, Эйтингон снова был на переднем крае — теперь уже «холодной войны».

К сожалению, не так уж много можно сказать сегодня о послевоенном периоде работы внешней разведки, которым её руководители всегда очень гордились. Большинство материалов о нем до сих пор имеют гриф секретности. В тот период советской разведке удалось получить данные о широком спектре научно-технических достижений в США и Великобритании. Известно, что благодаря войне, длительный процесс разработок новых систем оружия, новых технологий и даже фундаментальных научных исследований сжимается в короткие промежутки времени. Страна, которая делала прорыв в той или иной сфере, сразу же получала значительные тактические или даже стратегические преимущества.

Роберт Оппенгеймер и генерал Гроувз после первого атомного взрыва

16 июля 1945 г., в половине шестого утра, в американском штате Нью-Мексико была испытана первая атомная бомба. Американцам, опасавшимся, что нацистская Германия создаст ядерное оружие первой, удалось всего за три года осуществить «Проект Манхэттен» — сделать США первым обладателем атомной бомбы.

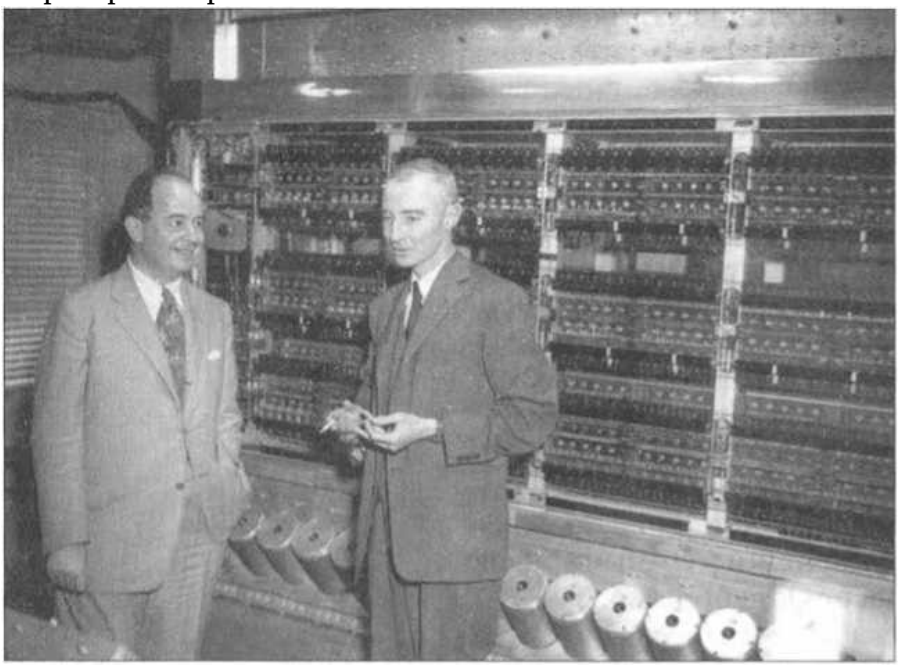
Вместе с генералом Гроувзом, военным администратором проекта создания бомбы, на испытании присутствовал крупнейший учёный-физик Роберт Оппенгеймер.

Роберт Оппенгеймер (1904–1967), один из создателей атомной бомбы, выдающийся физик, полиглот (он владел восьмью языками, включая древний санскрит, а голландский выучил за 6 недель). Окончил Гарвардский университет и учился в Кэмб-ридже у Резерфорда. Предсказал открытие нейтрона, позитрона и нейтронных звёзд. Научный руководитель «Проекта Манхэттен» с 1942 г. После взрыва первой атомной бомбы

произнёс сакраментальную фразу:

— Мы знали, что мир никогда уже не будет прежним.

После войны Оппенгеймер руководил Комиссией по атомной энергии, был советником президента по науке, советником министерства обороны США. Выступая за этический и высокоморальный подход учёных к проблемам науки, он энергично сопротивлялся планам создания водородной бомбы. Умер от рака горла.



Роберт Оппенгеймер в компьютерном центре атомной лаборатории. Слева — знаменитый учёный-компьютерщик Нейман

Менее чем через месяц после первого испытания атомной бомбы ядерным взрывом была сметена Хиросима, а чуть позже — Нагасаки. Погибло около 330 тысяч жителей. Учёные, выпустившие из бутылки ядерного джинна, конечно, гордились своими научными достижениями, но не могли не задуматься над тем, какое разрушительное оружие они дали в руки политикам.

В первую очередь озабоченность высказывали учёные левых убеждений, которых тогда, на волне антифашистской борьбы и симпатий к героической борьбе советского народа против захватчиков, было немало. Многие из учёных-физиков были идеалистами, с интересом и уважением относившиеся к «русскому эксперименту», но ещё больше было учёных, которые считали, что поскольку СССР был союзником США и Великобритании в страшной войне против фашизма, он имел право на использование секретов своих союзников.

Роберт Оппенгеймер в молодости вращался в среде, где было немало коммунистов и либералов; впрочем, в результате великой депрессии в США число сторонников социалистических идей резко возросло во всех слоях общества. Женат он был на женщине, брат которой был коммунистом, и которая тоже была увлечена левыми идеями.

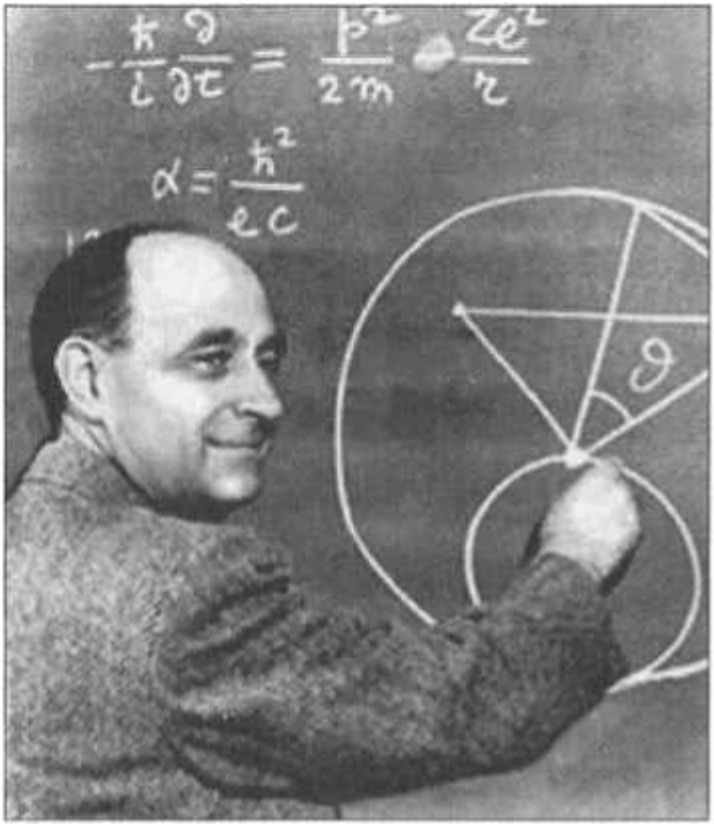
Впоследствии, в начале 1950-х годов, Роберт Оппенгеймер оказался в самом центре скандала, связанного с проникновением коммунистов в правительственные и иные важные учреждения.

В США его обвиняли в том, что он не только сотрудничал с коммунистами с самого начала работы над атомной бомбой, но и устраивал их на работу в лабораторию в Лос-Аламосе, а также делился с ними секретной информацией. Однако эти обвинения так и не были подтверждены.

Аналогичные обвинения звучали в Америке и в адрес других учёных — например, Ферми. То, что он и его ученик Бруно Понтекорво были антифашистами, несомненно заставило советскую разведку к ним присматриваться уже с середины 1930-х годов.

Павел Судоплатов утверждает, однако, что ни один из них не был советским агентом. С формальной точки зрения это, безусловно, так. Но именно учёные Оппенгеймер, Ферми и Сциллард помогли советской внешней разведке внедрить, как пишет Судоплатов, «надёжные агентурные источники информации» в лабораториях в Ок-Ридж, Лос-Аламос и Чикаго. Таких источников было по крайней мере четыре. Такие учёные-гиганты, как Нильс Бор и Роберт Оппенгеймер, были против войны в принципе, и считали, что только баланс сил в мире, основанный на наличии у СССР, как и у Америки, ядерного оружия, сможет предотвратить войну.

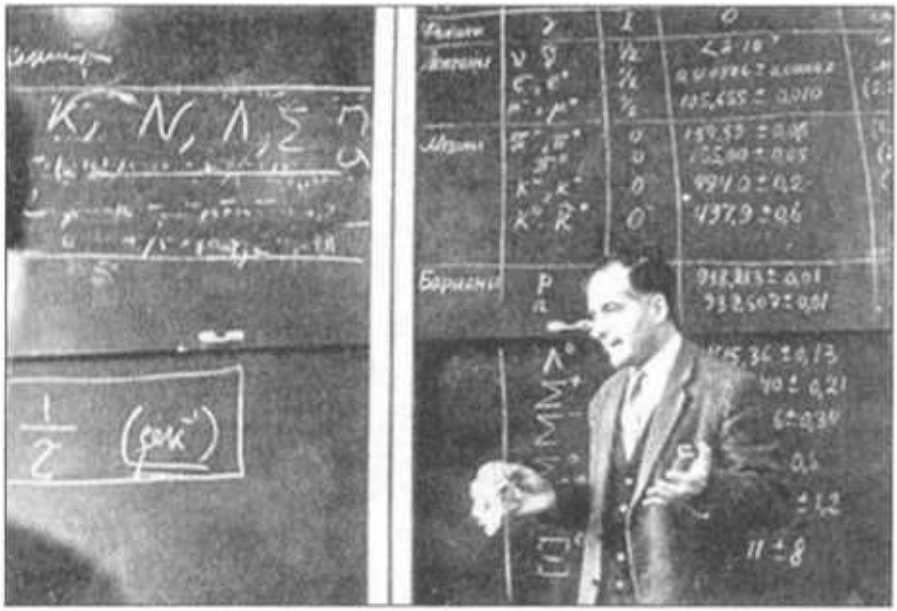
Этого же мнения придерживался физик-ядерщик Лео Сциллард, а также Ферми. Общаясь со своим учителем, Бруно Понтекорво сделал вывод, что Ферми, как и другие выдающиеся учёные-физики, не считает полезным для дела мира монополию США на ядерную энергию — ни в отдаленной, ни в ближайшей перспективе. Как писал в своих воспоминаниях Павел Судоплатов, Понтекорво сообщил советским представителям, что Ферми положительно отнесся к идее поделиться информацией по атомной энергии с учёными стран антигитлеровской коалиции.



Энрико Ферми

Энрико Ферми, гениальный учёный, который расщепил атом, родился в Риме в 1901 г. Покинул фашистскую Италию в 1938 г. Лауреат Нобелевской премии (1938). В Америке руководил лабораторией по атомной энергии Колумбийского университета. Осуществил первую цепную реакцию. Прозванный «отцом атомной бомбы», Ферми умер от рака в 1954 г. в Чикаго.

Ферми, так же, как и Оппенгеймер и Сциллард, решительно выступил против создания водородной бомбы, став, таким образом, политическим союзником СССР.



Бруно Понтекорво

Что касается политических симпатий его ученика Бруно Понтекорво, о них достаточно красноречиво говорит тот факт, что этот выдающийся учёный в сентябре 1950 г. переехал на жительство в Советский Союз и работал в атомном центре в г. Дубна.

Понтекорво считался советским учёным до конца своих дней и внес огромный вклад в дело развития науки в СССР. Среди учёных, выбравших Советский Союз в качестве своей второй родины, он был одним из первых и наиболее известных во всём мире.

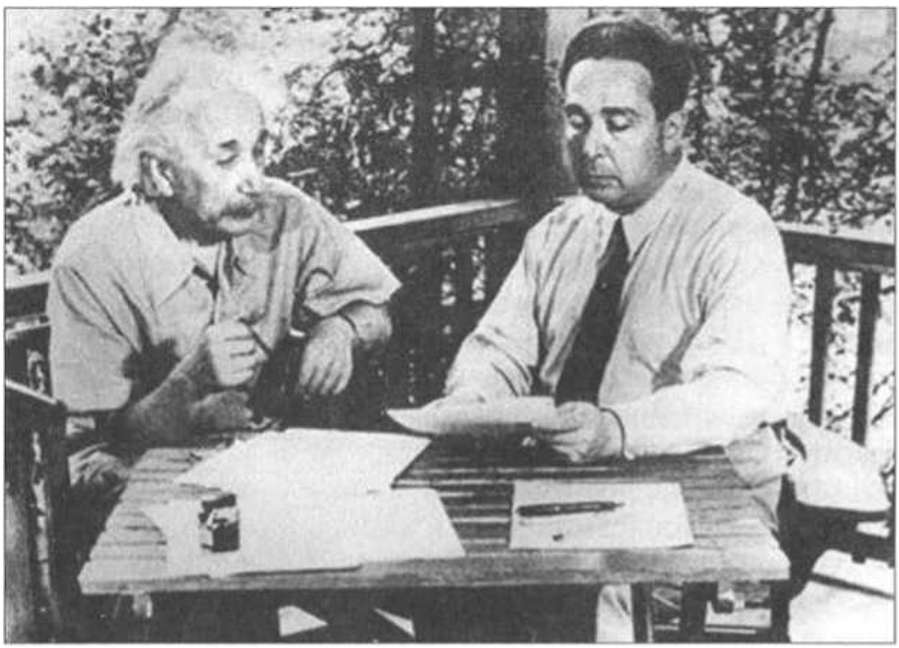
Позиция Нильса Бора, Оппенгеймера и Ферми во многом разделялась и выдающимся учёным Лео Сциллардом. Уже в 1970—80-е годы в печати появлялись публикации, из которых следовало, что Лео Сциллард на самом деле ещё больше симпатизировал СССР и идеям коммунизма, нежели его коллеги.

Эти публикации базировались на том, что у Сцилларда, который не выдерживал армейской дисциплины и секретности, связанной с «Проектом Манхэттен», просто не сложились из-за этого отношения с военным администратором проекта генералом Гроувзом. Последний даже настаивал на том, чтобы убрать Сцилларда из числа учёных, работающих над проектом, однако коллеги Сцилларда настояли на том, чтобы он продолжал свою научную деятельность. Вклад его и в теоретическую, и в практическую работу оказался неоценимым.

Москва получила из Лос-Аламоса пять секретных

обобщённых докладов о ходе работ по созданию атомной бомбы.

Как свидетельствует генерал Судоплатов, материал был предоставлен не только советским, но и шведским учёным. Правительство Швеции к 1946 г. располагало детальной информацией по атомной бомбе. Шведы отказались от создания собственного ядерного оружия из-за колоссальных затрат, но тот факт, что они имели достаточно данных, чтобы принять решение по этому вопросу, писал Судоплатов, позволяет сделать вывод: шведы получили, как и СССР, информацию по атомной бомбе, в частности, и от Нильса Бора, после того, как он покинул Лос-Аламос.



Альберт Эйнштейн и Лео Сциллард подписывают письмо Рузвельту, предупреждая его об опасностях, которые несёт создание атомного оружия

Уникальную роль в получении атомных секретов сыграл британский учёный Клаус Фукс — агент советской внешней разведки. По общему мнению экспертов, изучавших историю атомного шпионажа, именно Фукс был первым из западных учёных, который предоставил Москве подробнейшую информацию об атомной бомбе, создаваемой в США, причём как урановой, так и плутониевой. Фукс передал советским агентам значительный объём теоретических разработок, а также схемы с указанием размеров компонентов бомбы, так что советские учёные смогли начать практическую работу над самой

конструкцией взрывного устройства. На Западе полагают, что Клаус Фукс был самым важным агентом Кремля во всей системе атомного шпионажа.

Клаус Фукс

Клаус Фукс (1912–1988), британский учёный, коммунист, агент внешней разведки СССР. Родился в Германии. В 1933 он перебрался в Англию, где получил высшее образование. С 1941 г. Фукс начал работать в рамках программы ядерных исследований. Став в 1942 г. британским гражданином, он получил ещё больший доступ к атомным секретам.

В 1943 г. Фукс был направлен на работу в США, где смог познакомиться с конструкцией ядерного взрывного устройства, а в 1946 г. стал главой отделения теоретической физики научно-исследовательского центра по атомной энергии в Харуэлле. Практически с начала работы передавал в Москву информацию по атомной бомбе. Арестован в Англии в 1950 г. Выйдя в 1959 г. на свободу, переехал в ГДР, где стал директором Института ядерной физики.

Другим агентом, от которого поступала в Москву исходная информация, был завербованный по заданию Эйтингона в 1935 г. американский химик Гарри Голд.

К концу 1930-х годов, пользуясь связями в промышленных и научных кругах, он начал снабжать советскую разведку данными о важнейших направлениях в исследованиях американских

физиков и химиков. После назначения в отдел теоретической физики в Лос-Аламосе Голд стал не только агентом, но и связником Фукса. Именно ему Фукс передал чертежи атомной бомбы.

Игорь Курчатов (1903–1960). Под его руководством советские учёные построили в 1946 г. атомный реактор и создали атомную, а затем и водородную бомбы

Когда информация об атомной бомбе была доложена Берии, он впервые за многие годы задумался, стоит ли вообще заниматься атомной проблемой и докладывать о ней Сталину.

Он не исключал, что имеет дело с дезинформацией, которая заставит расходовать и финансовые, и людские ресурсы в огромных масштабах, а результат может при этом быть нулевым. Однако доклад Верховному Главнокомандующему по этому вопросу был всё же сделан, после чего и Су-доплатов, и Эйтингон получили новые задания. В Москву начала поступать более обширная информация по атомной проблеме.

Подтверждение того, что в США начинаются разработки особо секретной проблемы, связанной с оружием огромной мощности, и что на эти цели американская администрация выделяет двадцать процентов всего бюджета военно-технических исследований, пришло от людей, которым и Судоплатов, и Эйтингон доверяли как немногим: от резидента в Сан-Франциско

Григория Хейфеца и агента Семёнова, который учился в Массачусетском технологическом институте и установил обширные связи с учёными и инженерами. Они подтвердили, что к работе над ядерным устройством американцы привлекают ведущих учёных.

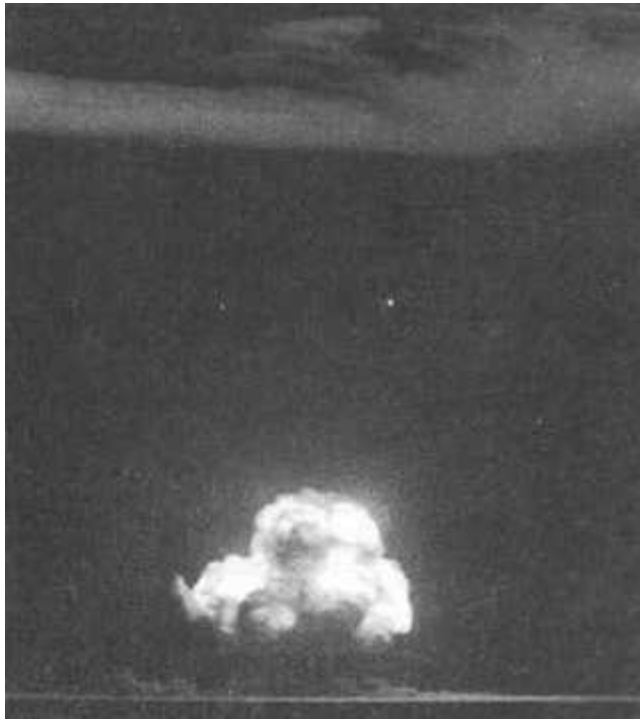
Семён Семёнов.
Последние годы жизни он работал истопником в котельной

В марте 1945 г. советский физик Курчатов познакомился с полученными из Америки материалами и пришёл к выводу, что речь идет о вполне реальной программе. С этого момента учёные-физики СССР и весь советский разведывательный аппарат работали как единое целое и во имя единой цели: как можно быстрее догнать американских учёных и инженеров-ядерщи-ков и создать собственный ядерный потенциал.

Мог ли Советский Союз создать атомную бомбу без документов, полученных из США и Великобритании? Мог, в этом нет ни малейшего сомнения. Ещё до войны в некоторых научных центрах страны начались научные разработки, связанные с ядерной энергией. Будущие академики Зельдович и Харитон даже сделали доклад на эту тему в Ленинградском физико-техническом институте.

Эту проблему изучали — правда, в чисто теоретическом плане — первоклассные учёные. В стране уже была научная и

техническая база, которая позволила позже создать атомную промышленность.



Атомный взрыв на атолле Тринити 16 июля 1945 г. — испытание первой американской атомной бомбы

Как бы не были талантливы советские учёные Игорь Курчатов или Юлий Харитон, но в Советском Союзе в то время не было учёных с такими мировыми именами как Ферми, Сциллард и Оппенгеймер.

Без полученных от внешней разведки сведений, на создание советского ядерного оружия ушло бы значительно больше времени, сил и средств.

Даже сегодня, спустя более 60-ти лет после взрыва первой советской атомной бомбы, мы знаем далеко не всё о политических решениях, которые были приняты тогда в Кремле, и тем более о работе внешней разведки в тот сложный период.

Говорить о роли генерала Эйтингона в получении атомных секретов особенно трудно. Огромную роль играет тот факт, что в США и в Великобритании проживают потомки агентов Судо-Платова и Эйтингона, да, возможно, и сами агенты, не раскрытые до сих пор. Естественно, что информация о них самих и их деятельности, связанной с «атомной проблемой», до сей поры является секретной.

В многочисленных изданиях об указанной проблеме, в

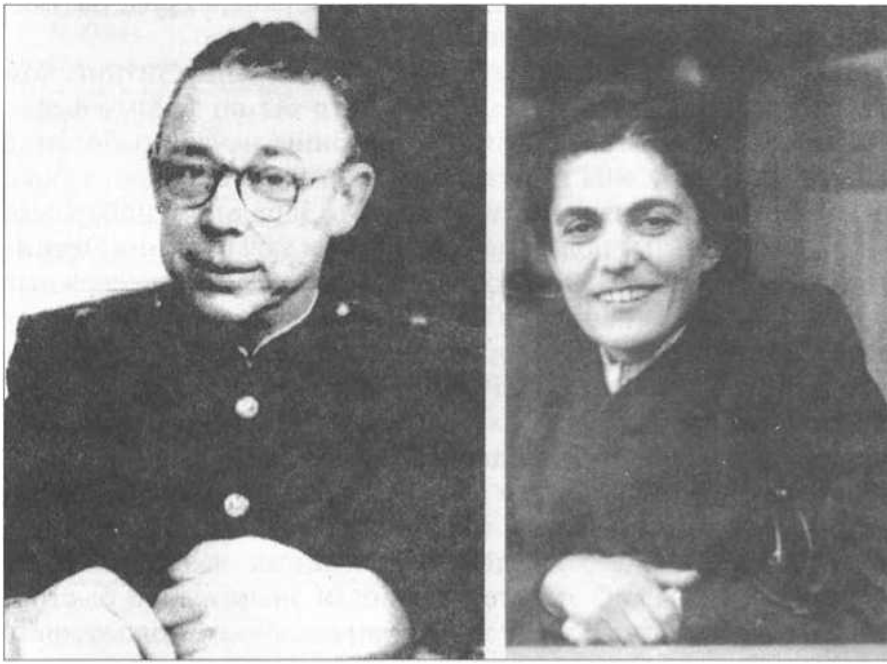
мемуарах разведчиков и даже в официальных справочниках фамилия Эйтингона редко упоминается в связи с «атомной проблемой» не потому, что Эйтингон ею не занимался, а потому, что он был арестован и отсидел 12 лет «за сообщничество с Берией». Хотя генерал и был реабилитирован, упоминать его имя применительно к столь важной операции, видимо, считают неуместным.

Нью-Йорк. В резидентуру советской разведки сходились данные от многих агентов, добывающих атомные секреты

Однако, Эйтингон сыграл уникальную роль в добыче атомных секретов.

Для решения столь важной проблемы требовались надежные законсервированные агенты и организация разведывательной сети с системой связи. Частично к этому привлекались уже действующие агенты в США и Великобритании, но речь шла о том, чтобы создать сориентированную на узкую проблему и во много раз более законспирированную сеть.

Эта работа начиналась не на пустом месте. Фундамент для неё был создан Эйтингоном и его сотрудниками.



Супруги Василий и Елизавета Зарубины — разведчики высочайшего класса. Перед поездкой в Америку их напутствовал сам Сталин

Бывая в Америке ещё в начале 30-х годов, Эйтингон хорошо освоил методику работы в этой стране. Ему было известно, что начиная примерно с 1920 г. в американской армии не было военной контрразведки, а ФБР не занималось контрразведкой с 1924 г. Это дало возможность ему и работникам отдела нелегалов налаживать широкие связи с коммунистами и с людьми, симпатизирующими СССР, почти до самой Второй мировой войны. Поэтому, когда Эйтингону во время его пребывания в США и Мексике в 1939–1941 гг. было дано исключительное — и крайне редкое для разведчика! — право вербовать и использовать в интересах разведывательных операций людей по собственному усмотрению без санкции вышестоящего начальства, он смог использовать прежний опыт и прежние контакты. Причём, ему было дано разрешение действовать через родственников, имевших связи в научных кругах.

Насколько важной оказалась уже проделанная Эйтингоном работа по вербовке, можно судить хотя бы по такому факту. Когда советские агенты супруги Зарубины начали работать в США, Лиза Зарубина восстановила контакты с двумя глубоко законспирированными агентами на Западном побережье США. Эти агенты, польские евреи, были завербованы Эйтингоном ещё в

начале 1930-х годов. Им были выделены денежные средства, чтобы они осели в Калифорнии, получили работу, которая дала бы доступ к портовым сооружениям и причалам, чтобы в случае войны СССР с Японией агенты смогли бы осуществлять диверсии на судах, вывозящих в Японию стратегическое сырьё, в первую очередь, нефть и металл.

Добрый десяток лет эти агенты были законсервированы и не получали никаких заданий. Это сыграло свою положительную роль, т. к., не отягощённые текущими заданиями и не боящиеся провалов, эти агенты смогли значительно быстрее интегрироваться в среду и занять определённое положение в обществе.

Как следует из воспоминаний сотрудников НКВД, один из этих агентов, имевших кодовое имя «Шахматист», был зубным врачом.

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Эйтингон
имя Наум отчество Исаакович
2. Пол муж. 3. Год рождения 1899 4. Место рождения:
а) по существующему адм. делению гор. Могилев, БССР
б) по существующему адм. делению
5. Национальность еврей 6. Соц. происхождение:
а) бывш. сословие (звание) родителей мещане
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции отец слушатель Уч. с 1912 г. после Октябрьской революции
7. Основная профессия (занятие) в настоящее время слушатель
(для членов ВКП(б) — к моменту вступления в партию) стаж работы по этой профессии с 1917 года
8. Соц. положение слушатель 9. Партийность член ВКП(б) 10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Полесский организационный в гор. Гомеле 11. Партстаж с октября 1919 года № партбилета 2035385 или к/карточки
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с — по — 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) с марта 1917 года по август 1917 года в партии С.Р. гор. Могилев. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет с какого и по какое время и причины исключения или выбытия
15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) Нет
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года —
17. Образование среднее

	Подробное название учебного заведения (вуза, втуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год) поступления	Дата (м-ц, год) окончания или ухода	Окончил ли (да, нет)	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания учебного заведения
Общеобразовательное и специальное	Среднюю школу в гр. Могилеве			1918	Окон.		
	Размыты от Военной Академии им. Фрунзе в Москве		1923	1925	Окон.		
Партийно-политическое							

18. Ученая степень (звание) генерал-майор 19. Имеет ли научные труды и изобретения нет (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
20. Был ли за границей да

Дата (м-ц, год) с какого времени	Дата (м-ц, год) по какое время	В какой стране (указать город)	Цель пребывания за границей
		В разных странах	Служебные командировки

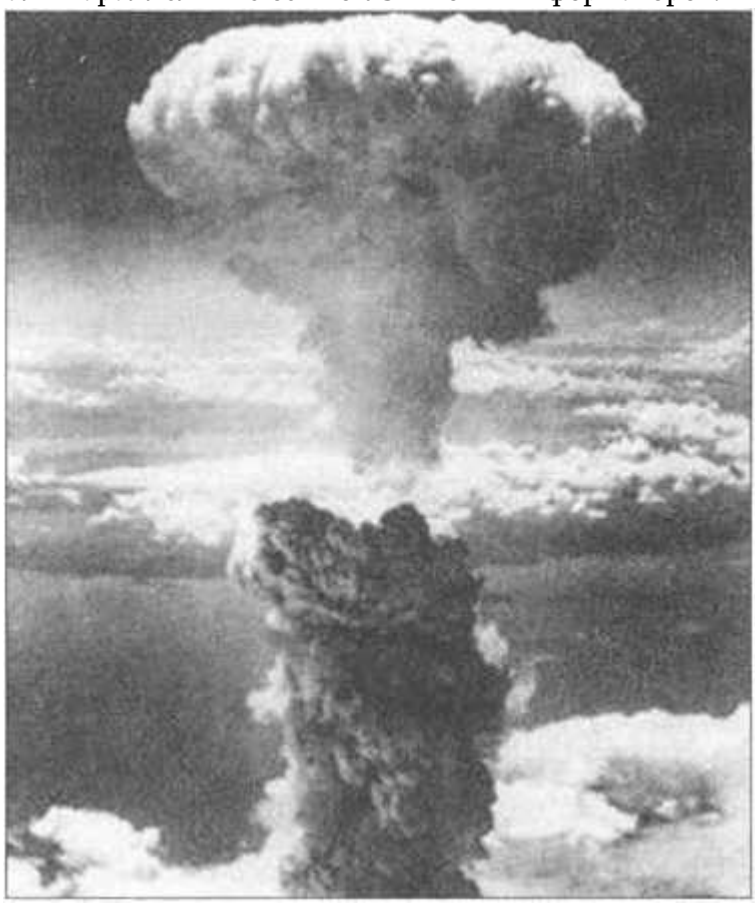
Личный листок по учёту кадров Н.И. Эйтингона

Он прошёл обучение во Франции, там же и получил диплом зубного врача, причём, за его обучение заплатило ГПУ. Именно жена «Ш ахматиста» смогла установить дружеские отношения с семьёй Оппенгеймера. Советской разведке удалось установить такую конспиративную связь с семьёй Оппенгеймера, которая не

могла вызвать никаких подозрений у ФБР. Плотность советской агентуры вокруг крупнейших учёных, занимавшихся реализацией «Проекта Манхэттен», была поразительной.

Существенным вкладом Эйтингона в систему будущих операций стало его участие в создании нелегальных групп вокруг АМТОРГа, торгового представительства СССР в Америке, которое было создано ещё до установления дипломатических отношений между США и СССР в 1933 г.

АМТОРГ стал первичной базой для проведения разведывательных операций. Некоторые сотрудники АМТОРГа, выполнявшие задания разведки, осуществляли вербовку местных жителей, поддерживавших политику СССР, а те, в свою очередь, создавали параллельные сети связников и информаторов.



Ядерный гриб над Нагасаки. В результате второго после Хиросимы американского ядерного взрыва погибло около 74 тыс. жителей города и ещё больше было искалечено; множество людей умерло впоследствии от лучевой болезни

Что же касается агентуры Эйтингона в Мексике, то она была с

1940 г. законсервирована, и только спустя 3 года он передал её резиденту Василевскому, который перед своей отправкой в Мехико получил формальное разрешение на использование каналов связи и самих агентов. Как свидетельствовал генерал Судоплатов, именно через эти каналы Василевский наладил контакт с учёным Бруно Понтекорво в Канаде и с некоторыми специалистами в Чикагской лаборатории Ферми. Это дало возможность миновать нью-йоркскую резидентуру советской разведки, так как там и так сходилось слишком много нитей. Секретные материалы пересылались в «почтовый ящик», которым служила аптека в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, а уже оттуда курьер доставлял их в Мексику, где их получали и переправляли в Москву представители резидентуры.

Павел Анатольевич Судоплатов рассказывал нам, откуда взялся этот «почтовый ящик». Его создали в Санта-Фе Эйтингон и Григулевич, когда готовилась операция против Троцкого. Как известно, у Григулевича было прикрытие — его отец владел сетью аптек в Латинской Америке, так что здесь ни у кого подозрений не возникало. Аптеку в Санта-Фе Эйтингон и Григулевич оформили на одного из членов группы, а после покушения на Троцкого этот канал был законсервирован. Спустя несколько лет он стал чрезвычайно важен для новых операций, и функционировал исправно и долго.

Другая заслуга Эйтингона в том, что он, вместе со своим напальником Павлом Судоплатовым и другими руководителями внешней разведки, организовывал работу и руководил операциями по получению секретов по атомной энергии, продолжая при этом курировать и прочие направления разведки.

Именно Эйтингон, который дал системе операций по получению технических и научных данных об атомной бомбе название «Инормоз», в переводе с английского «Огромная».

В связи с тем, что начиная с 1943 г. получение сверхсекретных сведений о новых видах вооружений на Западе, в первую очередь об атомных, стало одной из приоритетных задач разведки. В Центре велась большая организационная, аналитическая и подготовительная работа для проведения всё новых и новых операций, связанных с этой задачей.

Легендарный советский разведчик Рудольф Абель, а правильнее сказать — Вильям Фишер, которого направили в США в 1948 г., рассказывал, что, работая в тандеме Судоплатов и Эйтингон, представляли собой исключительно сильную комбинацию.

Судоплатов был собран, чёток, дипломатичен. Его задачей было определение, в зависимости от решений руководства,

магистральных направлений деятельности по тому или иному вопросу.

Эйтингон больше занимался анализом, деталями, организационными проблемами, выполняя роль начальника штаба.

Слушать их иногда было крайне интересно: один предлагал самые различные по сути и порой очень неожиданные решения, другой — выполнял роль так называемого «адвоката дьявола», находя слабые или уязвимые места в каждом плане. О том, какую выдающуюся роль играл Эйтингон как организатор разведывательной работы, говорили и писали многие ветераны внешней разведки.

Эйтингон безошибочно отбирал людей для выполнения заданий, которые были образованными, деликатными и лёгкими в общении: ведь им предстояло общаться с крупнейшими учеными, людьми, порой легкоранимыми и не терпящими никакого напора и давления. Практически все агенты, которые начинали работу, связанную с атомными секретами, были апробированы Эйтингоном и Судоплатовым как наиболее подходящие к такому роду операций: среди них были, наряду с Хейфецем, такие профессионалы, как Каспаров, Семёнов, Овакимян.

Григорий Хейфец, например, помимо того, что был человеком эрудированным и тонким, обладал огромным обаянием и легко сходился с людьми самых разных взглядов и интересов.

После войны, в начале 1950-х годов, подполковник Хейфец, увы, не избежал участи, постигшей многих офицеров разведки — евреев. Он был обвинён в пресловутом «сионистском заговоре» и уволен из разведки. Впрочем, были уволены и агенты высочайшего класса — уже упомянутые супруги Зарубины.

Судоплатов и Эйтингон умели просчитывать ходы вперёд. Растущая плотность советской агентуры в сферах атомных секретов не могла их не беспокоить, и это было доложено Берии.

Было принято решение о смене структуры операций. Павел Судоплатов писал в своих воспоминаниях, что он и Эйтингон направили Хейфецу и Семёнову инструкции — передать нелегальной резидентуре всех информаторов и все «рабочие контакты», касающиеся Оппенгеймера в Калифорнии. Причём Берия издал приказ — не сообщать никому из американского направления разведки об этой передаче информантов и контактов. Предусмотрительность опытных разведчиков имела большое значение: она обеспечила бесперебойную работу каналов информации и тогда, когда условия её получения существенным образом изменились.

В феврале 1943 г. служба перехвата и радиоразведки войск связи США (впоследствии ставшая Агентством национальной безопасности) начала работать над программой под названием «Венона». Целью этой программы было расшифровать и использовать в работе контрразведки кодированные сообщения, проходившие по советским дипломатическим каналам связи, начиная с 1939 года. Объём информации, который был записан американцами, был гигантским — десятки тысяч шифрограмм. Каждая из них имела вместо текста группы из пяти цифр.

Впоследствии советской разведкой, как писали известные западные криптоаналитики, использовались шифрограммы из 4 или даже 3 групп цифр. Однако, независимо от количества цифр в группе, в Москве шифр считался абсолютно безопасным. Дело в том, что для связи использовался, как правило, одноразовый код. Поясним, что это такое. Одноразовый код — это лист бумаги, на котором, к примеру, 70 групп цифр самого разного вида. Зашифровав своё донесение в форме цифр, причём так, что каждой букве соответствует определённая группа цифр, агент, передающий сообщение, прибавляет к каждой группе цифр в своей шифровке ту группу цифр, которая содержится на листе одноразового кода. Теперь найти аналогичные буквы или слова в шифре становится практически невозможным. Поскольку одноразовый код всё время менялся, определить системное повторение групп цифр дешифровщики были не в состоянии.

Расшифровка такого текста представляет немалую сложность, и поэтому этот процесс занимал несколько лет. Но с помощью компьютеров, возможности которых в Москве ещё полностью не оценили, был сделан существенный прорыв.

В октябре 1943 г. лейтенант Ричард Хэллек заложил в компьютер 10 тысяч шифрограмм торговой миссии, чтобы определить повторяемость текста. Когда вычисления были сделаны, в 7 случаях удалось определить элемент повторяемости. На следующем этапе началась работа с шифрограммами, которые, как подозревали, были отправлены в Москву агентами советской разведки. К концу 1944 г. американцам удалось проследить параллели в сообщениях, а ещё через два года лингвист Мередит Гарднер смог расшифровать в кодированных агентурных сообщениях имена некоторых американских учёных. Благодаря расшифрованным данным ФБР удалось вывести английскую контрразведку на Клауса Фукса, а через него выйти на Гарри Голда. В результате был арестован ещё один советский агент — Гринглас, а затем и чета Розенбергов.

С 1945 года Судоплатов и Эйтингон уже знали о существовании программы «Венона». Информация о ней

поступила как от тщательно законспирированных агентов в американской администрации, так и Уильяма Вайссмана, американского офицера, работавшего на советскую разведку. Вайссман был прикомандирован к программе «Венона» как специалист по русскому языку и мог получать информацию. До того, как он вступил в армию, Вайссман жил на западном побережье, где был связником у советского агента, работавшего в авиационной промышленности. Как тот, так и другой были в своё время завербованы по указанию Эйтингона.

Вайссман знал о том, что программа «Венона» осуществляется, хоть и медленно, но с успехом. Он не знал, что именно удалось расшифровать. А также о том, что стало известно американцам о сети советской агентуры и об учёных, от которых поступала важная информация. Был, однако, советский агент, который эти сведения получил и передал в Москву. Им был Ким Филби.

В тот критический период Ким Филби был представителем британской разведки в Вашингтоне. Он получал информацию о программе «Венона» ещё до приезда в Вашингтон. Но здесь объём информации о ней был уже другим, гораздо более обширным — имелись копии переводов некоторых шифрограмм, а также некоторые рассылочные данные, направлявшиеся в разведывательные и контрразведывательные службы США и Великобритании. В них содержались имена, опознанные в результате прочтения шифрограмм.

Эту информацию Филби получал до самого 1950 г. Благодаря добытым сведениям, он узнал и про то, что советский агент Дональд Маклин, другой член «кэмбриджской пятерки», находится под подозрением, а также прочёл имена и других агентов, которых распознали американцы, и дал им команду покинуть США и перебраться в СССР.

Успех программы «Венона» был относительным и, безусловно, запоздалым. Многих агентов Кремля и учёных, сотрудничавших с ними, распознать американцам не удалось. Они настойчиво пытались выяснить, например, кто же скрывается под кодовыми именами «Перс» и «Квант», но это оставалось для них тайной за семью печатями.

Морис Коэн

Лона Коэн

Важнейшим фактом явилось то обстоятельство, что система разведывательных операций в Америке была тщательно продумана и продублирована. В начале 1943 г. руководить атомным шпионажем в Америку отправили начальника научно-технического отдела внешней разведки Леонида Квасникова. В Моек-ве соответствующий отдел возглавил разведчик Лев Василевский.

Эйтингон был не очень доволен этим назначением Квасникова: он считал, что лучшие специалисты должны в Москве фильтровать получаемые из США материалы, и Василевскому без Квасникова это будет сделать нелегко. Эту мысль руководители внешней разведки высказали и Берии. Но он, судя по всему, стремился получить как можно больше данных в возможно более короткий промежуток времени, и наличие технического специалиста на месте могло помочь сориентировать агентов на получение конкретной информации по нужным направлениям.

Судоплатов и Эйтингон были убеждены, что Квасникову нельзя полагаться только на уже имеющиеся каналы информации, и считали, что нужно расширить поле деятельности атомной

разведки в США. Дело в том, что как бы хорошо ни получалось у Квасникова, перекрытие одного канала информации грозило — в случае провала или усложнения условий работы — приостановкой получения технической информации на последнем, критическом этапе. Другой проблемой могла быть, в случае обнаружения американской контрразведкой канала утечки информации, специально подготовленная американцами дезинформация. Чтобы не допустить этого, было решено направлять двум агентам параллельно одни и те же вопросы: это и сняло множество второстепенных вопросов, возникающих по ходу получения материалов, а во-вторых, подтвердила Москве точность информации, передаваемой, к примеру, Клаусом Фуксом, так как её идеальным образом подтверждала и дополняла информация от агента «Персей» (или «Перс»). Подтверждаемая информация шла не через Квасникова, а через параллельные каналы, которые Эйтингон установил задолго до этого.

Немаловажную роль в деятельности управления «С» сыграло также то, что Судоплатов и Эйтингон не стали сосредоточивать внимание только на исследовательском центре в Лос-Аламосе, а уделили серьёзное внимание центру в Беркли. Судо-платов писал в своих мемуарах, что, хотя советской разведке удалось внедрить в окружение Оппенгеймера, Сцилларда и Ферми своих информаторов, а также получать огромный объём информации через Клауса Фукса, главным каналом научнотехнической информации оставался именно центр в Беркли, куда неизбежно поступала информация и из Лос-Аламоса. Оттуда и приходили важнейшие сведения на последнем, заключительном этапе системы операций, предшествующем практическому созданию атомной бомбы, и к тому времени, когда американцы осознали необходимость больших усилий контрразведки и на этом участке, дело уже было сделано. Москва прекратила связь со своими агентами в Беркли, и никто из них в сети контрразведки не попал.

Источники информации и агенты внешней разведки добыли 286 секретных научных документов и закрытых публикаций по атомной энергии. Получение значительной части этих документов и их передача в Центр стали возможными не только благодаря уже знакомой нам «кэмбриджской пятёрке», но также и Морису Коэну, с которым Эйтингон познакомился ещё во время Гражданской войны в Испании. В последние её месяцы Морис был ранен в обе ноги и довольно долго пролежал в госпитале. Коэн не сожалел о своём участии в этой войне и оставался убежденным коммунистом.

Сотрудничество Мориса Коэна с советской разведкой началось в Америке. Как один из ветеранов Гражданской войны в Испании и коммунист, он был приглашён на работу в русский павильон на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Здесь с ним познакомились агенты внешней разведки, которые пригласили его работать в АМТОРГ. С этого времени он стал одним из доверенных лиц Нью-Йоркской резидентуры и выполнял ответственные задания советской разведки почти два десятилетия. В Америке на связи с Коэном был Семён Семёнов.

Еще в 1930-е годы Морис Коэн познакомился со своей будущей женой Лоной, которая стала его верным помощником на протяжении всей его разведывательной карьеры. Надо сказать, что она сыграла немаловажную роль в качестве связника, доставляя в Нью-Йорк добытую информацию. Один из наиболее известных эпизодов её деятельности в роли связника носил почти анекдотический характер. Он произошёл в 1945 г. Лона находилась в поезде, идущим в Нью-Йорк, когда к ней подошёл офицер службы безопасности. Это произошло вскоре по-еле того, как ей передали коробку с салфетками, в которой была информация по «Проекту Манхэттен». Лона попросила его подержать коробку, после чего предъявила к осмотру багаж. Закончив его, офицер вернул ей коробку и перешёл к осмотру багажа других пассажиров…

Тед Холл

В Америке полагают, что человеком, передавшим Лоне коробку, был совсем молодой учёный, работавший над «Проектом Манхэттен» — Тед Холл. Он тоже был идеалистом и считал, что монопольное право США распоряжаться энергией ядерного взрыва может привести к тому, что его страна станет фашистским государством. Лона и Тед Холл встречались по меньшей мере ещё один раз, и вновь материал, переданный советской резидентуре, оказался крайне важным для советских учёных.

Эйтингон был задействован не только в операциях по получению атомных секретов, но и, будучи работником государственного масштаба, в организации атомного производства, которое осуществлялось под непосредственным руководством Лаврентия Берии. Это ему потом припомнят: ведь все, что делал Берия, было при Хрущёве ошельмовано. Между тем работа эта была огромная, требовавшая и знаний, и опыта, и широты мышления.

Мать нам рассказывала, что отец в конце войны и сразу после её окончания очень часто выезжал в командировки в Восточную Европу, главным образом, в Венгрию и в Болгарию. Сегодня уже не секрет, что он занимался там проблемами добычи урана. Особенно частыми были его поездки в Болгарию: он встречался там с Георгием Димитровым и другими государственными деятелями, которые оказывали ему содействие. Особенно близок он был с Иваном Винаровым, которого он хорошо знал ещё по работе в Китае и с которым вместе работал в Турции во время Второй мировой войны.

И. Щорс на 100-летнем юбилее Эйтингона

Дело в том, что ещё в январе 1945 г. Государственный Комитет Обороны выпустил постановление — совершенно секретное и особой важности за подписью Сталина и адресованное Молотову и Берии, в котором предписывалось организовать в Болгарии поиск, разведку и добычу урановых руд, а также совместное болгарско-советское акционерное общество по разработке урановых рудников. Созданное акционерное общество возглавил Игорь Щорс, сотрудник разведки и горный инженер по образованию. В 2004 г. Щорс был ешё жив, ему было уже за девяносто, тем не менее он охотно рассказывал нам о своей работе во время войны и по-еле неё, об инструктаже, который он получал от Эйтингона.

Принимал участие Эйтингон и в отборе инженерных кадров, которых готовили к переброске в США, Великобританию и Канаду. Но здесь первое слово принадлежало Льву Василевскому, начальнику научно-технической разведки: он подбирал для

загранработы способных физиков. Полковник Василевский несколько раз выезжал в Швейцарию и Италию на встречу с Бруно Понтекорво. Встречался он и с Жолио-Кюри.

С началом «холодной войны» настроения учёных на Западе изменились, и они стали отказываться от сотрудничества с учёными Советского Союза, а со временем свели контакты с ними до минимума. Но дело было уже сделано: в августе 1949 г. Советский Союз испытал свою атомную бомбу.

Система операций, проведённых советской внешней разведкой в связи с добычей атомных секретов, обеспечением контактов с ведущими физиками мира и пересылкой научных материалов в СССР, является беспрецедентной по масштабу и продолжительности, равно как и по эффективности.

Как считают многие эксперты на Западе, эта работа превосходит по параметрам весь комплекс операций, проведённых ЦРУ в России в период с 1987 по 1993 гг. — а этот комплекс мероприятий считается самым крупным в истории американской разведки.

Крупнейшие учёные мира работали над созданием атомной бомбы в Америке и для Америки; сегодня мы знаем, что они помогали создавать и советский ядерный потенциал.

Порой можно услышать и такое мнение: «Были же проколы!

Взрыв первой советской атомной бомбы (1949 г.)

В 1950 г. арестовали и судили Клауса Фукса и другого британского физика Аллена Нан Мея, который работал в Лос-

Аламосе и тоже снабжал советских агентов данными по «Проекту Манхэттен» (Мей получил десять лет тюремного заключения). Казнили супругов Розенберг, которые были информаторами Москвы. А в 1946 г. в Канаде были схвачены 22 коммуниста, которые помогали внешней разведке. Расшифрованы некоторые секретные послания от агентов из Америки в Моек-ву. Была арестована и во всём призналась работавшая на советскую разведку Лиз Бентли. Так что не всё шло гладко…»

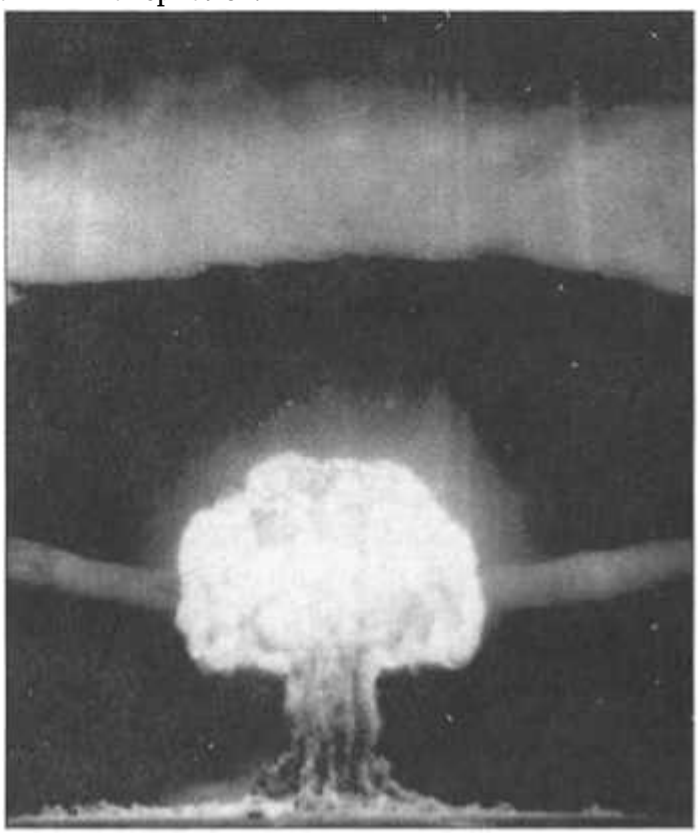
Супруги Розенберг Джулиус и Этель

Нельзя забывать масштаб системы операций, которая была создана для получения информации из США. Более 200 агентов работало в этой системе. После создания Сталиным в 1944 г. Управления «С» — специальных операций, одной из важнейших целей которых было получение секретной информации от ведущих американских учёных, включая Роберта Оппенгеймера, Нильса Бора, Энрико Ферми и Лео Сцилларда. Под началом Судоплатова и Эйтингона работало около 40 нелегалов, нацеленных на лаборатории в Лос-Аламосе и Беркли. При таком количестве действующих агентов и при огромном объёме передаваемой информации возможно всё.

Тем более, что, как и во все времена, свою мрачную роль в работе разведки сыграло предательство.

В 1944 г. перебежал к американцам сотрудник АМТОРГа Кравченко: он знал немало о том, какую роль играет его фирма для прикрытия разведывательной активности вокруг атомных центров.

В сентябре 1945 г. стал предателем шифровальщик ГРУ Гузенко: он работал в Канаде. Вынесенные им из советского посольства материалы оказались весьма полезны для ФБР и канадской контрразведки. А спустя два месяца начала свои сенсационные разоблачения на допросах в ФБР Элизабет Бентли, которая созналась в том, что работала на Москву, и назвала десятки имён, связанных с ней людей в США. Благодаря откровениям Гузенко и Бентли, американским криптоаналитикам и удалось прочесть часть передаваемых агентами в Москву шифрованных материалов.



Апофеоз советской атомной программы, руководимой Маршалом Лаврентием Берия и учёным Игорем Курчатовым: взрыв термоядерной бомбы в 1953 г.

Что касается казни Джулиуса и Этель Розенберг, то, как справедливо полагал сам Джулиус, она была неизбежна — так же, как была неизбежна антикоммунистическая истерия начала 1950-х годов. И то, и другое было необходимо правящим кругам США, чтобы заставить народ примириться с войной в Корее и увеличить военные ассигнования. Кроме того, истеблишмент наглядно продемонстрировал левым силам, что за сотрудничество с СССР

теперь будут сурово карать.

Мало кто сомневался, что, по сути дела, Розенберги передавали советской разведке довольно важную информацию о технических новинках в области электроники и авиации, но если говорить о ядерном оружии, то информация о нём могла быть у Розенбергов только периферийной. Основная утечка происходила из лабораторий ведущих учёных в этой области.

Но два американских учёных, от которых шла важнейшая информация об атомной бомбе и которые были обозначены в посланиях советской разведки кодовыми именами «Перс» («Персей») и «Квант», так никогда и не были разоблачены. И в этом — тоже особая заслуга Судоплатова и Эйтингона.

Глава VIII. ДВАЖДЫ УЗНИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пока генерал Эйтингон проводил долгие часы за рабочим столом, в перелётах в разные концы огромной страны и в поездках за её рубежами, его близкие жили жизнью обычной московской семьи. Был ли в этой семье достаток? Наверное, был: дети были одеты в добротную одежду, да и Муза могла кое-что время от времени себе покупать. Генерал, хотя у него и был «выездной» гардероб, любил ходить на прогулку с детьми в военной форме — ему нравилось, что они гордятся отцом. Только в такое время он позволял себе блеснуть генеральским мундиром и орденской колодкой: во всем остальном он был скромным человеком и требовал того же от всех членов семьи.

Единственным его увлечением, ненадолго отрывавшим его от семьи, оставалась охота. Объездив весь мир и повидав на своем веку столько, что хватило бы на несколько биографий, Эйтингон ценил простые житейские радости: семейный уют, любовь детей, преданность жены. Зло, которое встречалось на его пути, научило его ценить добро во всех формах и проявлениях, и он щедро делился этим умением с детьми.

Эйтингон на охоте

Незадолго до нового 1951 года, когда отец был в отъезде, в семье приобрели щеночка. Щенок был белый, пушистый и,

конечно, всем нравился. Когда приехал отец, он заметил, что было бы совсем неплохо приобрести охотничью собаку, которая стала бы сопровождать его на охоте. Прошло несколько недель и наши соседи, которым очень понравился щенок, доверительно сказали матери, что, если мы задумаем приобретать другую собаку, они с удовольствием возьмут у нас нашего щенка. Мать хотела сделать отцу приятное и сообщила ему, что мы нашего щенка можем теперь отдать и купим для отца охотничью собаку. Он, однако, улыбнулся и сказал: «Охота, конечно, дело хорошее, но дети уже привыкли к этой собачке, да и я тоже. Пусть она останется у нас…»

После войны

Семья ждала приближения нового года. Он был прежде всего праздником детей: с нарядной ёлкой и множеством сверкающих игрушек, но ещё — с конфетами «Мишка», пирожными и тортами, мандаринами и засахаренными орехами; мало кто мог позволить себе роскошь лакомиться всем этим круглый год. За окном в Новый год чаше всего была метель, а в доме было тепло, весело и торжественно.

В наших глазах и сейчас стоит ёлка, которую привёз накануне праздника водитель отца. Может быть, это потому, что с той новогодней поры в нашем доме уже никогда не было большой елки. Она была такой высокой, что, когда её поставили в ведро с песком, макушку пришлось отрезать, чтобы водрузить на неё звёздочку. Под потолком парили огромные воздушные шары, а

вокруг были гирлянды и ленты. В доме стоял запах пирогов и мандаринов. А под ёлкой были подарки для всех членов семьи. Мы радостно встретили 1951 год. И ничто в ту ночь не предвешало беды…

Осенью сын Эйтингона Леонид должен был идти в первый класс, и отец старался улучить минуту, чтобы позаниматься с ним чтением. У Леонида не всегда получалось, и тогда отец нервничал, ходил по квартире, переживал, ссорился с сыном, потом обнимал его и снова заставлял заниматься. Леонид хотел стать моряком, и поэтому ему выбирали школу, в которой преподавали английский язык. Обучение тогда было раздельное, и школа для мальчиков с английским языком оказалась не так уж и близко: для того, чтобы добраться до неё, нужно было перейти проспект, по которому мчались автомобили. Поэтому директор школы взял с матери мальчика подписку, что она обязуется провожать его в школу и встречать после занятий. Подземных переходов тогда не было.

Семья в полном составе. 1950 год

Летом Муза с детьми поехала на отдых в Анапу. В 1938 году Муза работала в Анапе в детском санатории — эта была педагогическая практика для студентов института физкультуры. Ещё тогда она обратила внимание на благотворное влияние анапского климата на детский организм. Эйтингон остался в Моек-ве, было много работы. Незадолго до окончания отдыха Муза получила письмо:

«Дорогая Муза.

Пишу тебе второпях несколько слов, так как неожиданно уезжаю из Москвы на десять-пятнадцать дней. Я ждал всё время твоего письма, но, к сожалению, ты по-видимому не торопилась писать или может быть почта не совсем нормально работает. Меня очень интересует как вы живёте, как ваше здоровье. Будь любезна, получив это письмо, телеграфом сообщить мне, что у вас слышно и когда вы намерены вернуться. Не забудь, дорогая, что Леониду нужно в школу, и если он опоздает, это может плохо отразиться на его учебе.

Письмо и телеграммы шли по имеющемуся у тебя адресу. Мне их Саша (Тимашков) будет пересылать. Также ему я оставлю на всякий случай для тебя денег, и он будет тебя встречать, если меня ещё не будет. Нежно вас и крепко целую.

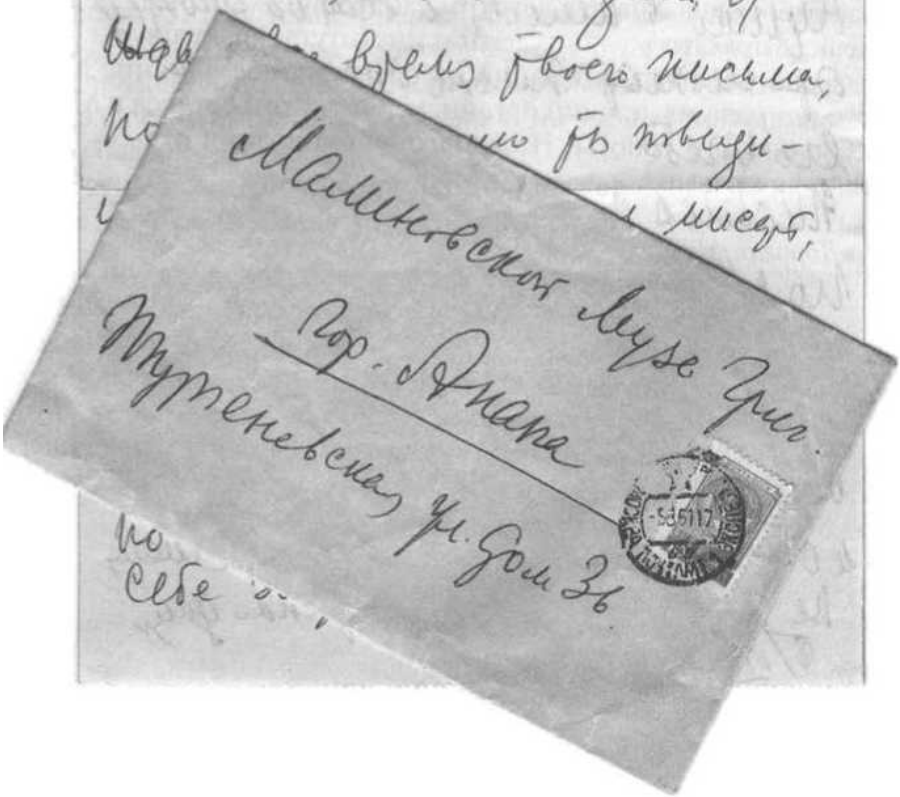
Леонид.»

Как Эйтингон и предполагал, встретить семью после отпуска он не смог. Не смог он и проводить Лёню в первый класс. Зато первого сентября Лёня получил первую в жизни телеграмму на своё имя, в ней было поздравление от отца.

Дорогая Муза,

Пишу тебе вторично несколько
слов, так как неожиданно, уезжаю
из Москвы на 10-15 дней. Я
[illegible] время твоего письма,
[illegible] по твоему
[illegible] месяц,

по себе [illegible]



Леонид Райхман (1908—90). Как и его товарищи, генерал-лейтенант Райхман был обвинён в «сионистском заговоре» и арестован в 1951 году. Освобождён Берией. Вторично арестован по приказу Хрущёва спустя два года. Получил 8 лет тюрьмы, но связи в Кремле помогли ему добиться реабилитации уже в 1957 году

Генерал Эйтингон находился тогда в Литве. Ему и его товарищам удалось обезвредить руководство террористической организации, которая устраивала нападения на местные органы власти, взрывы и поджоги. В октябре он вернулся в Москву. Он позвонил и весёлым голосом объявил, что будет дома через сорок минут. В доме началась праздничная суета. Все приводили себя в порядок; Муза-большая и Муза-маленькая бросились надевать лучшие платья, готовить на стол.

Генерал не пришёл домой в тот день. Он даже не позвонил. Не пришёл он и на следующий день. Домочадцы притихли, вся квартира замерла в ожидании. Муза ждала вестей — и очень боялась, что вести эти будут горькими и тяжёлыми. Она не ошиблась.

Вот что рассказал отец, спустя много лет своим детям об этом дне. Вернувшись в Москву, он и его сотрудники направились к себе в управление. Какое-то время генерал провёл в своём кабинете: ему нужно было написать отчёт. Потом он позвонил Музе и сообщил, что едет домой. Когда он вышел на улицу, то заметил, что за ним ведётся слежка. Эйтингон был слишком опытным разведчиком, чтобы не понять, что стал объектом наружного наблюдения советской контрразведки. Цель её была генералу ясна; он побродил по Москве, делая петли и меняя маршруты на ходу, и вскоре понял, что ему не уйти от преследования. Тогда он принял решение вернуться назад в управление: он не хотел, чтобы его арестовали дома — боялся, что пришельцы напугают детей.

В кармане у него были деньги, которые предназначались на нужды семьи. Он зашёл к одному из своих приятелей и оставил деньги ему — для передачи Музе, и только после этого вернулся на Лубянку. Там его уже ждали.

Скорее всего, главной целью ареста Эйтингона было избавиться от преданного Родине бойца, который бы смог выполнять такие же особо важные задания Сталина, как накануне Ве-ликой Отечественной войны.

Кроме Эйтингона были арестованы и другие сотрудники. Всех арестованных обвиняли в незаконном хранении ядов, а также в том, что они являются участниками «сионистского заговора», цель которого — захват власти и уничтожение высших руководителей государства, включая Сталина.

Эйтингон на аэродроме

Арест опытнейших и преданных стране офицеров секретной

службы был только частью кампании, которая разворачивалась в стране. Кроме них ранее был арестован министр госбезопасности Абакумов, ряд партийных деятелей, а также врачи, работавшие в кремлёвских больницах и поликлиниках.

Для того, чтобы понять природу этих событий, необходимо прежде всего представить себе расстановку политических сил в стране. Сталин был стар и не всегда здоров. Заниматься делами государства в том же объёме, как раньше, ему было нелегко. Тем более, что значительную часть времени он проводил в работе над трудом «Экономические проблемы социализма в СССР» («без теории — нам смерть!»). Большая часть работы была переложена им теперь на помощников и членов ЦК. И здесь довольно быстро сложилось несколько группировок; самые мощные из них формировались вокруг Хрущёва, Маленкова и Берии. Партийная бюрократия и армейские генералы поддерживали Хрущёва.

На поведение самого Сталина и на деятельность каждой из этих группировок немалое влияние оказали три фактора. Первым из них было создание государства Израиль. В 1947 году Сталин оказывал немалую помощь евреям в воюющей Палестине, просившим СССР о поддержке и обещавшим Сталину создать «социалистический Израиль». Он даже позволил перебросить туда трофейные немецкие самолёты и направил в Израиль довольно большое количество офицеров-фронтовиков, включая выпускников советских военных академий, которые были евреями по национальности.

Однако проамериканская политика созданного еврейского государства не могла нравиться в Москве. Сталин считал себя обманутым. Поэтому все контакты видных советских деятелей-евреев с израильскими руководителями он воспринимал как личное оскорбление. С возрастом став ещё более подозрительным, он опасался сторонников сионистской идеи в собственном окружении. В известном смысле рождение Израиля даже привело к некоторому росту антисемитизма в СССР, особенно в армии.

Вторым фактором было усиление позиций тех партийных бюрократов и военных, которые считали, что за их заслуги они имеют право на значительно большие льготы и блага. Хрущёв постоянно обещал им, что, будь он во главе страны, он бы непременно осыпал бы их льготами и чинами, как из рога изобилия (и действительно сделал это в отношении своих сторонников, став диктатором). Особенно много и часто он заигрывал с военными. Сблизившись с маршалами и генералами, Хрущёв рассчитывал на их поддержку.

Наконец, третьим фактором было рождение в результате

Второй мировой войны «социалистической системы»: несколько восточноевропейских стран стали сателлитами СССР. Теперь речь шла о разделе уже другого, значительно более жирного пирога, чем прежде: посольские посты, назначения в оккупационные контингенты, да и многие другие возможности становились средством поощрения за личную преданность. Именно в этот период создалась ситуация, когда высокопоставленный партийный бюрократ мог, воспользовавшись своим положением, обеспечить благополучие и своей семьи, и всех своих родственников. Так каждый из них и поступал — на протяжении всего оставшегося периода существования Советского Союза!

Хотя решающая схватка «за российский трон» наступит только через два года, контуры её наметились уже в 1951 году. С 1946 года Лаврентий Берия был практически отстранён от управления секретной службой: он занимался главным образом созданием ракетно-ядерного потенциала и развитием перепективных отраслей промышленности. Это дало возможность интригану Хрущёву и поддерживающим его генералам довольно быстро спланировать первую фазу захвата власти. Она заключалась в том, чтобы очернить ряд ключевых фигур в правительстве, убрать их с политической сцены и создать условия для будущего «дворцового» переворота.

Первым делом Хрущёв заручился поддержкой члена Политбюро Маленкова, к которому благоволил Сталин, и добился в 1950 г. назначения своего друга и сторонника Игнатьева на пост заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК: это значило, что теперь контроль за всей «номенклатурой» в стране был в руках Игнатьева, Хрущёва и Маленкова.

Семён Игнатьев (1904–1983) — один из главных организаторов «дела врачей», мастер кремлёвских интриг, оказавшийся в итоге их жертвой

В июле 1951 г. был арестован и посажен в тюрьму министр госбезопасности Абакумов, бывший шеф военной контрразведки СМЕРШ. Абакумов был арестован по доносу своего подчиненного Рюмина, который «прославился» применением к подследственным изощрённых пыток. Здесь важно то обстоятельство, что донос на Абакумова был написан в кабинете не кого-нибудь, а именно Игнатьева. Какого рода сделка была заключена в этом кабинете, ясно даже ребёнку: Рюмин был тут же назначен заместителем министра государственной безопасности СССР. Взамен Игнатьев получил бумагу, в которой Абакумов обвинялся в том, что затягивает расследования по важным преступлениям и готовит заговор с целью захвата власти. Политбюро это абсурдное обвинение не смутило: ведь Рюмин был теперь человеком Хрущёва.

Рюмин Михаил (1913–1954), сотрудник СМЕРШ во время Великой Отечественной войны, в 1947–1951 гг. — старший следователь Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. По наущению Хрущёва и Игнатьева создал дело о «сионистском заговоре», который, якобы, готовился евреями-офицерами МГБ и евреями-врачами ведомственных клиник и больниц. После того, как Рюмин помог Хрущёву и Игнатьеву

уничтожить Абакумова, он был из органов уволен. История Рюмина — классический пример того, какая судьба ожидает «иуду». После того, как Берия стал министром внутренних дел, он арестовал Рюмина и освободил заключённых им в тюрьму невинных людей. После ареста и казни Берии Рюмин, однако, на свободу не вышел: так как он знал слишком много. Рюмин был расстрелян своими подельниками Игнатьевым и Хрущёвым в июле 1954 г.

Сразу после ареста Абакумова Хрущёв и Игнатьев добились от Политбюро, чтобы последний был назначен «представителем ЦК в МГБ». Это был политический трюк: в октябре он уже стал министром госбезопасности. В хрущёвские времена о нём говорили как о «первом чекисте нового типа» — имея в виду демократизм. Чтобы опровергнуть этот миф, достаточно заметить, что на одном из первых своих совещаний он призвал сотрудников «снять белые перчатки» и избивать арестованных, соблюдая при этом меры осторожности…

Игнатьев Семён (1904–1983), партийный функционер, типичный аппаратчик, один из организаторов репрессий в Туркестане, Бурятии и Башкирии, выдвиженец Маленкова и друг Хрущёва, один из главных организаторов «дела врачей-убийц», в ходе которого были брошены в тюрьмы без всяких оснований сотни врачей-евреев, работавших в центральных больницах и клиниках. Став министром госбезопасности, он довёл число заключённых в подведомственных лагерях до двух с половиной миллионов человек. После смерти Сталина, когда Берия стал руководителем секретной службы, в которую влились и МВД, и МТБ, Игнатьев сначала взлетел на должность секретаря ЦК КПСС, но вскоре был отстранён: стала известна его роль в «деле врачей». Маленков спас его от тюрьмы и отправил снова в Башкирию. Хрущёв, однако, в 1960 г. избавился от опасного свидетеля, уволив его со всех постов и установив за ним наблюдение.

Для многих высших офицеров МГБ с первого дня стало ясно, что арест Абакумова — это начало новой чистки. Но даже они не подозревали, какого масштаба репрессии готовятся в очередной раз против преданных стране и своему делу людей.

Поскольку Игнатьев, Хрущёв и Рюмин вели речь о «сионистском заговоре», первый удар был нанесён по офицерам-евреям. Вот почему, когда ничего еще не подозревавший генерал Эй-тингон вернулся в Москву, он был арестован людьми Рюмина.

Игнатьев и Рюмин, копируя «костоломов Ежова», призывали следователей не стесняться в выборе средств, чтобы получить нужный результат. Следователю, который возглавлял следствие по этому делу, удалось выбить фантастические признания у

начальника токсикологической лаборатории МГБ Майроновского (он отказался от них в 1958 г.) и у заместителя начальника секретариата Абакумова — Бровермана.

Но когда в конце 1952 года Рюмин, тогдашний заместитель министра госбезопасности Игнатьева, был снят с должности, следственная часть оказалась не в состоянии представить обвинительное заключение против Майроновского в том виде, в каком его подготовил Рюмин.

Врачи-евреи, находившиеся под следствием, обвинялись в том, что выполняли задание Абакумова. Приписываемые им преступления казались чудовищными: они, якобы, планировали уничтожение советских руководителей с помощью ядов, полученных из МГБ. Но показания начальника токсикологической лаборатории, которая, якобы, снабжала их ядами, не подкреплялись признаниями врачей, арестованных по делу «заговорщика» Абакумова: врачи даже не имели понятия об этой лаборатории. Налицо была явная подтасовка фактов.

Каким образом велось следствие при «министре-демокра-те» сегодня уже широко известно. Подследственных зверски избивали, помещали в карцеры со специальным охлаждением, почти постоянно держали в наручниках и кандалах. И это происходило не в средневековье, даже не на заре революции, а в начале 1950-х годов!

Любопытно, что протоколы допросов, если они не содержали желаемых признаний, просто уничтожались. Это было в духе Хрущёва: по его приказам на всем протяжении его правления из архивов изымались и уничтожались документы, способные пролить свет на многие вещи: на его собственную роль в репрессиях конца 1930-х годов и на государственный переворот 1953 года, который совершили Хрущёв и армейские генералы.

Софья Исааковна Эйтингон — сестра генерала Эйтингона. Она была арестована и осуждена по «делу врачей»

Пытки и издевательства свою роль сыграли. Из всех подследственных «заговорщиков» только Абакумов, Эйтингон, Питовранов и Матусов ни в чём не признали себя виновными.

Через две недели после ареста Эйтингона арестовали его сестру, которая была врачом. По сценарию Рюмина, именно она выступала в роли связного между врачами-убийцами и заговорщиками в МГБ. Осуществляла же она эту связь через своего брата — генерала Эйтингона. В те дни Москва была буквально наводнена слухами — один страшнее другого. «Еврейские врачи и фармацевты травят простых советских людей», — слышалось в пивных, в скверах, в подъездах. Поговаривали и о возможных погромах. В доме воцарился страх.

Детям сказали, что отец находится в командировке, для них это было нормальным объяснением: ведь он так часто уезжал. Правда, на этот раз командировка, похоже, затянулась, но всё же его отсутствие не воспринималось как что-то из ряда вон выходящее. Теперь мы понимаем, в каком постоянном страхе, скрываемом от нас, жила наша мать: ведь она узнала, что отец в

тюрьме.

Спустя много лет она рассказала нам, что чувствовала в то время. Ведь отец был реалистом, он прекрасно знал, какой порядок установлен в стране, и в 1946 году, когда мать сказала ему, что ждет второго ребёнка, он, горько улыбнувшись, произнёс: «Это прекрасно, это замечательно, но вся сложность в том, что я, наверное, даже не успею вырастить Леонида». На самом деле он высказал то, что камнем лежало на его сердце.

Генерал — лейтенант Евгений Питовранов (1915–1999). Он отрекся от товарищей, поддержал абсурдные обвинения в их адрес и остался в руководстве МГБ

После ареста генерала семья его оказалась в безвыходном положении. Хотя Муза и дети оказались без всяких средств к существованию, ужас их положения был даже не в этом. Муза, хорошо помнившая опыт довоенных арестов, когда не щадили ни взрослых, ни детей, очень боялась, что арестуют и её, а маленьких Леонида и Музу отправят в разные детские дома, поменяв им имя и фамилию. Если Леонид уже посещал школу и был смышлёным мальчиком, то его сестре было всего 4 года, и мать очень боялась, что девочка потеряется, и найти её уже не удастся. Поэтому она писала тушью имя и фамилию маленькой Музы на ленточках,

проглаживала ленточки утюгом, чтобы буквы не полиняли во время стирки, и вшивала эти ленточки в трусики, в поясочек, на котором держались чулки, — словом, во все детское бельё. Она надеялась, что таким образом девочке удастся сохранить память о том, кто же она, откуда, как её на самом деле зовут…

Страх Музы усиливался тем, что не было никакой информации о муже, да и вообще о том, что происходит в стране. Единственным связующим звеном с семьёй Эйтингонов была сестра генерала, но и она была арестована.

Софья Исааковна получила 10 лет тюремного заключения за «неправильное лечение» и «сионистский заговор».

Любой стук в дверь, любой звонок казался теперь семье Эйтингона предвестником какого-то нового несчастья, и в доме все замирало и затихало. Муза не разрешала детям открывать дверь. Подходить к ней — тоже. Возможно, это была защита страуса, прячущего голову в песок, но Музе казалось опасной каждая незапланированная встреча, каждый лишний выход из дома. Время шло; надо было есть, пить, платить за квартиру. Уж были проданы все книги, которые представляли хоть какой-то интерес для букинистов, облигации трёхпроцентного займа, которые оставались в отцовском столе.

Этих скудных средств явно не хватало, чтобы вести хотя бы сносное существование.

Семья освободила одну комнату в своей двухкомнатной квартире и стала её сдавать. Муза использовала любую возможность заработать. Иногда она стирала бельё квартирантам, а для того, чтобы они не догадались, что это делала она сама, бельё стиралось и на ночь развешивалось в той комнате, в которой спала она сама и дети. Утром Муза снимала бельё, днем его гладила, и вечером свежая пачка белья лежала на столе.

Сталин со свитой в Кремле: последние годы жизни

Сейчас, по прошествии пятидесяти лет, трудно себе даже представить, что в стране, называющей себя «социалистической», можно было жить в такой нищете и унижении. Многие люди, которых лично не затронула трагедия 1950-х годов, считают, что этого просто быть не могло, что многое преувеличено и не может соответствовать действительности. И тем не менее, всё происходило именно так. Мы помним, как мать пыталась устроиться воспитательницей в детский сад. От такой работы могла бы быть двойная выгода: во-первых, она получала бы зарплату, а во-вторых, как сотрудница детского сада, она могла бы определить туда и маленькую дочку. В те времена это было очень сложно: мест в детских садах не хватало. Она подала документы. Прошло две или три недели. Она пришла, чтобы узнать результат. В месте воспитателя в детском саду ей было отказано. У входа в детский сад висело объявление о том, что здесь требовалась няня, и мать попросила дирекцию взять её хотя бы на эту работу. Ей велели прийти через неделю, и вновь отказали в работе. Заведующая детским садом, явно смущаясь и опустив глаза, сказала: «Извините, мы не можем взять вас на работу даже няней, потому что у вас высшее образование». Мать была в отчаянии. Но, с другой стороны, она понимала, что чем больше она будет настаивать, тем большее количество организаций будет проверять её анкетные данные и тем больше опасность, что нас не оставят в покое, и мы не сможем дальше жить в Москве. Поэтому поиски работы были временно прекращены…

Перед самым Рождеством в доме Эйтингона появился невысокий мужчина с усами и бородой. Маленькая Муза пойнтере-совалась, кто же это, и услышала от матери ответ: «Дед Мороз…» Так как незнакомец принёс детям подарки, девочка поверила. Только спустя несколько лет стало известно, что это был муж её тети. Звали его Захар Борисович, и он был единственным человеком, который мог оказать семье Эйтингона посильную помощь в период, когда любой контакт с семьёй «врага народа» мог стоить покоя, свободы, а то и жизни. Не надо забывать, что Софья Исааковна Эйтингон тоже находилась в тюрьме. Он теперь один растил и воспитывал двух дочерей, но у него хватило нежности и душевного тепла на двух детишек, которые осиротели при живом отце.

1952 год не принёс никаких изменений. Единственным событием в жизни маленьких Леонида и Музы стало знакомство со старшими детьми Эйтингона, с их братом и сестрой по отцу. Они были уже взрослыми, закончившими институты людьми, и в сознании ребят не очень тогда укладывалось, что это их брат и сестра, но всё равно детей радовал приход старших Эйтингонов.

Детям по-прежнему говорили, что отец в командировке, и они в это верили. Но мир стал совсем другим. Особенно он изменился для матери. Она познакомилась с московскими ломбардами. Она старалась держаться, и мы очень благодарны ей за то, что она прошла через все унижения, которым её подвергла обстановка, ни в коей мере не уронив своего достоинства….

Инженер-металловед Серафима Исааковна Эйтингон и

профессор, доктор технических наук Израэл Исаакович Эйтингон. Они, как могли, поддерживали семью Эйтингона в трудное для неё время

В ломбарды заложено — и уже никогда не было выкуплено — всё, что имело ценность. Но Муза-старшая, уйдя из жизни, оставила детям то, что сейчас для них ценнее всего: её переписка с их отцом, её архив, её записные книжки. Вот, к примеру, записная книжка-ежедневник за 1953 г. Первая запись сделана 5 марта: «Умер И.В. Сталин». 9 марта — следующая запись: «Похороны И.В. Сталина». А 20 марта сделана лаконичная запись, которая содержит больше эмоций, чем многие страницы пространного текста: «Л. — дома». Л — это Леонид, так она всегда звала мужа. Но уже на следующий день, когда чувства её переполняли, она написала в своей книжке: «Папа снова с нами!».

Эти записи сегодня говорят о многом: это одновременно и история семьи, и история страны.

Став главой расширенного министерства внутренних дел, Лаврентий Берия распорядился прекратить дела обвиняемых в «сионистском заговоре» и «участии в планах захвата власти Абакумовым». Когда Эйтингона в очередной раз вызвали надопрос к следователю, он к своему удивлению увидел на месте следователя двух генералов: Кобулова и Гоглидзе. Так как Кобулов был уволен из органов несколько лет назад, его присутствие здесь, да еще в генеральском мундире, очень о многом сказало Эйтингону. Он понял, что в стране произошли перемены, и что Берия, скорее всего, стал руководителем секретной службы страны.

И всё же вопрос, который был ему задан, немало его удивил. Он ждал только худшего, а его спросили, будет ли он служить в органах и дальше, как только его выпустят из тюрьмы. Хотя Эйтингона мучила язва желудка, обострившаяся в тюрьме, от службы он никогда не отказывался. Он твёрдо сказал, что готов служить Родине.

Тогда разговор перешёл в другое русло. Ему сообщили, что Сталин умер, и Берия теперь назначен главой нового министерства внутренних дел, в которое влилось и министерство госбезопасности. Теперь за всю контрразведку в стране отвечал Кобулов. Он обещал Эйтингону, что тот уже через несколько дней будет на свободе: нужно было выполнить кое-какие формальности. Но все обвинения с Эйтингона были сняты.

В ответ Эйтингон стал просить Кобулова, чтобы на эти несколько дней его перевели в другую камеру, как можно дальше от камер, в которых допрашивают арестованных с пристрастием:

душераздирающие крики, доносившиеся из следственного изолятора, не давали ему спать. Кобулов сказал в ответ, что на этот счёт Эйтингону уже не надо беспокоиться: во-первых, Рюмин сам арестован и сидит под следствием, а во-вторых, новый министр внутренних дел Лаврентий Берия приказал немедленно прекратить избиения и пытки арестованных.

Отец рассказывал детям, что пока шла эта беседа, он не мог отделаться от мысли, что всё это — игра, западня, какая-то ловушка. Злоключения последнего времени заставили его другими глазами смотреть на все и на всех. И только когда Кобулов одёрнул конвоира, который прикрикнул было на отца, и сказал ему, чтобы тот обращался с Эйтингоном уважительнее, как с генерал-майором госбезопасности, не находящимся под следствием, отец успокоился. Он понял, что всё происходящее — не спектакль, а реальность, и что он действительно вскоре будет на свободе…

22 мая в тетради Музы была сделана запись о том, что вернулась домой Софья Эйтингон, сестра генерала. Нелепые обвинения Рюмина и его костоломов рухнули окончательно. Когда Судоплатов от имени Эйтингона доложил Берии о её деле, Берия приказал своему заместителю Круглову немедленно её освободить. Спустя полчаса в Верховный суд страны было отправлено письмо, в котором МВД просило аннулировать приговор, а дело — закрыть.

Казалось, справедливость восторжествовала. Но это была только видимость. Наверху шла страшная, бескомпромиссная борьба, кровавая схватка за власть. Она, как воронка водоворота, засасывала всё новые жертвы. Победу в ней одержала группировка Хрущёва, которую составляли партийные бюрократы и беспринципные интриганы самого низкого пошиба, люди, которые всю жизнь занимались аппаратной деятельностью и ради сохранения власти и своего положения наверху готовы были растерзать любого, кто стоял на их пути. Как показала в дальнейшем их политическая деятельность и их провалы в экономике, они были совершенно неспособны управлять страной.

Иван Серов (1905–1990), первый Председатель КГБ, один из организаторов хрущёвского переворота. Хрущёв сорвал с него погоны генерала армии после разоблачения предателя Пеньковского, к которому Серов благоволил, но, учитывая прежние заслуги, просто понизил на три звания

Как же сложилось, что именно эта группировка оказалась у власти? Ответ несложен: в стране произошёл военный переворот. Группировку Хрущёва поддержали военные — маршалы и генералы, возглавляемые Жуковым, популярным военачальником в стране.

Павел Батицкий (1910–1984),

Маршал Советского Союза. Как и другие военные, участвовавшие в «ликвидации Берии», он достиг и наивысшего чина, и самых высоких должностей в военной бюрократии. Батицкий вызвался собственноручно расстрелять Берию

Надо ли теперь говорить, почему в 1951 г. министр госбезопасности Абакумов, прежний начальник военной контрразведки СМЕРШ, ведущей дела сановных воров, а также многие его сослуживцы были по приказу Хрущёва, Игнатьева и верхушки генералитета арестованы и расстреляны — и это несмотря на то, что смертная казнь была тогда отменена!

Генерал Виктор Абакумов (1908–1953).

Бывший руководитель СМЕРШ и министр госбезопасности, он был расстрелян, так как слишком много знал о маршалах и генералах

Абакумов Виктор Семёнович родился в 1908 г. в Москве в семье рабочего. Член ВКП(б) с 1930 г., с 1932 г. — в органах НКВД. С 1941 г. заместитель наркома НКВД. В 1941 г. стал начальником Управления Особых отделов НКВД СССР, а в 1943 г. — начальником Главного управления контрразведки Наркомата обороны (СМЕРШ). Занимал должность министра госбезопасности с 1946 по 1951 гг., генерал-полковник.

Абакумов и его люди были смертельно опасны для армейских генералов — они знали то, чего не знала страна, боготворившая своих воинов-победителей. Некоторые из армейских генералов даже угодили в тюрьму, но были впоследствии выпущены захватившим власть Хрущёвым; что же касается Жукова, то Сталин ограничился тем, что отправил его с понижением должности в провинцию. Это была фатальная ошибка, дорого обошедшаяся стране. Жуков и возглавил после его смерти военный переворот.

Никита Хрущёв был плохим политиком и бездарным

экономистом. Но он был гениальным интриганом. Говорят, что тот, кто может что-то сделать, делает; кто не может, тот плетет интриги. Как следствие, интриганы часто оказываются на высоте положения. Искусно плетя сети внутри Политбюро после смерти Сталина, Хрущёв сначала настроил старых его членов против Берии, убеждая их в том, что Берия — ревизионист и отступник. Маленкову, популярному человеку в партии, он внушал мысль о том, что Берия хочет выжить его с поста Председателя Совета Министров и вообще готовит дворцовый переворот. Маршалам же он сказал одно: за ваши «шалости» периода войны вам, в случае прихода Берии к власти, придётся ответить. Действуйте.

«Архитектор оттепели» действовал не только с помощью интриг. Не брезговал он и подкупом. Некоторым генералам пониже рангом, которые должны были принять участие в готовящемся перевороте, он обещал присвоить за готовящуюся акцию звание Героя Советского Союза. Правда, желаемого они не получили, но наградили их в 1954 г., тем не менее, боевыми наградами: Орденом Красного Знамени. И должностями этих военных Хрущёв тоже не обошёл.

Поскольку Берия после смерти Сталина стал руководителем объединённой секретной службы, угроза разоблачения была вполне реальна для каждого из вороватых вельмож. Но особенно серьезно её восприняли маршалы и генералы. Тайно пронеся в Кремль оружие, они схватили Берию, посадили сначала на военную гауптвахту, а затем в военный бункер. Заметим, что арест маршала Берии был осуществлён без санкции прокурора: речь шла о самом настоящем терракте.

Судила его «тройка» во главе с маршалом Коневым, а, якобы, расстрелял из трофейного немецкого пистолета «парабеллум» человек, который, видимо, больше всех боялся разоблачений: тот самый будущий Главком ПВО Батицкий. Видимо, роль палача была ему по душе.

Берия Лаврентий Павлович (родился 29 марта 1899 г. в селе Мерхеули близ Сухуми, убит 26 июня 1953 г. в Москве) — сын крестьянина. Маршал Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии. В РСДРП(б) с 1917 г. По заданию Кирова проник в муссаватистскую контрразведку в Азербайджане, был на подпольной работе в меньшевистской Грузии. С 1921 г. — в ЧК. С 1926 г. — председатель ГПУ Грузинской ССР и заместитель председателя ГПУ Закавказской Федерации. В период с 1931 по 1938 гг. — первый секретарь ЦК КП(б) Грузии. Спас Сталина во время покушения на него в Абхазии в 1933 г. — закрыл его своим телом. В конце 1938 г. назначен заместителем наркома внутренних дел

Николая Ежова и начальником Главного управления государственной безопасности; довольно быстро вскрыл множество сфабрикованных последним дел и, после ареста Ежова, выпустил из тюрем и лагерей более 300 тысяч необоснованно осуждённых. В годы подготовки к отражению фашистской агрессии, будучи заместителем председателя Совета Народных Комиссаров, секретно создавал склады оружия, боеприпасов, материалов и средств военного производства за Уралом, готовил планы перебазирования предприятий в глубь страны. Во время Великой Отечественной войны возглавлял объединённый наркомат внутренних дел и государственной безопасности, был членом Государственного Комитета Обороны и курировал работы по созданию атомного и ракетного оружия. Под его руководством в СССР была создана атомная, а затем и водородная бомбы. Человек необычайной работоспособности, он после войны одновременно курировал несколько важных направлений в государственной деятельности, включая политико-экономические мероприятия на территории Восточной Европы, перспективные направления военного производства, разведку. После смерти Сталина стал руководителем министерства внутренних дел, в которое влилось и министерство государственной безопасности. В восьмую годовщину Победы объявил амнистию для более чем миллиона заключённых, прекратил «дело врачей», сократил аппарат секретной службы, приостановил работы над амбициозными и ненужными проектами государственного масштаба, начал переговоры с югославскими руководителями о нормализации отношений, а также предлагал осуществить объединение Германии, при условии, что она будет демилитаризованной и нейтральной. В июне 1953 г. Л.П. Берия был обвинен в шпионаже р пользу западных держав, попытке ликвидации Советского государства и установления власти буржуазии. Ни одного факта, подтверждающего подобные абсурдные обвинения, в его обвинительном заключении не было.

Лаврентий Берия. Снимок сделан накануне Великой Отечественной войны

Вслед за арестом Берии последовали аресты других высших чинов секретной службы; были казнены по таким же диким обвинениям в шпионаже и терроризме генерал-полковник Бахшо (Богдан) Кобулов и его брат — бывший руководитель атомной разведки генерал-лейтенант Амаяк Кобулов, генерал-лейтенант Лев Влодзимирский, заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Сергей Гоглидзе, бывший посол в Германии генерал Владимир Деканозов. Теперь правду об участниках хрущёвского переворота можно было похоронить навсегда.

Избавившись от одного опасного конкурента, Хрущёв веко-ре избавился и от другого — Маленкова. Когда в 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял решение сместить Хрущёва с поста первого секретаря и сделать министром сельского хозяйства, он снова обратился за помощью к своим подельникам — генералам, и в первую очередь, к Серову, а также к Маршалу Жукову.

На военных самолётах в сопровождении офицеров в Моек-ву были доставлены члены ЦК, сторонники Хрущёва. Под давлением генералов и секретных служб они отменили решение Президиума и восстановили Хрущёва на посту первого секретаря. Члены

Президиума Маленков, Молотов и Каганович, выступившие против него, были вышвырнуты из Кремля и на долгие годы сосланы на периферию под неусыпный надзор. В том же году Хрущёв избавился и от ставшего теперь опасным Маршала Жукова. Он был коварно смещён с поста министра обороны и тоже отдан под наблюдение КГБ.

1953 год был таким же страшным годом расправ с неугодными, какими были 1937 и 1938 гг. Как и в 30-е годы, репрессии затронули не только правящую верхушку страны, а также, хоть и в меньшей мере, но и простых граждан.

В июле генерала Эйтингона вынудили уйти в отставку. Отстранены от работы были также супруги Василий и Елизавета Зарубины, агенты международного класса, начальник научнотехнической разведки МГБ Василевский. Вскоре были арестованы генерал Судоплатов и его заместитель Эйтингон.

Вот что позже рассказал детям отец. Судоплатова арестовали на работе. Что же касается Эйтингона, его забрали из дома — ведь он был уже «отставник». Генерал сидел на кухне и пил чай. Когда раздался звонок в дверь, он сразу понял, что пришли его арестовывать. Он сказал пришедшим: «Оружие под подушкой», встал, оделся и вышел. Эйтингон хотел, чтобы в его деле фигурировало, что он добровольно сдал оружие и не оказал никакого сопротивления при аресте. Он был опытным человеком, хорошо знающим свою страну. Как и генерал Судоплатов, он был доставлен в Бутырскую тюрьму.

Но если в первый раз его арестовали тайно, и мало кто догадывался о причинах его долгого отсутствия, то сейчас ситуация изменилась. В партийных организациях крупных предприятий, в институтах, на заводах и фабриках устраивались партийные собрания, на которых зачитывались списки так называемых «изменников Родины», часть из которых была посажена в тюрьму, а другая часть уже расстреляна. В этих списках значился и генерал Наум Исаакович Эйтингон.

В 1953 г. с семьёй Эйтингона вообще перестали общаться. От нас отвернулись даже самые близкие люди. Не здоровались соседи по лестничной клетке, старые друзья.

Судоплатов писал в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-е—1950-е»: «В 1953 г. меня и Эйтингона обвинили в том, что мы организовали ликвидацию неугодных Берии людей — с помощью ядов, на специальных конспиративных квартирах, в загородных резиденциях, и эти убийства преподносили как смерть от несчастных случаев. Абакумов также обвинялся в уничтожении неугодных ему людей. Вопреки требованиям закона, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре по нашим делам

не фигурировали имена наших жертв. Это было не случайностью или результатом небрежной работы следователей. Нет, они своё дело знали. Жертв просто не было, не существовало. В сведении личных счетов Берии и Абакумова с их противниками ни я, ни Эйтингон участия не принимали. Все тайные ликвидации двойных агентов, политических противников Сталина и Хрущёва в 1930–1950 годах осуществлялись по приказу правительства. Именно поэтому конкретная боевая операция, проводимая моими подчиненными — сотрудниками лаборатории «Икс» против врагов, действительно опасных для советского государства, как тогда представлялось, ни мне, ни Эйтингону в вину не ставили. Абакумову, лично отдававшему приказы от имени правительства о проведении операций, они также не ставились в вину. Берия же в 1945–1953 гг. не имел к этим делам никакого отношения, даже не знал о них. Вся работа лаборатории «Икс» — не только научная, была хорошо известна как тем, кто занимался расследованием дел Берии и Абакумова, так и правительству, и ЦК партии, наблюдавшим и направлявшим ход следствия по этим делам и определявшим его содержание. В обвинительном же заключении по моему делу утверждалось, что именно я наблюдал за работой сверхсекретной токсикологической лаборатории, которая экспериментировала с ядами на приговорённых к смерти заключённых в период с 1942 по 1946 гг. Это обвинение было снято при моей реабилитации, поскольку в архивах ЦК КПСС и КГБ обнаружили утверждённое правительством положение, регулировавшее всю деятельность этой лаборатории и порядок отчетности о её работе. Лаборатория «Икс» мне не была подконтрольна, и я не мог ни отдавать приказы её начальнику Майроновскому, ни использовать яды против кого-либо, тем более проводить с ними эксперименты на людях. И сейчас показаниями, выбитыми у Майроновского, якобы участника сионистского заговора в МГБ, которого никогда не существовало, пытаются спекулировать, чтобы дискредитировать и меня, и Эйтингона.»

1 сентября 1954 года

Судоплатову и Эйтингону все-таки немного повезло — они не попали в первую волну осуждённых по делу Берии. Жены этих осуждённых, в лучших традициях 30-х годов, были арестованы и сосланы вместе с детьми.

Шел второй год пребывания генерала Эйтингона в Бутырской тюрьме. За это время и в стране, и за рубежом произошли большие перемены. Осмелев, стали издавать свои мемуары «невозвращенцы» и просто предатели. Вышли в свет мемуары и Орлова-Никольского, бывшего резидента НКВД в Испании, бежавшего в Америку с кассой резидентуры. В этих мемуарах он поведал о том, что был участником передачи республиканцами Советскому Союзу золотого запаса Испании. Теперь к Эйтингону в тюрьму стали наведываться следователи, чтобы выяснить, какая судьба постигла испанское золото, найти документы, подтверждающие его передачу СССР. В правительстве рассматривался вопрос о возвращении этого золота франкистской

Испании. Был и другой вопрос, интересовавший следователей, — убийство Троцкого в Мексике. Эйтингона стали вызывать на допросы регулярно. Содержание вопросов не менялось; впрочем, не менялись и его ответы.

В феврале 1955 г. он написал письмо в ЦК КПСС на имя Маленкова, Хрущёва, Ворошилова, Молотова, Булганина, Микояна и Кагановича. Обратился он к ним так: «От арестованного бывшего сотрудника МВД СССР, члена КПСС с 1919 года, генерал-майора Эйтингона». Он надеялся, что повторный арест — ошибка, что Политбюро разберется. Заместитель начальника Бутырской тюрьмы полковник Колтунов доложил о письме Хрущёву. На сопроводительном документе стоит пометка «Доложено тов. Хрущёву и тов. Суслову М.А.».

Хрущёв на трибуне. После смерти Сталина сначала заявлял, что он — «верный ученик вождя», а потом именовал его преступником

Вот это письмо.

«Глубокоуважаемые товарищи!

Прошу извинить, что мне приходится Вас беспокоить, но тяжёлое положение, в котором я сейчас нахожусь, вынуждает меня обратиться к вам с этим письмом. В конце 1951 года я был арестован МГБ СССР, и после 17-месячного пребывания в тюрьме, в марте 1953 года меня освободили и мне было заявлено, что я полностью реабилитирован и никаких претензий ко мне нет. Действительно, я вскоре был восстановлен в Партии и на работе. Секретарь райкома, вручая мне партийный билет, предупреждал, чтобы я нигде в своих анкетах о моем аресте не писал.

В середине июля 1953 года я был вызван в отдел кадров МВД СССР, где мне зачитали приказ о моём увольнении из органов, но ничего членораздельного, чем вызвано такое решение, не сказали, а отделались общей фразой, что я не подхожу для работы в МВД (это после того, как я в течение почти 34-х лет непрерывно работал в органах государственной безопасности!)

Ф-2

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Упр.МВД Моск.обл.
Бутырская тюрьма
«1» марта 1955 г.
№ 00341
пр. МОСКВА

ТОЛЬКО ЛИЧНО СОВЕРШЕННО С

экз. №

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО

товарищу Н.С. ХРУЩЕВ

Направляется заявление заключенного ЭЙТИНГОН Наума Исааковича, – на Ваше распор

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 8-листах.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ УМВД
Полковник /КОЛТУБ

Доложено тов. Хрущеву
– тов. Суслову М.А.
«1» 55 г.

В ЦК КПСС

18767

Г.Г. Маленкову, Хрущ
Ворошилову, Мико
Булганину, Мико
Кагановичу

Глубокоуважаемые Товарищи!

Прошу извинить, что мне приш
Вас беспокоить, но тяжелое пол
в котором я сейчас нахожу
вынудило меня обратиться к В
Этим письмом.

В конце 1951 года я был аресто
МГБ СССР, и после 17 месяцев
пребывания в Тюрьме, в мар
года меня освободили и мне бы
об., что количество ребенок/ров

Также, из беседы с тов. Кругловым я мог заключить, что меня уволили, потому что считали, что Берия ко мне хорошо относился. По мнению тов. Круглова, это хорошее отношение выразилось в том, что за несколько недель до моего освобождения меня в тюрьме вызывал Гоглидзе, а также тем, что Берия выдал мне денежное пособие.

В августе 1954 года я был вторично арестован и вот уже полтора года нахожусь в тюрьме; следствие по моему делу ещё не закончено.

Со всей искренностью могу Вас заверить, что я ни в чём не виновен, никогда ничего плохого против Партии не делал и никакого отношения к преступлениям Берии не имею.

Всю свою сознательную жизнь я активно боролся со всякими врагами Партии и Советской власти. Я всегда — и до последнего вздоха — был предан Коммунистической Партии и останусь ей преданным вне зависимости, когда и при каких обстоятельствах мне придётся этот вздох испустить.

С Берией я впервые встретился в мае 1939 года, когда я ему докладывал о своей работе по приезде из Испании, где я пробыл более 2-х лет — вначале в качестве помощника, а потом резидентом НКВД СССР.

Спустя несколько недель после первой встречи Берия мне сообщил, что мне нужно будет выехать для выполнения очень важного правительственного задания в Мексику. Я начал подготовку к выезду, в это время Берия меня принимал довольно часто, так как шло обсуждение всяких деталей и подготавливался план. В начале августа план был утверждён в руководящей партийной инстанции, и я по иностранному паспорту выехал из СССР за границу.

Несмотря на то, что начавшаяся война в Европе затруднила возможность переброски людей и усложнила обстановку, всё же порученное мне дело я выполнил и в апреле 1941 года вернулся в Москву.

Перед самым моим отъездом в 1939 году Берия мне передал, что, если я выполню порученное мне дело, то меня никогда не забудут, что мне всегда помогут, и что мне не следует беспокоиться ни за свою семью, ни за своих ближайших родственников; причём это мне было передано не как личное обещание Берии, а от имени ЦК нашей Партии и тов. Сталина.

После моего возвращения, когда я докладывал Берии о выполнении задания, он мне сказал, что проделанной мною работой довольны, заметив при этом, что я даже сам не представляю, какое большое и полезное дело я сделал для нашей

страны. Тут же Берия снова подтвердил данное мне в 1939 году от имени ЦК обещание в отношении меня лично и моих родных и близких.

Вот почему мой вызов в тюрьме Гоглидзе, который, узнав о плохом состоянии моего здоровья, улучшил моё питание и выдачу мне денежного пособия, я не расцениваю как особое отношение ко мне со стороны Берии. Вообще должен заметить, что мои отношения с Берией были всегда только служебными.

Тяжёлое положение, в котором я нахожусь в настоящее время, полуторагодичное пребывание в тюрьме, серьёзная болезнь (у меня язва желудка, которая в последнее время очень часто обостряется, причём обострение сопровождается кровавыми рвотами), а также материальные затруднения, которые испытывают двое маленьких моих детей, вынуждают меня напомнить Вам о данном мне в своё время обещании и попросить о его реализации. Обращаюсь к Вам с несколькими просьбами, которые сводятся к следующему:

Дать указания быстрее разобраться с моим делом и дать мне возможность жить, работать на пользу Родины и воспитать малолетних моих детей. Если же почему-либо мне не верят, я прошу не подвергать меня лишним мучениям, не заставлять меня тянуть свою старость (мне уже скоро 56 лет) по тюрьмам и тюремным больницам, а дать возможность умереть по-солдатски, так, как я и прожил свою жизнь.

Очень прошу в случае моей смерти, принимая во внимание мою долголетнюю работу в органах государственной безопасности, обеспечить пенсией двух моих детей, сыночка Леонида — 11 лет и доченьку Музу — 7 лет, чтобы они могли сносно жить и учиться. Мать их по состоянию своего здоровья не сможет этого сделать, и я уверен, что они уже сейчас терпят ряд лишений и очень нуждаются.

Прошу не подвергать никаким репрессиям моих близких и родных и, если можете, помочь им материально.

Прошу известить меня о результатах моего ходатайства.

Пользуясь случаем, прошу передать Центральному Комитету Коммунистической Партии мою большую благодарность за ту хорошую, честную, полную интереса и смысла жизнь, которую я прожил, и за оказываемое мне доверие, которое я всегда старался оправдать.

Если поможете моим маленьким детям и близким — спасибо.

За то, что Вас побеспокоил — простите.

Прощайте

Эйтингон

25 февраля 1955 г.

Москва, Бутырская тюрьма, камера 195»

Ответа на это письмо Эйтингон не дождался. Да и кто бы сейчас взялся ему отвечать? Упоённый победой, Хрущёв продолжал чистки, аресты, увольнения, назначения своих холуёв и лакеев, а также купленных им чинами и званиями генералов и бюрократов; до Эйтингона ли ему было? А все остальные либо сидели тихо, как мыши, либо, зная, что жизнь их и карьера на волоске, пытались оказать хоть какое-то влияние на ЦК, чтобы удержаться на вершине власти и потрафить новому диктатору. Начиналась новая эра — хрущёвская.

Эйтингон не просил выпустить его на свободу. Он просил разобраться в его деле. Он хотел, чтобы по его вопросу было принято хоть какое-то решение. Но как раз этого хрущёвские подручные сделать и не могли. Ведь у них не было ни оснований, ни документов, ни фактов, ни свидетелей, чтобы обвинить генерала Эйтингона и других незаконно посаженных в тюрьмы людей. Они тянули, изобретали, придумывали, ловчили, чтобы эти основания сфабриковать.

Поэтому суд состоялся только в 1957 году. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила генерала Эйтингона — арестованного в 1951 году и «ошибочно и преступно» выпущенного на свободу Берией в 1953 году — к 12 годам лишения свободы «за измену Родине». В своем последнем слове он был резок и лаконичен. «Вы судите меня как «человека Берии», — сказал он. — Но я не его человек. Если я чей-то, тогда считайте меня «человеком Дзержинского». Но если быть более точным, то я человек Партии. Я выполнял её задания. И государственные. И с вами я о них говорить не буду».

До самого последнего дня отец считал себя невиновным, а обвинения, выдвинутые в его адрес — надуманными. Когда в 1964 году после его выхода из Владимирской тюрьмы дочь спросила его прямо: «Скажи, ты был в чём-то виноват?», он ответил: «Мало того, что я не виноват, даже те, кто меня судил, знали это. Потому что в последнем слове я сказал: если считаете меня виновным, расстреляйте! Они не проронили ни слова, но и не расстреляли».

Затянув расследование надолго, подручные Хрущёва надеялись только на то, что, измученные долгим заключением и желая поскорее положить ему конец, арестованные сотрудники спецслужб начнут оговаривать и себя, и других. Другим соображением было то, что дело Берии, дескать, было давно закрыто и возвращаться к нему незачем; что же касается материалов по этому давно закрытому делу, то они, якобы,

являются надежным свидетельством того, что и Эйтингон, и его начальник Су-доплатов выполняли многочисленные приказы Берии, а среди этих приказов неизбежно должны были быть и приказы по ликвидации личных противников Берии. Это соображение являлось для судей достаточным основанием для обвинения и вынесения приговора. То было воистину новое слово в юриспруденции!

Не нужно к тому же, забывать, что суд над Эйтингоном состоялся спустя почти год после того, как начал действовать Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене особого порядка закрытого судебного разбирательства по делам о государственной измене без участия защиты. Между тем, судьи не только отказали генералу в защите, но и отказывали ему в предоставлении свидетельств и документов, которые могли бы хоть в малейшей степени подтвердить выдвинутые против него обвинения. Как говаривал спустя много лет Эйтингон, суровый приговор ему вынесли бы независимо ни от обвинений, ни от порядочности судей: его, как и других высших офицеров МВД-МГБ надо было либо уничтожить, либо надолго упрятать в остроги.

В то время, как десятки действующих руководителей секретной службы были расстреляны или отправлены в тюрьмы на долгий срок, из партии были исключены и лишены воинских званий свыше ста генералов и полковников, который были уже на пенсии. Хотя многие из них были задействованы в чистках и репрессиях конца 30-х годов, главная причина этой акции была в другом. Все, кто был в курсе дела, как осуществлялись репрессии и кто стоял за ними, были практически изолированы, поставлены в положение париев, а многие были даже вынуждены покинуть крупные города и поселиться в провинции. Хрущёв и его окружение боялись их и делали всё возможное, чтобы их жизнь закончилась как можно скорее.

Двенадцатилетний срок тюремного заключения для человека, которому уже 58 лет, и который страдает серьёзной болезнью, был выбран не случайно. Если Эйтингон и имел шанс выжить в тюрьме, то по выходу из неё он был уже явно не в состоянии открыть людям глаза на преступления нового режима. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Генерал Судоплатов получил 15 лет тюрьмы. Они встретились во Владимирском централе.

О том, что Эйтингон и его начальник оказались жертвами кремлёвских «разборок», достаточно отчётливо говорит и такой эпизод, который описан в книге Судоплатова. После суда над последним его отвели в кабинет Серова. И вот какую дьявольскую

сделку предложил ему новый хрущёвский министр.

«Слушайте внимательно, — начал он. — У вас будет ещё много времени обдумать своё положение. Вас отправят во Владимирскую тюрьму. И если там вы вспомните о каких-нибудь подозрительных действиях или преступных приказах Молотова и Маленкова, связанных с теми или иными делами внутри страны или за рубежом, сообщите мне, но не упоминайте Никиту Сергеевича. И если, — заключил он, — вы вспомните то, о чём я вам сказал, вы останетесь живы и мы вас амнистируем».

Конечно, генерал знал, что обещания Серова стоили недорого.

Глава IX. БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА

Генерал Судоплатов считал, что его заместитель был по-настоящему одарённой личностью и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру. Но жизнь распорядилась иначе.

Оба стали разведчиками, оба выполняли крайне сложные и ответственные задания, связанные с риском для жизни, оба были в прорези прицела врагов страны. На склоне лет страна отблагодарила их весьма своеобразно. Сначала один, а потом и второй оказались во Владимирском централе — в политической тюрьме.

Владимирский централ — одна из известнейших тюрем в России. Историю свою она ведёт от работных («рабочих») домов, основанных по указу Екатерины II от 5 апреля 1781 г. Указ назывался так: «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях». Уже через 2 года советник Николай фон Берг представил готовый проект, план и смету, а 15 августа 1783 г. закончилось строительство первого подобного заведения во Владимире.

Через полвека, в 1838 году, Николай I утвердил «Положение о Владимирской арестантской роте гражданского ведомства». Не прошло и 10 лет, как новые корпуса начали принимать узников. В 1870 году, при императоре Александре II «Освободителе», арестантские роты получили более благозвучное наименование: «исправительные отделения». Сюда присылали со всей владимирской губернии арестантов, способных работать.

После первой русской революции, в 1906 г. здесь была создана каторжная тюрьма. Так создавался Владимирский централ. Тут содержались политзаключённые; среди них был будущий главнокомандующий Красной Армии Михаил Фрунзе.

В мае 1918 года, в самый разгар Гражданской войны, большевики создали во всех губерниях карательные отделы, которые занимались распределением арестованных по тюрьмам и распоряжались последними; с тех пор Владимирский централ служил тюрьмой главным образом для политических противников новой власти. С 1944 г. она находилась в ведении НКВД, а потом МГБ и МВД.

Василий Сталин.

Особое место в ней всегда занимали так называемые «номерные узники». Их справедливо называли «железными масками» ГУЛАГа, так как даже тюремщики порой не знали их настоящих имен. Они содержались в одиночных камерах, без всякого контакта с другими заключёнными и тем более без связи с внешним миром. Перед войной тут сидели жертвы Ягоды и Ежова; мало кто из них оказался впоследствии на свободе. После войны сюда попали немецкие генералы и деятели фашистской партии, а также проворовавшиеся чины Советской Армии. Сидела тут и жена генерал-лейтенанта Крюкова — известная певица Лидия Русланова. Угодила сюда и актриса Зоя Федорова.

Сюда же на целых 8 лет Хрущёв упрятал — на основании обвинений, не выдерживающих никакой критики, — генерал-лейтенанта Василия Сталина, одного из самых популярных лётчиков времен войны, в дивизии которого летал безногий герой Алексей Маресьев. Василий Сталин был во Владимирском централе под именем Васильева, но его-то тюремщики узнали. Убили его в Казани, куда он был позже сослан…

Жертв 1950-х годов сменили диссиденты и правозащитники: Буковский, Щаранский, Марченко. Словом, известное — и проклятое многими поколениями! — место. Здесь и оказались после «попугайского суда» генерал-лейтенант Павел Судопла-тов и генерал-майор Наум Эйтингон.

В апреле 2000 года нам разрешили посетить Владимирский централ. Разрешение получил также сын генерала Судоплатова Анатолий. Мы были очень благодарны администрации Владимирского централа за то, что они разрешили нам осмотреть не только музей, но и дали заглянуть в камеру, в которой сидели наши отцы. Для этого пришлось перевести на время в другую камеру сидевших там заключённых. В этой камере долгие годы провели, кроме Эйтингона, сотрудники МВД Людвигов и Мамулов. Трудно передать словами наше состояние, когда мы оказались в этой маленькой комнатушке, площадью примерно 6 кв. м, с полукруглым сводом вместо потолка, с тусклой лампочкой, которая, как нам рассказывал отец, горела и днем, и ночью. Окно закрыто стальной ставней с узенькими щелочками. Выражение «небо в крупную клетку» абсолютно сюда не подходило: неба не было видно вообще, щели сделаны так, что неба сквозь них не видно. Кровати узкие, двухъярусные. Из-за низкого сводчатого потолка человек, лежащий на верхней койке, даже не может сесть. Прочая мебель — это узенький металлический столик и тоже узкая, в ладонь шириной, лавочка, стальные ножки которой приделаны к полу. За этим столом долгие годы отец и писал нам письма…

Владимирский централ

Канализацию сделали в 1965 году, генералы пользовались

парашей. Камера была рядом с тюремным лазаретом, и одно это уже делало её привилегированной. Ведь заключённые были уже не молодыми людьми.

Можно понять нашу горечь и боль после посещения Владимирского централа. Самую сильную боль вызывало сознание того, что эту долгую муку терпели люди, которые ни в чём не были виновны.

Сегодня они оба реабилитированы. Но часть их жизни перечёркнута, отрезана, лишена смысла; дети и жёны их прошли через позор и унижения, которым всегда подвергали в нашей стране семьи «врагов народа».

Дети Наума Эйтингона — Леонид Эйтингон и Муза Малиновская, а также сын генерала Судоплатова Анатолий (в центре) во время посещения камеры своих родителей во

Владимирском централе

Обидно, особенно после посещения Владимирского централа, ещё и другое: читать опусы некоторых «литераторов» и «историков», которые утверждают, что Эйтингон и Судоплатов, дескать, находились «в щадящих условиях», чуть ли не под домашним арестом. В такой камере и десять минут трудно пробыть, а уж двенадцать или пятнадцать лет…

Столик в камере, за которым работали и писали письма родным два генерала-разведчика

Камера Эйтингона и Судоплатова

Отец рассказывал, что раз вдень, минут на сорок, заключённым разрешалась прогулка. Мы побывали во внутреннем дворике, где проходили прогулки. Он похож на колодец — огромной высоты стены. Вряд ли заключённые испытывали облегчение, оказавшись на такой прогулке. Для того, чтобы не утратить здесь силу воли, жизненные силы, нужно быть очень мужественным человеком…

В 1960 г. Эйтингона и Судоплатова посетил в тюрьме следователь по особо важным делам Комитета партийного контроля Герман Климов. Он сказал, что ЦК поручил ему изучить следственное дело и рабочие дела из особого архива КГБ СССР. Климов провел во Владимирском централе несколько дней. Ознакомившись с их делами, он уверял Судоплатова и Эйтингона, что их освобождение неизбежно, что они будут реабилитированы и восстановлены в партии. В то время в Мексике освободили из тюрьмы Рамона Меркадера; Судоплатов и Эйтингон не могли не сознавать, что приезд Климова во Владимир не был

случайностью. Они не сомневались, что Рамон обратится к советскому правительству с просьбой пересмотреть их дела. Так и случилось. Когда Меркадер прибыл в Москву, он вместе с Долорес Ибаррури и с руководителями французской и австрийской компартий стали добиваться освобождения Эйтингона и Судоплатова из тюрьмы.

К этому времени КГБ уже почти два года возглавлял бывший лидер комсомола Александр Шелепин. После отчета Климова о своей поездке во Владимир председатель КГБ Шелепин направил в Комитет партийного контроля справку, положительно характеризующую деятельность обоих заключённых. В справке говорилось, что Комитет госбезопасности не располагает никакими компрометирующими документами против Судоплатова и Эйтингона, которые бы свидетельствовали, что они причастны к преступлениям, совершённым «группой Берия». Но если так, почему же они вообще оказались за решеткой?

Время, между тем, шло, а хороших вестей всё не было. За время пребывания в тюрьме Судоплатов направил в адрес Верховного суда более сорока апелляций. Эйтингон же относился к апелляциям более чем скептически: он был убеждён, что они вряд ли достигнут цели, ибо закон и борьба за власть несовместимы. Получая в тюрьме газеты, он великолепным образом мог читать между строк.

Находясь во Владимирском централе, Эйтингон и Судоплатов все же старались не терять времени даром. Они не только много читали, но и занимались иностранными языками, переводили книги по истории: словом, готовились к жизни на свободе. При этом они оставались профессионалами, знатоками своего дела. Узнав о том, что в США идет формирование войск специального назначения «Зелёные береты», они написали письмо Хрущёву, в котором содержались их предложения относительно возможных способов противодействия спецвойскам США в случае вооружённого конфликта. В ЦК сочли, что они хотят привлечь внимание к своим ходатайствам о помиловании; на самом же деле Судоплатов и Эйтингон как профессионалы, просто не могли не отреагировать на обычное газетное сообщение.

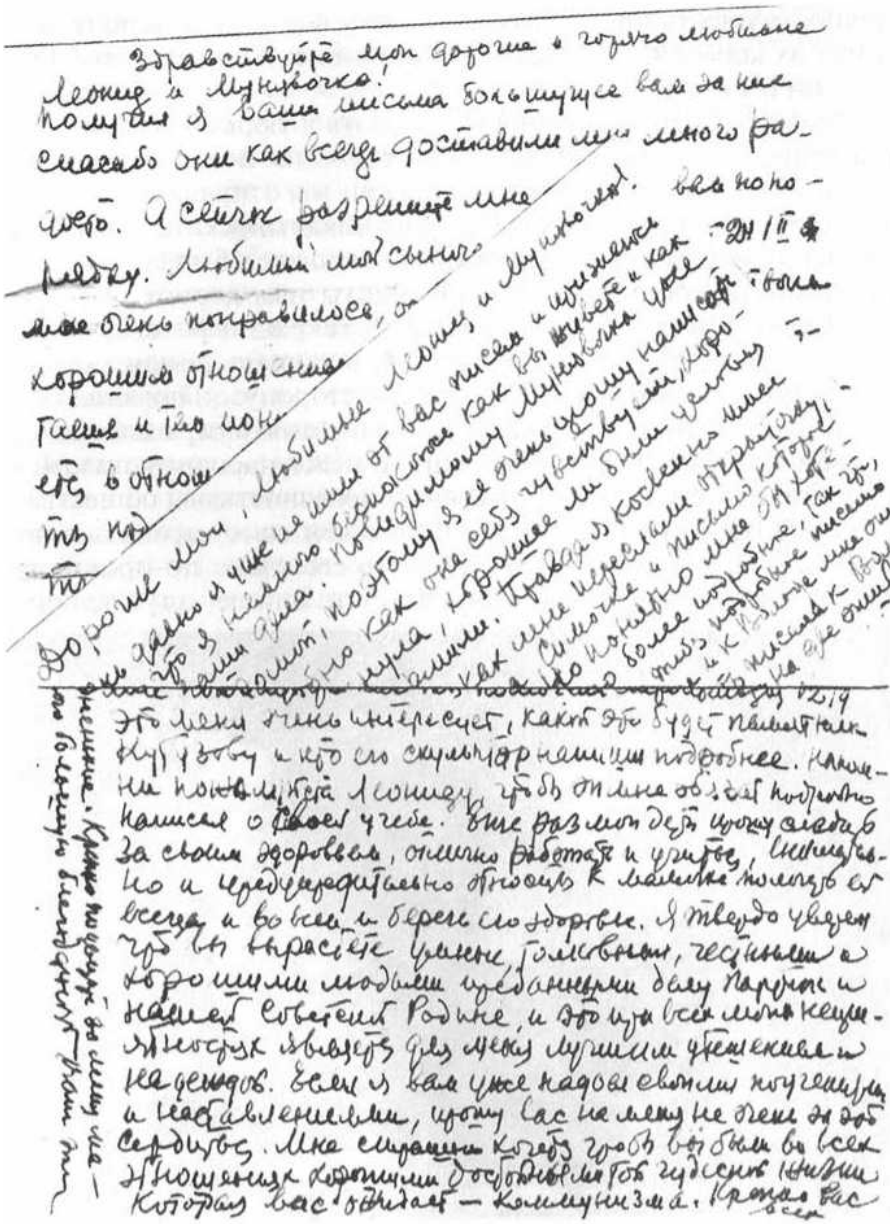
Их письмо получило одобрение Шелепина, к этому времени ставшего секретарем ЦК и курировавшего вопросы безопасности и деятельность разведки. С письмом ознакомился и генерал КГБ Фадейкин. Он прислал во Владимир своего подчинённого — майора Васильева, который обсудил с заключёнными детали их предложения. Так, в результате беседы двух арестантов на тюремных нарах, в КГБ родился спецназ. Вскоре был создан диверсионный учебный центр, подчинённый 1-му Главному

управлению.

Другим предложением, пришедшим на имя Хрущёва из Владимирской тюрьмы, было предложение Эйтингона и Судоплатова возобновить переговоры с лидером курдского повстанческого движения Мустафой Барзани, чтобы использовать его против иракского диктатора генерала Керима Касема, с которым СССР стало всё труднее о чем-либо договариваться. После их письма Судоплатова и Эйтингона в тюрьме посетил полковник Шевченко, начальник Владимирского областного управления КГБ. Он сообщил, что руководство КГБ использует их предложения. На этот раз их ждала награда: им выдали 2 килограмма сахара.

Лёня и Муза. 1959 год

Было ли это важно? Скорее всего, да; ведь тюрьма всегда тюрьма, если даже заключённый — генерал. Но важнее всего была та ниточка, что связывала его с домом: возможность писать письма Музе и детям, возможность получат! от них их коротенькие послания. Это он ценил более всего, без этого он бы не выжил!



Раз в год была возможность передать в тюрьму фото детей Мы старались не лишать папу этой радости. Все публикуемые в этой книге наши детские фотографии мы отправляли отцу, ν они вернулись домой вместе с ним из Владимирского централа Бодрый и весёлый вид на фотографиях должен был скрыть наше истинное состояние. Эти документы нам дороги тем, чтс они были с отцом в неволе и хоть как-то скрашивали его жизнь

Эйтингону, как мы уже говорили, в тюрьме давали газеты

Такая поблажка имела и практическую сторону: он помогал тюремному руководству готовиться к политзанятиям, а младшем) тюремному персоналу читал лекции о международном положении. Хоть в этом он чувствовал свою полезность для общества.

Он считал, что и в тюрьме не должен самоустраниться от процесса воспитания своих детей, что его слово по-прежнему многое значит для них. Он верил в то, что они не могут не прислушаться к нему, к человеку, в любви и преданности которого они уверены. Вот что он писал сыну в одном из писем 1962 года.

Лёня и Муза. 1960 год

«Любимый мой сыночек! Письмо твоё мне очень понравилось. Особенно я доволен твоим хорошим отношением к коллективу, в котором ты работаешь. И пониманием ответственности, которое у тебя имеется в отношении коллектива, и серьёзности к выполнению обязательств, которые ты на себя берёшь. Такое хорошее, добросовестное отношение к порученному тебе делу меня восхищает и радует. Я очень прошу тебя, мой сыночек, сохранить это хорошее отношение к порученному делу, к выполнению обязательств, которые ты на себя берёшь, всю твою жизнь. Тогда ты всегда будешь очень уважаем людьми, с которыми ты работаешь. А это очень, очень хорошо…»

Несмотря на помощь тети Сони и то, что мама смогла устроиться на почту разносить телеграммы (там не нужна была трудовая книжка, сведения об образовании и не было первого

отдела) семья испытывала материальные трудности, и Лёня после семилетки вынужден был пойти работать, а учёбу продолжать в школе рабочей молодёжи.

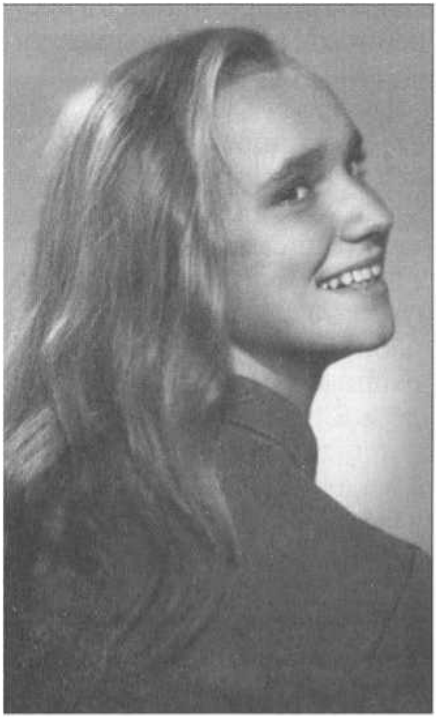
Отец писал пространные письма и просил у детей прощения за наставления. Ему так хотелось, чтобы они и в его отсутствие росли умными и целеустремлёнными, полезными для страны людьми.

Музе он писал короткие и простые письма: он не мог подчеркивать в письмах на волю, как любит её и как без неё скучает, потому что ему было хорошо известно иезуитство следователей. Их логика была такая: если любит, значит, всё, что хочешь, подпишет, когда и её начнем допрашивать с пристрастием. Поэтому всё, что он мог себе позволить, это писать ей слова благодарности за то, как она держится и как хорошо воспитывает их детей. Но Муза, зная его, тоже научилась читать между строк. Слова «горжусь вами» надо было читать: люблю, тоскую, прости…

Мы старались использовать любую возможность, чтобы передать ему письма. Здесь были ограничения, естественно. Но сейчас не хочется ни вспоминать об этом, ни винить кого-либо. Прошло слишком много лет, и огорчения тех лет забыты.

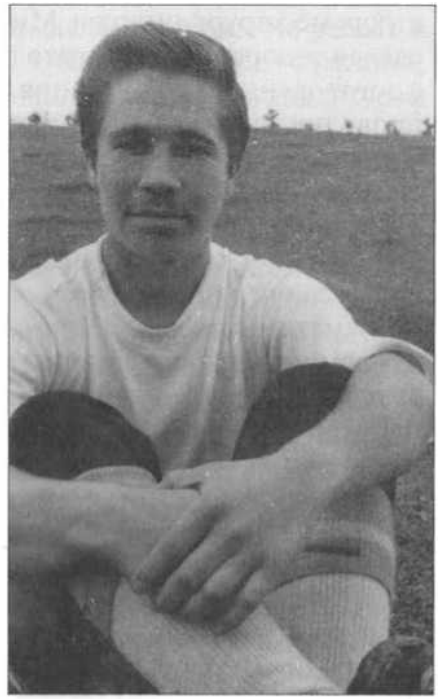
Мы описывали всё, что происходило в нашей жизни, за исключением тяжёлых и неприятных моментов. Мы считали, что не стоит добавлять горечи к тому, что он уже испытывает. Тем более, что он ведь не мог ничем помочь. Однажды Муза написала ему, что на проспекте, рядом с которым мы жили, закладывается памятник Кутузову, и мы, школьники, участвовали в субботнике, благоустраивая место вокруг памятника. Отца это сообщение страшно заинтересовало. В своём ответном письме он просил написать, какой это будет памятник, кто его скульптор, где его будут устанавливать. Но независимо от главной темы письма он всегда заканчивал его просьбами учиться как можно усерднее, помогать матери и беречь её здоровье.

Беспокоился он и о здоровье детей, особенно когда узнал об их увлечениях спортом. Не то, чтобы он был противником серьёзных нагрузок — нет! Но он боялся, что в семье, где дети плохо питаются (а в том, что ситуация в семье именно такая, он не сомневался), такие нагрузки могли быть для ребят опасными. Но его интересовало всё: как в доме проходит капитальный ремонт, как к его детям относятся одноклассники, есть ли у ребят одежда по сезону, помогает ли семье хоть кто-нибудь. И сквозь текст каждого письма пронзительной нотой проходит одно: как бы я хотел быть с вами, помочь вам, сберечь вас…



Муза и Лёня. 1963 год

Система обрекла его на незаслуженный позор и на долгое тюремное заключение, но он, как и многие его сверстники и коллеги, был и в тюрьме убеждён, что его злоключения — результат козней отдельных мерзавцев, а не самой системы. Узнав, что сына приняли в комсомол, он поздравлял его от души. Когда же Леонида призывали во флот, он пожелал ему остаться во флоте и посвятить морской службе всю жизнь. Он, как и прежде, был предан делу, которому служил, но жизнь его теперь протекала, как он и сам признавал, в одних воспоминаниях о прошлом и в думах о семье.



Эйтингон знал, что занятия спортом требуют дополнительного питания и переживал за детей

Наступил 1963 год. Леонида должны были со дня на день призвать в армию. Муза училась в 9-м классе: не за горами были выпускные экзамены. Эти два события были очень важны для семьи, и в своих письмах Эйтингон старался не внушать им тревоги за себя, отвлекать их этим от текущих дел. Он писал им, что чувствует себя «как обычно», что проблем со здоровьем у него нет.

На самом деле всё было не так. Он чуть не умер от опухоли в кишечнике. Его сестра, известный в Москве врач, добилась от тюремных властей разрешения на то, чтобы Эйтингона посетил в тюрьме хирург-онколог Минц. Он спас Эйтингона, блестяще сделав в тюремном лазарете операцию. Кстати, в соответствии с договоренностью операция была платной. Она длилась долго, проводилась в довольно тяжёлых условиях. Но когда сестра Эйтингона приехала к хирургу, чтобы вручить ему его гонорар, он взять деньги отказался. По словам Минца, он не знал, кого будет оперировать; узнав же, заявил, что считает за честь продлить жизнь такого человека как генерал Эйтингон, и никакой платы за операцию не возьмёт.

Заметим, что сам Эйтингон вовсе не был уверен в благополучном исходе предстоящей ему операции. Он знал, что

находится между жизнью и смертью. А перед самой операцией он написал письмо Хрущёву. Можно считать, что это было прощальное письмо, которое Эйтингон направил в адрес Коммунистической партии, в которую вступил 19-летним парнем и которую считал своей партией всю жизнь.

«За что меня осудили? Я ни в чём перед партией и Советской властью не виноват, — писал он в этом письме. — Всю свою сознательную жизнь по указанию партии я провёл в самой активной борьбе с врагами нашей партии и советского государства. В начале 1920 года Гомельским губ комом РКП (б) я был направлен для работы в Особый отдел Губчека. С этих пор по день ареста я работал в органах госбезопасности. Работой моей в органах партия была довольна. Это можно заключить из того, что, вскоре после моего направления в ЧК Губком РКП(б) меня выдвинул и назначил членом коллегии и заместителем председателя Гомельской Губчека. Через год-полтора по указанию ЦК РКП (б) я был переброшен на ту же должность в Башкирскую ЧК в связи с тяжёлой обстановкой, которая тогда сложилась в Башкирии. И работой моей в Башкирии были довольны в Москве. После того, как обстановка в Башкирии нормализовалась, меня перевели в центральный аппарат, в котором я работал до моего ареста.

По личному указанию Феликса Эдмундовича Дзержинского я был направлен на учебу в военную академию (ныне Академия им. Фрунзе). После окончания факультета Академии в 1925 г. я был направлен на работу в разведку. И с тех пор до начала Отечественной войны находился за пределами страны на работе в качестве нелегального резидента в Китае, Греции, Франции, Иране, США. В 1938—39 гг. руководил легальной резидентурой НКВД в Испании. Этой работой ЦК был доволен.

После ликвидации Троцкого в особом порядке мне было официально объявлено от имени инстанции, что проведённой мной работой довольны и меня никогда не забудут, равно как и людей, участвовавших в этом деле. Меня наградили тогда Орденом Ленина, а Андрея (Судоплатова — прим, авторов) — Орденом Красного Знамени. Но это — только часть работы, которая делалась по указанию партии в борьбе с врагами революции. Следствие по моему делу ввело в заблуждение ЦК. Личных заданий бывшего наркома никогда и ни в одном случае я не выполнял. Что же касается работы, то она проходила с участием сотен и тысяч людей. О ней докладывали и с ней знакомили таких тогда людей, как Маленков, Щербаков, Попов, а также в ЦК ВЛКСМ Михайлов и Шелепин, которые направляли на работу людей, обеспечивали техникой. Работой нашей ЦК был

доволен. Я и Андрей были награждены Орденом Суворова.

И вот, от одного липового дела к другому, из одной тюрьмы в другую, в течение более десяти лет я влачу своё бесцельное существование. Потерял последние силы и здоровье. И совершенно непонятно, кому нужно было, во имя чего, довести меня до такого состояния. А ведь я мог еще работать добрый десяток лет и принести пользу партии и стране, если не в органах госбезопасности, то на другом участке коммунистического строительства…»

Судя по этому письму, Эйтингон и после десятилетнего заключения оставался безнадёжным романтиком, верившим в светлые дали коммунизма. Выйдя из тюрьмы, однако, он увидит совсем другую страну и вскоре начал понимать то, чего так и не смог (или не захотел понять) за все годы. Пройдет время, и он выскажет всё, что думает о Хрущёве, Брежневе и КГБ, о том, что партийные бюрократы давно перестали быть коммунистами, что их цель — не служение народу, а сохранение своих теплых местечек. Но справедливости ради надо сказать, что он никогда не позволял себе говорить такое в присутствии детей: он не хотел, чтобы они были скептиками и циниками.

В тот период делом Эйтингона занимался адвокат Евгений Зорин. Безусловно способный и очень деятельный юрист, он добился того, что Эйтингону в срок, который он должен был отбыть в тюрьме по последнему приговору, были засчитаны полтора года, которые он уже отсидел при Сталине — как незаконные. В декабре 1963 г. Военная коллегия Верховного суда определила, что срок лишения свободы Наума Исааковича Эйтингона действительно должен включать полтора года, проведённые им в тюрьме ещё до второго ареста. Так, хоть приговор и не подлежал обжалованию, срок его заключения по нему всё же сократился.

Надо сказать, что ни Эйтингон, ни Судоплатов ничуть не были уверены в том, что, даже отсидев определённый им срок, они выйдут на свободу. На их памяти ещё была практика держать важных свидетелей в тюрьме всю жизнь, а то и уничтожать их накануне окончания срока. Но, видимо, в нынешних уело-виях это было сделать не так просто. За Эйтингона ходатайствовал не только получивший звезду Героя Советского Союза Рамон Меркадер, но и многие другие разведчики. Дело Судо-Платова и Эйтингона было бельмом на глазу ЦК КПСС. Если бы они не вышли на свободу, все разглагольствования Хрущёва о стремлении установить в стране законность и порядок и прекратить судебный произвол оказались бы вообще несостоятельными.

Лёня и Муза-младшая. Когда они, наконец, встретились с отцом, выпущенным из тюрьмы, он был уже старым человеком

Впрочем, Хрущёв и сам недалеко ушёл от своих предшественников. В 1961 г. в той же самой печально известной Владимирской тюрьме тайно судили и расстреляли около десятка человек — участников голодного бунта в маленьком городке Муроме. А в июне 1962 г. «архитектор оттепели» отдал приказ стрелять по безоружной толпе в Новочеркасске, из-за голода и нищеты поднявшейся на демонстрацию под лозунгом «Долой Хрущёва!» Около сотни человек было убито, среди них дети и женщины. Девять человек тайно судили и расстреляли. Вот такой демократ пришёл к власти на волне антисталинской кампании! Впрочем, суд истории над ним ещё будет, как случился уже над его предшественниками, но только тогда, когда окончательно сойдут с политической арены те, кого он выкормил и сделал соучастниками своих преступлений.

Как бы то ни было, но в марте 1964 г. Эйтингона освободили. Лишённый звания, орденов и партийного билета, 65-летний человек должен был начать новую жизнь, чтобы суметь себя прокормить. И всё же сознание того, что ему всё же подарили несколько лет жизни на свободе, было для него великим

счастьем.

— Я на всю жизнь запомнила этот день, — рассказывает его дочь. — Мне позвонила тётя, сестра отца. Спросила, как дела, как здоровье матери. По несчастному стечению обстоятельств, мама тогда лежала в больнице. А у меня были весенние каникулы, и я каждый день её навещала. Лёня в это время служил на Краснознамённом Тихоокеанском флоте. Тётя попросила меня найти время и приехать к ней: у неё была необходимость меня увидеть. Больше она ничего не сказала.

Когда я приехала к ней на улицу Кирова, я увидела, что у неё собралось довольно много родственников: папин брат, старшая дочь Светлана и другие. Причём выглядели все как-то празднично, нарядно. Это заставило меня насторожиться. Тётя посадила меня за стол и сказала: «Подожди минуточку». Я поняла, что происходит нечто важное. Тут в комнату вошёл папин брат и сказал: «Ты только не волнуйся». Я же ещё больше разволновалась. Потом они все вышли из комнаты, и вошёл отец. Когда я видела его в последний раз, это был сильный, крупный мужчина, с волевым лицом, с густыми черными волосами. Теперь передо мной стоял совершенно седой, старый человек с печальными глазами. У него был землистый цвет лица, от розовых щёк не осталось и следа. К горлу подкатил комок, и не могла сказать ни слова. Отец подошёл, положил руку мне на голову, а я разрыдалась. Он сказал: «Поплачь! Это хорошие, счастливые слёзы. Они принесут нам радость…» Мы сидели, обнявшись, и я не могла произнести ни слова. А он говорил, что очень долго ждал этого мгновения, и боялся только одного — что никогда не сможет увидеть меня. А 30 марта у меня был день рождения. Мне исполнилось 17 лет. За все годы моей жизни то был самый дорогой подарок к моему дню рождения.

До конца своих дней Эйтингон шутил, что март для него — самый удачный месяц в году. Мало того, что в этом месяце «аист принёс ему дочку»; судьба дважды в жизни дарила ему свободу именно в марте.

Пропуск папы 1968 года

После выхода из тюрьмы ему была назначена пенсия — 12 рублей в месяц. Это при том, что нормальная пенсия у гражданскихлиц, расставшихся с государственной службой, составляла 100–120 рублей в месяц, а максимальная — 132 рубля. Пенсия военных была выше. В справке, которую ему выдали в КГБ, было указано только, с какого и по какое время он проработал в НКВД-МГБ, но не были указаны ни должность, ни размер зарплаты; как следствие, пенсия и была назначена ему — минимальная.

На эти деньги, естественно, просуществовать было нельзя. А для того, чтобы получить нормальную пенсию, надо было устроиться на работу. Но вся сложность заключалась в том, что для того, чтобы устроиться на работу, надо было иметь московскую прописку. А тут тоже были сложности. Понадобились совместные усилия друзей, родственников и знакомых, чтобы Эйтингон, наконец, был прописан в Москве.

С такой анкетой, как у него, да ещё в возрасте 65 лет он был не нужен никому. Ему с большим трудом, вновь с помощью друзей, удалось устроиться на работу в издательство «Международные отношения». Сначала он был переводчиком, потом стал редактором. Чтение книг на разных языках — единственное, что скрашивало годы тюремного заключения — оказалось, делом очень полезным. Через год ему была назначена пенсия — 132 рубля.

В свободное время он часто гулял с детьми по Москве — привыкал к вольной жизни. По сути дела, Леонид и Муза

знакомились с ним: ведь они были маленькими детьми, когда его арестовали. Несмотря на длительное пребывание в тюрьме, Эйтингон сохранил светлый ум и прекрасную память. Во время прогулок он читал им наизусть стихи Пушкина, Есенина, Блока.

Увидев у меня на столике томик стихов шотландского поэта Роберта Бернса, отец сказал, что приятно удивлён, — рассказывает Муза. — Он искренне радовался, что я читаю не только то, что положено читать по школьной программе. А я была удивлена, услышав от него наизусть целые главы из Евгения Онегина. И самым любимым отрывком его было письмо Онегина к Татьяне. Он с удовольствием вслушивался в музыку стиха и хотел, чтобы я испытывала такое же благоговение перед ней. Мне было немножко странно, что человек столь суровой профессии мог так относиться к стихам, к творчеству, ко всему прекрасному.

Эйтингон переживал за детей: он сознавал, что в его положении он вряд ли сможет быть им опорой. Он старался быть в курсе всех их дел, но все время ощущал, что безнадежно отстал от жизни. Реалии новых времен казались ему странными. Он убеждал дочь вступить в партию — в ту партию, которой служил и в которую безгранично верил, несмотря на всё то, что испытал сам и что испытали его друзья и близкие. Но к его удивлению узнал, что ЦК КПСС распорядился не принимать в партию студентов, пришедших в институт со школьной скамьи. «Пражская весна», в которой главную роль сыграли студенчество и интеллигенция Чехословакии, напугала партийных бюрократов в Кремле. Ввод советских войск в Прагу и репрессии против студентов и интеллигенции вызвали такой всплеск эмоций в СССР, что Брежнев и его клика решила перестраховаться. Всему студенчеству страны было отказано в доверии.

Полковник Зоя Рыбкина-Воскресенская, замечательная разведчица, некогда руководившая американским отделом Госбезопасности. Как и многие другие товарищи и соратники Эйтингона и Судоплатова, она требовала их реабилитации

Эйтингон снова начал общаться с прежними товарищами по работе в центральном аппарате внешней разведки, с видными разведчиками.

Если не считать разведчиков-нелегалов, мало кто из них ещё был в строю: кто отсидел в тюрьме, кто был уволен досрочно. Поводов для недовольства у них было немало, но никто из них по-прежнему не сомневался в преимуществе социалистической системы; если и критиковали хрущёвский режим, то лишь за глупость, продажность и некомпетентность бюрократов, которых Хрущёв выдвинул на руководящие посты во многих отраслях экономики, во многих регионах страны.

Для каждого из ветеранов жизнь в основном была прожита,

но их тревожила судьба страны, судьба народа, который столько вынес в годы Второй мировой войны и спустя многие годы снова должен был терпеть лишения из-за недомыслия и бездарности правителей.

Ещё более важным было для Эйтингона общение с бывшими товарищами по боевой работе: с испанскими коммунистами, прошедшими горнило Гражданской войны, с офицерами разведки, работавшими с ним в Турции, Мексике, Китае. Особенно он был близок с Рамоном Меркадером. Встречаясь с ним, он нередко брал с собой детей: Эйтингон всегда говорил, что ему очень приятно, когда его дети и его друзья вместе. Это были счастливые для него минуты.

Эйтингон начал работать переводчиком испанского языка. Работал много, сильно уставал, от большой нагрузки болели глаза. Леонид-младший заверил отца, что он уже в состоянии взять материальную ответственность за маму и сестру на себя (служба во флоте закончилась и Лёня профессионально играл в футбол). Но Эйтингон не мог представить себя иждивенцем. Много лет спустя, обсуждая этот вопрос с Елизаветой Паршиной, дети Эйтингона выяснили, что сложность переводов была вызвана их тематикой: шли тексты с Кубы в своём большинстве о сельхозтехнике и о сахарном тростнике.

Елизавета Александровна Паршина родилась в г. Кушпо, жила в Нижнем Тагиле Свердловской области. Окончила институт иностранных языков в Москве.

Печатная машинка Паршиной, на которой она корректировала переводы Эйтингона

В 1936 году комсомолка Е. Паршина в числе добровольцев отправилась в Испанию, где участвовала в войне в качестве переводчицы сначала в частях воен-но-воздушных сил, а затем в отряде общевойсковой разведки, которым командовал прославленный разведчик Артур Карлович Срогис.

По возвращении из Испании Елизавета Александровна работала инспектором в Наркомате внешней торговли, затем её направили слушателем в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

С августа 1941 года Е. Л. Паршина — в действующей армии.

Вначале она участвует в работе по организации партизанского движения (Центральный фронт), а с 1943 года — на Северо-Кавказском фронте.

Боевые заслуги Е. А. Паршиной на фронтах в Испании и в годы Великой Отечественной войны отмечены орденами Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями, в том числе Польской Народной Республики и Народной Республики Болгарии.

Муза и Е.А. Паршина. 2002 год

В 1981 году вышла её книга «Динамит для сеньориты», которая в конце 80-х была издана в Мадриде. Ушла она из жизни в 2002 году.

После того, как Хрущёва заставили покинуть кресло первого секретаря, Эйтингон надеялся, что новый лидер страны — Брежнев, в прошлом не только партаппаратчик, но и генерал политической службы, окажется более внимательным к его собственной судьбе и к судьбе Судоплатова. Но Брежневу, видимо, вовсе не хотелось ворошить прошлое, тем более, что в его биографии тоже всё было далеко не безупречно: он довольно

долгое время верой и правдой служил Хрущёву.

Винаров в форме офицера НКВД.
Впоследствии он стал министром обороны Болгарии

Во время празднования 20-й годовщины победы в Великой Отечественной войне группа из 31 ветерана НКВД-КГБ, включая легендарного разведчика Рудольфа Абеля и пять Героев Советского Союза, обратились к Брежневу с просьбой рассмотреть дела Судоплатова и Эйтингона. К ним вскоре присоединились зарубежные коммунисты, работавшие с ними или воевавшие во время войны в партизанских отрядах. Но люди Брежнева, судя по всему, твердо решили придерживаться фальсифицированных обвинений прокурора Руденко. Когда же в ЦК обратился с аналогичной просьбой генерал Винаров, министр обороны Болгарии, служивший под началом Эйтингона ещё в Китае в 20-е годы, отрицательный ответ из Политбюро был настолько резким, что болгарский министр даже опешил.

Устные просьбы и письма были дополнены и весьма серьёзным документом, направленным в феврале 1966 г. в адрес XXIII съезда КПСС. Это было ходатайство о реабилитации Судоплатова и Эйтингона, подписанное двадцатью восемью генералами и офицерами, разведчиками и фронтовиками, партизанами и нелегалами. В их числе были Рудольф Абель, Георгий Мордвинов, Зоя Воскресенская (Рыбкина), Лев Василевский, Михаил Орлов, Виктор Дроздов, Александр

Тимашков и другие. Они обращались к съезду с просьбой об организации специальной партийной проверки судебных дел и реабилитации их товарищей — а на это даже в брежневские времена тоже было не так просто решиться. Дети Судоплатова и Эйтингона считают, что все люди, подписавшие письмо и указавшие свои адреса и место работы, не только проявили честность и высокую порядочность, но совершили гражданский подвиг. Они подтвердили, что считают друзьями и боевыми товарищами разведчиков, которых государственные чиновники обвинили в предательстве.

«Во-первых, мы узнали, — говорилось в письме, — что коммунисты Судоплатов П.А. и Эйтингон Н.И. виновными себя в предъявленных обвинениях не признавали и не признают.

Во-вторых, к нашему удивлению мы узнали, что в приговорах по делам Судоплатова и Эйтингона сказано, что Особая группа НКВД СССР, ими возглавляемая, по планам, разработанным Судоплатовым, якобы занималась уничтожением советских людей, неугодных бывшему Наркому НКВД Берии. В приговоре и на суде не было приведено ни одного факта — когда, где, кем совершены преступные действия, приписываемые Особой группе. Не названо ни одного имени пострадавших, потому что таких фактов нет.

В приговоре говорится, что эта Особая группа будто бы была создана «из особо доверенных Берии лиц». Но кто эти лица, не указано ни одного имени. Нам не известен ни один сотрудник Особой группы, который был бы привлечен к судебной ответственности за так называемую преступную деятельность Особой группы, которая инкриминирована Судоплатову и Эйтингону.

Зато нам известны сотрудники Особой группы, которые вошли в историю своей героической борьбой с кровавыми врагами нашей Родины: Герои Советского Союза товарищи — Лягин, Молодцов, Кудря, Кузнецов, Медведев, Галушкин, Озмитель, Орловский, Абель и многие другие, как погибшие в борьбе с врагами, так и ныне живущие.

Нам хорошо известно, что Особая группа при Наркоме НКВД СССР (переименована во 2-й Отдел в конце 1941 г., а в 1942 г. — в 4-е Управление) с первых же дней войны и до её расформирования после войны, под руководством начальника Особой группы т. Судоплатова и его заместителя т. Эйтингона с честью выполняла поставленные перед ней партией задачи как на временно оккупированной врагом территории, так и за рубежом. Это подтверждается документами, хранящимися в архивах МВД-КГБ, а также это могут подтвердить многочисленные

непосредственные участники этих дел, и в том числе мы, подписавшие это письмо.

Поэтому обвинения Судоплатова и Эйтингона, сформулированные в приговоре, мы рассматриваем как извращение исторической правды, как безответственную клевету на многочисленный коллектив коммунистов, комсомольцев, чекистов Особой группы как живых, так и погибших…»

Но что чиновникам до просьбы героев! Ещё более обюрократившийся и разжиревший «аппарат» предпочёл не ссориться с теми выдвиженцами Хрущёва, которые для себя решили раз и навсегда: малейший намёк на связь с «преступником Берией» — уже повод для того, чтобы держать человека как можно дальше от политики и прессы. Лучше всего — на обочине жизни или в тюрьме. Руденко, пока был Генеральным прокурором, само собой разумеется, никогда бы не согласился на реабилитацию Эйтингона и Судоплатова: ведь это означало бы очевидное — он, в угоду Хрущёву, сфабриковал их дела и посадил в тюрьму без всяких оснований.

Судоплатова выпустили на свободу 21 августа 1968 г., в день вторжения советских войск в Чехословакию. Когда он вернулся домой после пятнадцатилетнего заключения, Эйтингон пришёл проведать старого друга. Кроме него, Судоплатова навестили Зоя Рыбкина и другие разведчики первого эшелона. Каждого из них переполняли чувства. Они всегда считали, что отдали жизнь делу без остатка. Теперь к гордости за то, что жизнь была прожита «в борьбе за правое дело», примешалось чувство огромной горечи за то, что отечество отблагодарило их тюрьмой и позором.

Но, видно, им так было написано на роду! Когда они выполняли за рубежом задания своей страны, их жизнь как бы проходила в двух параллельных пространствах: в одном они были преданными партии и державе офицерами, в другом же играли необходимую на данный момент заученную роль. И теперь было то же самое: они оставались преданными партии и стране, но в другом, параллельном, пространстве их заставляли играть роль вчерашних преступников, которые, отбыв срок заключения и не восстановленные в прежних правах, должны ежемесячно отмечаться в местном отделении милиции. И эту роль должны были играть два генерала, не раз рисковавшие своей жизнью во имя дела, которое считали правым!

Наум Эйтингон с детьми. 1972 год

В 1976 г. Судоплатов и Эйтингон сделали ещё одну попытку восстановить своё доброе имя. Они обратились к Меркадеру и Долорес Ибаррури с просьбой поддержать их ходатайство о реабилитации перед руководством КГБ и Комитетом партийного контроля. Председатель КГБ Андропов и Председатель Комитета партийного контроля Пельше дали заключение по делам Судоплатова и Эйтингона; в заключении чёрным по белому было сказано, что никаких доказательств их «причастности к преступлениям Берии» нет. Было решено, что дела Судоплатова и Эйтингона с заключениями Пельше, Андропова, военной прокуратуры и следственного отдела КГБ будут докладываться на Политбюро. И вновь — отказ! Те члены Политбюро, которые были связаны с хрущёвским переворотом, меньше всего хотели обсуждения в высшем партийном органе тех дел, которые могли выставить их в самом невыгодном свете. Правда, к тому времени был реабилитирован — спустя 15 лет после смерти на допросе у хрущёвских костоломов — выдающийся разведчик Яков Серебрянский. Но, видимо, в том и была вся игра. Самое простое было реабилитировать человека после смерти, когда ни он, ни его состарившиеся друзья уже не в состоянии выступить с обвинениями в адрес сановных преступников.

В середине 1970-х годов, в качестве особой милости ЦК

КПСС, Судоплатов и Эйтингон получили право пользоваться так называемыми «кремлёвскими» лечебными учреждениями: поликлиникой и больницей 4-го Главного управления Минздрава, обслуживающего высшую номенклатуру государства, а также госпиталем КГБ. То была весьма малая компенсация за утраченное в тюрьме здоровье. Но для старых людей это было пусть маленьким, но немаловажным знаком: если верхушка партаппарата не хочет признавать их заслуг и возвращать им доброе имя, партийный билет и ордена, то в стране немало людей, которым это не важно: они помнят и ценят выдающихся разведчиков. Это особенно чувствовалось в отношении врачей и медсестер. Они были не только внимательны и добры, но старались всячески подчеркнуть своё уважение к заслуженным разведчикам.

Но далеко не всё было в их власти. Годы в заключении привели к необратимым результатам. Наступил момент, когда у Наума Эйтингона началось сильное кровотечение; его поместили в реанимационное отделение, но врачи почти не надеялись на его выздоровление. Теперь многое зависело и от родных — сестра генерала и его старшая дочь были врачами, и они не жалели ни времени, ни сил, выхаживая больного. Под конец Софья Исааковна Эйтингон предложила последнее средство: прямое переливание крови. Все дети были готовы стать донорами; однако лишь у Леонида была подходящая кровь для такой процедуры. Он согласился без колебаний, хотя прямое переливание крови — вещь неприятная: вены больного и донора соединяют гибкими трубками, и при этом возможны потери крови и у одного, и у другого. Выйдя после этой операции на улицу и сев в машину, Леонид потерял сознание; к счастью, он ещё не успел запустить двигатель. И хотя это могло кончиться плохо, огорчения в душе у него не осталось. Наоборот, и он, и его сестра были счастливы, что Леонид смог продлить отцу жизнь на несколько драгоценных лет. Правда, во второй раз эту операцию провести было, увы, нельзя.

Н.И. Эйтингон (в центре) и бывшие бойцы ОМС БОН на встрече ветеранов

В 1981 г. Эйтингон скончался — так и не добившись ни реабилитации, ни восстановления в партии, ни возвращения незаконно отнятых у него боевых наград. Теперь борьбу за доброе имя обоих вёл один Судоплатов. Верный памяти боевого товарища и друга, он не скрывал, что его цель — реабилитация двух имён: Судоплатова и Эйтингона. Они долгие годы шли по жизни плечом к плечу. Павел Судоплатов хотел, чтобы и реабилитированы они были вместе. Произошло это, однако, только годы спустя: в 1991 г.

«Военная прокуратура по-новому подошла к моему делу и Эйтингона, — писал Судоплатов в своих воспоминаниях. — Материалы показывали, что мы не фабриковали фальшивых дел против «врагов народа». Официальные обвинения, что мы являлись пособниками Берии в совершении государственной измены, планировании и осуществлении террористических актов против правительства и личных врагов Берии, были опровергнуты документально.

После августовских событий 1991 г. и распада СССР, незадолго до ухода в отставку, главный военный прокурор прекратил наши дела и заявил: если бы я не реабилитировал вас, архивные материалы показали бы, что я ещё один соучастник сокрытия правды о тайных пружинах борьбы за власть в Кремле в 30—50-х годах. Он подвёл черту в нашем деле и подписал постановление о реабилитации Эйтингона и меня».

И мы очень благодарны П.А. Судоплатову за его светлую

память о нашем отце.

Так, честь и доброе имя генерал-майора Наума Эйтингона, спустя десять лет после его смерти, были восстановлены. В печати появились статьи о нем, на телевидении — документальные фильмы о его операциях времён Второй мировой войны.

Но для его семьи, для его друзей и для сотрудников, знавших его по работе в самые ответственные периоды его жизни, реабилитация Эйтингона была формальностью. Они никогда не верили в обвинения и не сомневались в нём ни на йоту. В их памяти, в их сердцах его образ всегда был чистым и ясным.

В 2005 году АВИКОС разместил свою рекламу на фотографии Музы. Первая реакция была как-то разобраться с этим вопросом хотя бы финансово, но её внуки попросили не делать этого. Они сказали: «Смотрите, фото нашей бабушки на всех выездах из Москвы. За 70 лет не нашли женщины красивее её. Она была символом нашей страны в 1935 году, она олицетворяет её и сейчас». Рекламные щиты на выезде из Москвы в аэропорты Внуково, Шереметьево и Домодедово с Музой Малиновской стояли до осени 2007 года.

Трудно выразить те ощущения, которые мы испытали от общения с людьми, хорошо знавших наших родителей и сохранивших самые тёплые воспоминания о них. Это Герой Советского Союза Надежда Троян, Герой России Юрий Колесников и Герой России Алексей Батян.

Н. Троян и Ю. Колесников

А. Судоплатов и А. Батян

Мы, дети Н. Эйтингона, счастливы, что наши дети свято берегут память о своих дедах, что они постоянные участники всего, что связано с историческими датами страны.

Об Эйтингоне, романтике и рыцаре великой эпохи, помнят и журналисты, и писатели, и профессионалы Службы, которой он посвятил более тридцати лет своей жизни. В суровые времена он защищал от врагов не только великую державу, но и светлое будущее.

Такие люди будут бессмертными в памяти страны и потомков, потому что память о профессионалах высочайшего класса хранят не только люди, но и документальные свидетельства их подвигов.

8 мая — ветераны ОМСБОНа отмечают День Победы. 2004 год Слева направо: дочь И. Григулевича — Надежда, разведчик К. Квашнин, дочь В. Зарубина — Зоя, сын А. Тимашкова — Александр, сын Я. Серебрянского — Анатолий, писатель Л. Воробьёв, разведчик И. Гарбуз, внуки Н. Эйтингона — Игорь и Александр, внучка и дочь С. Окуня, сын П. Судоплатова — Анатолий, писатель С. Васильев

8 мая, День Победы на «Динамо». 2006 год Слева направо: Татьяна Окунь, Валерий Назиров, Муза Малиновская, Пётр Нищее, Сергей Васильев, Зоя Зарубина, Теодор Гладков, внучка Н. Эйтингона — Анастасия, Леонид Эйтингон

На вечере, посвящённом столетнему юбилею со дня рождения Наума Эйтингона, его соратники говорили:

Что Эйтингон был мозгом всех крупнейших операций, проведённых в его эпоху по заданию командования,

Что он — один из самых известных разведчиков в мире, включённый в первую сотню лучших агентов двадцатого века, Что он был одним из руководителей «атомного проекта», и что он —

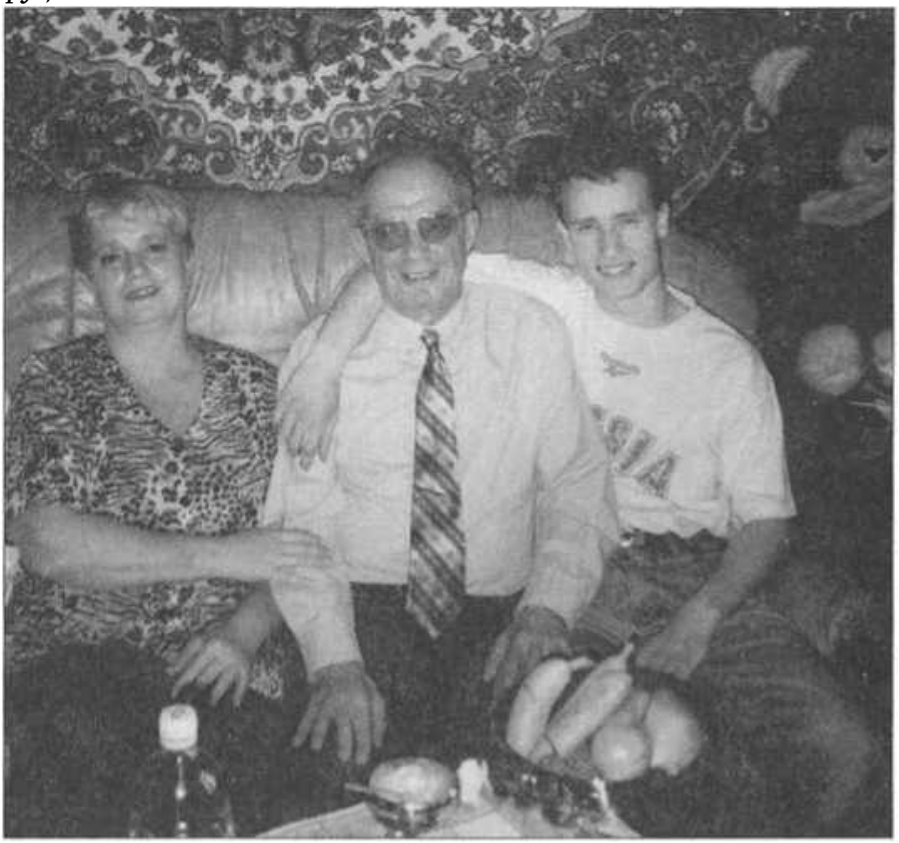
тот самый человек, который создал во всём мире эффективно действующие агентурные сети ОГПУ, заложив фундамент внешней разведки.

Между тем, всё, что мы знаем сегодня о Науме Эйтингоне, — лишь малая доля того, что им было сделано. Всё, о чём пишут журналисты, — только верхушка айсберга, большая часть которого пока недоступна для широкой публики, да и вряд ли будет доступна при жизни и нынешних поколений. Но и того, что есть, оказалось более чем достаточно, чтобы память о нём жила!

Сотрудник разведки, как правило, не имеет право на известность при жизни. Говорят, полковник Абель стал знаменитостью лишь потому, что был арестован в Америке ФБР и обменен на американского пилота-шпиона Фрэнсиса Гарри Пауэрса; не случись этого, так и жил бы Абель в полной безвестное-ти. Но Судоплатов и Эйтингон стали легендами при жизни: говорят, не было ни одного разведчика в стране, кто не преклонялся бы перед их знаниями, талантом и авторитетом. Недаром товарищи по работе ходатайствовали за них перед властями, когда Судоплатов и Эйтингон были брошены в тюрьму по лживому обвинению: ведь в это обвинение никто из них не верил.

Дети Н.Эйтингона — Леонид со старшей сестрой Светланой

Уруцкоевой



Муза, Владимир и сын Музы Александр Эйтингон завещал детям — жить дружно и помогать друг другу

Высокий профессионализм и порядочность — действительно памятник при жизни…

В год 65-летия ОМСБОНа в 2006 году была учреждена медаль с барельефом Судоплатова. Ею были награждены (посмертно) члены ОМСБОНа: П. Судоплатов, Н. Эйтингон, З. Воскресенская, М. Малиновская, И. Асимова, А. Тимашков, М. Батурин, И. Кумарьян, М. Маклярский, С. Окунь, И. Григу-левич и другие. Награды получили их дети.

Дети разведчиков, получившие награды за своих родителей: сидят — А. Асимов (Тимашков), П. Нищее, М. Ковалёва, Э. и М. Кумаръяны, стоят — Ю. Батурин, А. Рыбкин, А. Серебрянский, Т. Гущина (Окунь), Б. Маклярский, Н. Григулевич, М. Малиновская.

2006 год. Фото Л. Эйтингона

Они пришли навестить своих родителей.

Ю. Колесников Л. Воробьёв, А. Серебрянский, А. Судоплатов, З. Зарубина, Л. Эйтингон, М. Малиновская, С. Васильев

Могила Эйтингона на Донском кладбище окружена могилами его соратников и друзей.

Здесь покоится ушедший, оказавшийся теперь уже в другом веке, отряд романтиков, подлинных рыцарей своего долга. Они шли непростыми путями, сквозь тернии, служа своей родине без страха и упрека. Их обвиняли в заговорах, бросали в тюрьмы, выпускали, когда было удобно властям, лишали средств к существованию, натравливали на них продажных писак и беспринципных чиновников, чтобы они умирали не от пули, а от сердечного приступа: ведь так проще…

А они продолжали верить в то, что не напрасно посвятили жизнь служению своей стране, и даже находясь в тюремных казематах, умирали с этой верой. Некоторые из них были ещё живы, когда над ними кружили стервятники и кричало вороньё, но они верили, что им предстоит ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.

Москва, 2009 г.

Дети и внуки разведчиков часто собираются вместе. Им есть что рассказать друг другу. Они свято чтут память своих предков.

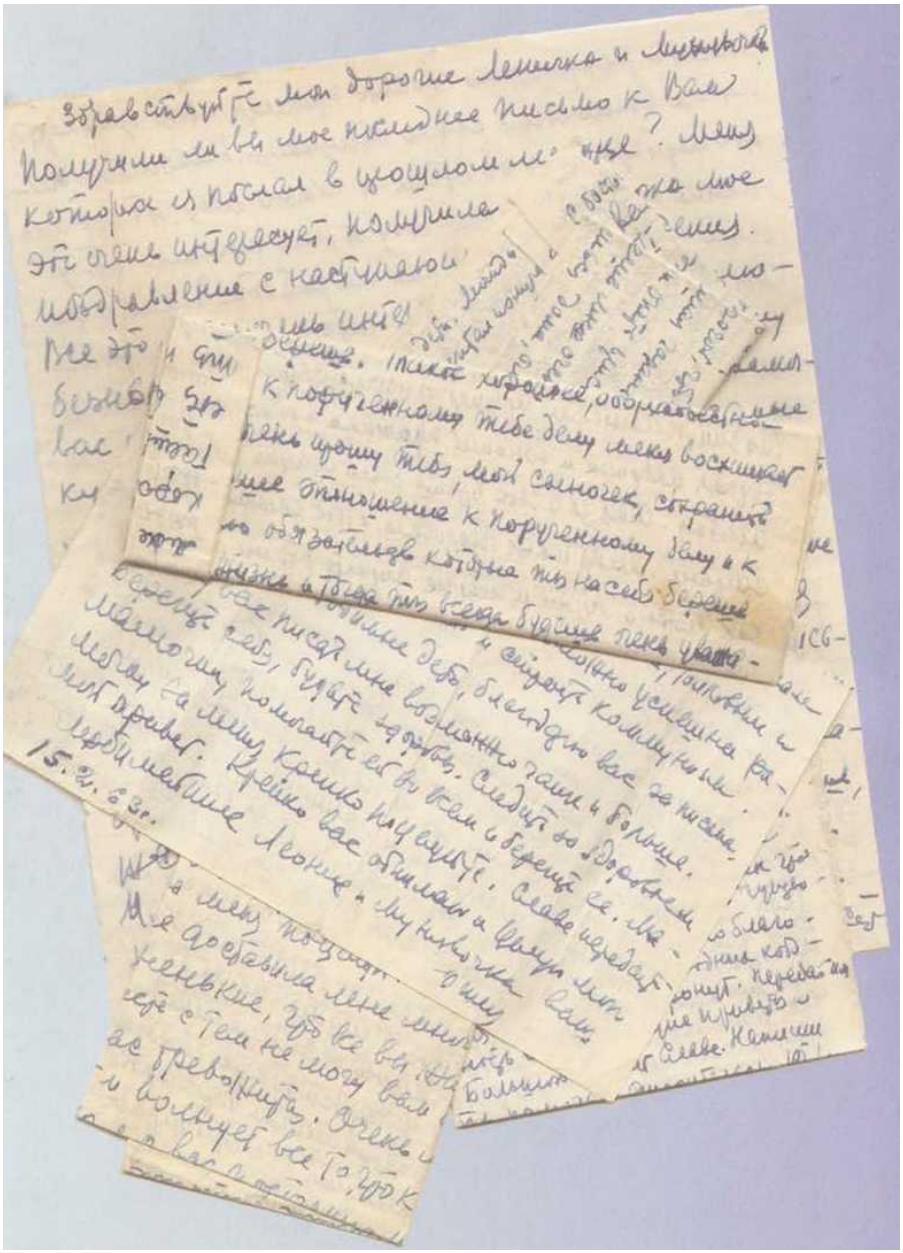
Сидят — внучка Н. Эйтингона Галина, дочь Н. Эйтингона Муза, дочь В. Зарубина разведчица Зоя, дочь С. Окуня Татьяна, дочь М. Ярикова Татьяна, дочь И. Григулевича Надежда.

Стоят — сын М. Маклярского Борис, разведчик Иосиф Гарбуз, сын И. Эйтингона Леонид, сын Я. Серебрянского Анатолий, сын И. Судоплатова Анатолий, сын Г. Мордвинова Баррикадо, сын Л. Сташко Ефрем

Авторы выражают благодарность друзьям, а также родным и близким, предоставившим документы и фотографии для этой книги:

старшим братьям Владимиру и Станиславу и сестре

Светлане,
сыну Израэла Эйтингона — Александру,
дочерям Софьи Эйтингон - Елене и Ирине,
детям Серафимы Эйтингон - Александру и Нине,
дочери В.М. Зарубина - Зое,
сыну П.А. Судоплатова — Анатолию,
сыну Я.И. Серебрянского - Анатолию,
дочери И. Григулевича - Надежде,
сыну Г.И. Мордвинова — Баррикадо,
сыну А.Э. Тимашкова и И.Н. Асимовой — Александру,
сыну З.И. Рыбкиной (Воскресенской) — Алексею,
сыну И. Кумарьяна — Михаилу,
сыну И. Маклярского — Борису,
сыну М. Батурина — Юрию,
сыну Е.А. Паршиной — Леониду,
разведчику И. Щорсу, разведчику И. Гарбузу,
Герою России А. Батяну, Герою России Ю. Колесникову,
Герою Советского Союза Н. Троян.



Эта книга
об уникальной судьбе двух
удивительных людей —
одном из крупнейших
разведчиков XX века
Науме Эйтингоне и
парашютистке и разведчице
Музе Малиновской.
О своих родителях
рассказывают дочь Муза
и сын Леонид.